Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Дальневосточный федеральный университет»

На правах рукописи

Кормазина Ольга Петровна

ВОСПОМИНАНИЕ КАК ЖАНР РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ)

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
кандидат филологических наук, доцент
Петрова Татьяна Ивановна

Владивосток – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. Диалогическая и монологическая речь в контексте теории речевых жанров 11

1.1 Актуальные проблемы теории речевых жанров 11

1.1.1 Становление теории речевых жанров 11

1.1.2 Понятие речевого жанра 15

1.1.3 Проблема типологии речевых жанров 19

1.2 Проблема диалога и монолога в устной речи 25

1.2.1 Диалог как первичная форма устной речи 25

1.2.2 Статус монолога в устной речи 31

1.2.3 Монолог и диалог в аспекте жанроведения 37

1.2.4 Нарратив как особая текстовая форма 40

Глава 2. Варианты жанра воспоминания в контексте реализации коммуникативных событий 48

2.1 Принципы выделения коммуникативных событий 48

2.2. Жанр воспоминания в функциональном аспекте 56

2.2.1 Воспоминание как компонент гипержанра «разговор с собирателем» 56

2.2.2 Воспоминание как компонент гипержанра «непринужденная беседа» 72

2.3 Жанр воспоминания в иллокутивно-структурном аспекте 85

2.3.1 Воспоминание как диалогический нарратив трехчастной структуры 87

2.3.1.1 Воспоминание-повествование 87

2.3.1.2 Коллективное воспоминание 98

2.3.2 Воспоминание как элемент целостной структуры диалога 104

2.3.2.1 Воспоминание-рассказ 105

2.3.2.2 Компрессированное воспоминание 113

2.4 Жанр воспоминания в тематическом аспекте 122

2.4.1 Тематическая специфика воспоминания–диалогического нарратива 123
2.4.2 Тематическая специфика воспоминания–монологического нарратива 136
2.5 Реализация модусных категорий в речевом жанре воспоминания 144
2.5.1 Категории авторизации и персуазивности: проблема автора и говорящего 144
2.5.1.1 Способы передачи чужой речи в тексте воспоминаний 155
2.5.2 Категория оценочности в жанре воспоминания 160
Заключение 172
Список литературы 179
Приложение 1. Воспоминание как компонент гипержанра «разговор с собирателем» 209
Приложение 2. Воспоминание как компонет гипержанра «непринужденная беседа» 224
Приложение 3. Тематическая организация воспоминания–диалогического нарратива 231
Приложение 4. Варианты жанра воспоминания 249

Введение

Принцип антропоцентризма, являющийся базовым для современных лингвистических исследований, обуславливает активное развитие теории речевых жанров, в основе которой лежит идея М. М. Бахтина о том, что использование особых форм высказывания – речевых жанров – обеспечивает возможность речевого общения.

В настоящее время ведется многоаспектное изучение феномена речевого жанра: уточняется содержание понятия «жанр речи», выделяются основные жанрообразующие признаки и рассматриваются возможные подходы к типологии речевых жанров, исследуется проблема становления речежанровой компетенции, изучается специфика речевого жанра как феномена культуры, решается проблема соотношения понятий «жанр» и «функциональный стиль». Важной задачей жанроведения по-прежнему является создание «энциклопедии» речевых жанров, включающей в себя все возможные варианты жанровых форм (А. Н. Байкулова, В. В. Дементьев, Т. А. Милехина, Я. Т. Рытникова, К. Ф. Седов и др.). Настоящее исследование посвящено одному из таких вариантов – жанру воспоминания.

Память, традиционно определяемая как «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта», является одним из основных психических процессов [Мещеряков, Зинченко, 2003, с. 332]. Извлекая ту или иную информацию из памяти, человек одновременно переживает само протекание этого процесса – данный феномен получил название мнемических переживаний. Особое место среди мнемических переживаний занимает процесс воспоминания, основными признаками которого являются «высокая субъективная точность, активный поиск в памяти, сложность переработки, активное участие конструктивных процессов, а также дополнительная уникальная характеристика – наличие эмоционального компонента воспроизведения» [Еременко, 2007, с. 9]. Таким образом, с точки зрения психологии воспоминание рассматривается как одна из форм переживания прошлого.

Названный феномен традиционно выступает и в качестве объекта филологических исследований. Так, в отечественном литературоведении представлен широкий круг работ, посвященных изучению мемуарных текстов (Г. Г. Елизаветина, Т. М. Колядич, А. Ю. Мережинская, Н. А. Николина и мн. др.). Значительное количество исследований посвящено выявлению жанровой специфики мемуаров, например, в классификации Т. М. Колядич в числе других выделяется жанр «воспоминания писателей» как самостоятельная разновидность мемуаристики [Колядич, 1999].

В языкознании воспоминание рассматривается в качестве особого типа дискурса, который может быть описан в том числе и в аспекте его жанровой специфики. Прежде всего, это описание жанра воспоминания в контексте диалектологии – в частности, в ситуациях общения носителя говора с исследователем-диалектологом (Л. Г. Гынгазова, Т. А. Демешкина, О. А. Казакова, Н. В. Лагута, Я. В. Мызникова, Е. А. Оглезнева); причем воспоминание в диалектологических исследованиях характеризуется не только как самостоятельный жанр, но и как элемент комплексного речевого жанра «автобиографический рассказ» (С. В. Волошина). Однако затрагивается и проблема реализации жанра воспоминания в наддиалектных формах языка: в современных исследованиях представлены различные подходы к изучению данного феномена: рассказ-воспоминание как жанровая разновидность фатических монологов (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова), воспоминание как жанр естественной письменной речи – «народные мемуары» (Е. Ф. Дмитриева, Т. П. Сухотерина), устный рассказ-воспоминание, представляющий собой фольклорный текст – «меморат» (М. А. Мамонова, М. В. Веккессер, И. А. Голованов), реализация жанра воспоминания в конкретных ситуациях общения – в частности, во время празднования юбилеев (И. В. Бородина). Многообразие подходов к лингвистическому изучению воспоминания как особого типа разговорного дискурса приводит к необходимости его комплексного исследования и выделения основных жанрообразующих признаков.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования определяется, во-первых, включением его в современную антропоцентрическую парадигму, предполагающую изучение форм функционирования языка в различных коммуникативных условиях – в том числе, и в сфере неофициального общения; во-вторых, необходимостью описания жанрового репертуара языковой личности и выявления специфики отдельных жанровых форм; в-третьих, необходимостью комплексного описания жанра воспоминания, функционирующего в сфере недиалектной коммуникации, и выделения его основных жанрообразующих признаков.

Объектом нашего исследования является воспоминание как особый жанр русской разговорной речи.

Предметом исследования стали функциональные, иллокутивно-структурные и тематические особенности жанра воспоминания.

Материал исследования. Исследование выполнено на материале речи жителей Приморского края в различных ситуациях неофициального общения. В качестве источника материала использованы личные записи автора, сделанные в период с 2012 по 2015 гг., а также база данных «Живая речь дальневосточников», созданная на кафедре русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета. Общий объем аудиозаписей составляет около 3 200 минут; расшифрованных текстов – около 150 000 словоупотреблений.

Цель диссертационной работы заключается в описании текстов воспоминаний как особого жанра разговорной речи, выявлении его специфических признаков в зависимости от условий функционирования.

Для достижения данной цели необходимо решение следующих **задач:**

1) определить специфику основных коммуникативных событий, в контексте которых находит воплощение речевой жанр воспоминания;

2) выявить варианты жанра воспоминания и определить их дифференциальные признаки в функциональном, иллокутивно-структурном и тематическом аспектах;

3) установить основные вариации жанра воспоминания, выявить их экстралингвистические и собственно языковые признаки;

4) изучить особенности реализации модусных категорий в текстах воспоминаний;

5) определить инвариантные признаки воспоминания как жанра разговорной речи.

Методы исследования. В процессе сбора материала использован полевой метод – в частности, методика включенного наблюдения (речь информантов записывалась на цифровой диктофон с последующей расшифровкой аудиозаписей). Исследование выполнено на основе описательного метода с использованием таких приемов, как систематизация, сравнение, обобщение и интерпретация полученных данных. Для выявления дифференциальных признаков вариантов жанра применены метод дискурсивного анализа, метод оппозиций, а также элементы статистического метода.

Методологической базой работы послужили классические и современные труды в области теории речевых жанров (М. М. Бахтин, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, К. А. Долинин, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева), теории диалога (Л. П. Якубинский, А. Р. Балаян, А. Н. Баранов, И. Н. Борисова, Т. Г. Винокур, Г. Е. Крейдлин, И. Г. Сибирякова), теории нарратива (И. Н. Борисова, У. Лабов, Е. А. Падучева, Е. А. Попова, В. Шмид), теории разговорной речи (Л. И. Баранникова, Т. Г. Винокур, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, О. А. Лаптева, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, О. Б. Сиротинина, Ю. М. Скребнев, Е. Н. Ширяев).

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в предпринятом подходе к описанию жанра воспоминания, предполагающем выявление специфики его функционирования в контексте реализации жанра в рамках определенного коммуникативного события. Во-вторых, предложена идея вариативности жанра воспоминания, обусловленной прагматикой различных коммуникативных событий, и впервые представлено комплексное

описание исследуемого жанра на материале живой русской речи недиалектного характера. В-третьих, новой является эмпирическая база исследования: диссертация выполнена на материале живой русской речи дальневосточников.

Теоретическая значимость исследования. Проведенное исследование, во-первых, вносит вклад в развитие современной теории речевых жанров, в создание энциклопедии жанровых форм национального русского языка. Во-вторых, настоящая работа позволяет уточнить природу нарратива как формы текстовой организации живой речи, соединяющей признаки монолога и диалога. В-третьих, многоаспектный анализ жанра воспоминания, выполненный на материале речи дальневосточников, может стать определенным вкладом в исследование регионального варианта национального языка.

Практическая ценность работы. Полученные результаты могут найти применение в полевых исследованиях живой речи носителей русского языка, а также стать основой для дальнейших исследований, посвященных монографическому описанию речевых жанров. Кроме того, данные диссертации могут быть использованы в общих и специальных курсах по современному русскому языку, социолингвистике, теории русской разговорной речи, а также в практике преподавания русского языка как иностранного в рамках реализации коммуникативного подхода к обучению.

Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативностью эмпирического материала, представительностью методологической базы, включающей классические и современные труды в области теории речевых жанров, теории диалога, теории нарратива и теории разговорной речи, убедительностью статистических данных исследования, а также широтой использованных методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жанр воспоминания, обладая набором инвариантных свойств, реализуется в двух различных коммуникативных событиях, возникающих в

ситуациях живой речи: «разговор с собирателем» и «непринужденная беседа»; текстовой реализацией данных событий являются одноименные гипержанры.

2. Жанр воспоминания представляет собой систему вариативных форм, обусловленных спецификой названных коммуникативных событий:

1) в пределах гипержанра «разговор с собирателем» жанр воспоминания реализуется как диалогический нарратив трехчастной структуры (в функции ключевого жанра) в двух вариациях: воспоминание-повествование и коллективное воспоминание;

2) в пределах гипержанра «непринужденная беседа» жанр воспоминания реализуется в качестве монологического нарратива как элемента целостной структуры диалога (в функции жанра-спутника), представленного двумя вариациями: воспоминание-рассказ и компрессированное воспоминание.

Особенности каждой из названных вариативных форм определяются тремя характеристиками: функциональной, иллокутивно-структурной и тематической.

3. Функциональная характеристика жанра воспоминания определяется ведущим типом коммуникативной мотивации: доминирующей интенцией собирателя обусловлена ключевая роль жанра воспоминания в целостном дискурсе разговора, доминирование фатической интенции в непринужденной беседе обуславливает функционирование воспоминания в качестве жанра-спутника.

4. Иллокутивно-структурная характеристика жанра воспоминания определяется соотношением специфики гипержанра с типом нарратива. Разными типами гипержанров обусловлены два типа нарративов, соответствующие конкретным вариантам жанра: в составе гипержанра «разговор с собирателем» воспоминание представляет собой диалогический нарратив трехчастной структуры, в составе гипержанра «непринужденная беседа» – монологический нарратив как элемент целостной структуры диалога.

5. Тематическая специфика вариантов жанра воспоминания обусловлена типом нарратива: определяющими характеристиками диалогического нарратива являются политематичность, иерархическая организация темы, проявление в теме региональной окрашенности; основное свойство монологического нарратива – его монотематичность.

6. Жанр воспоминания представлен модусными вариантами, в основе различения которых лежит категория авторизации, обуславливающая два типа соотношения нарративных линий: совпадение линий автора и говорящего (собственные воспоминания) и их дифференциация (чужие воспоминания). В зависимости от объекта воспоминаний данные варианты находят воплощение в ряде конкретных вариаций.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 285 наименований, и четырех приложений.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены в виде докладов на заседаниях кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток, декабрь 2013 г., апрель 2015 г.), на V международной научно-практической конференции «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР» (Владивосток, октябрь 2013 г.), на XLIV международной филологической конференции (Санкт-Петербург, март 2015 г.), на VI международной научно-практической конференции «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР» (Владивосток, октябрь 2015 г.), на всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (Саратов, ноябрь 2015). По теме диссертации опубликовано 9 работ, в том числе 3 – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Глава 1. Диалогическая и монологическая речь в контексте теории речевых жанров

1.1 Актуальные проблемы теории речевых жанров

1.1.1 Становление теории речевых жанров

Период возникновения теории речевых жанров в отечественной лингвистике относится к 20-м годам XX века. Так, в 1926 году В. Н. Волошинов в статье «Слово в жизни и слово в поэзии», определяя в качестве задачи данной работы попытку «понять форму поэтического высказывания как форму особого эстетического общения, осуществляемого на материале слова», подчеркивает, что в первую очередь следует обратить внимание на существование словесного высказывания в обычной жизненной речи. «Слово в жизни», по мнению ученого, возникает из «внесловесной ситуации», более того, оно «непосредственно восполняется самою жизнью и не может быть оторвано от нее без того, чтобы не утратить своего смысла» [Волошинов, 1995, с. 13]. Сам термин «речевой жанр» используется уже в работе «Марксизм и философия языка», опубликованной в 1929 году; данный феномен понимается В. Н. Волошиновым как «формы речевых выступлений, определяемые условиями, формами и типами речевого общения» [Волошинов, 1993, с. 23].

Изложенным выше положениям соответствует и концепция М. М. Бахтина, нашедшая отражение в широко известной статье «Проблема речевых жанров», центральное место в которой занимает проблема высказывания. Понятие «высказывание» соотносится с соссюровским “parole” и определяется как единица речевого общения; подчеркивается при этом, что «использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности». Типы высказываний, обладающие определенным тематическим, композиционным и стилистическим единством, и названы речевыми жанрами [Бахтин, 1979а, с. 237].

В своей работе М. М. Бахтин подчеркивает глобальность феномена жанровой организации речи. Полемизируя с Ф. де Соссюром, по мнению которого свобода говорящего ограничена лишь принудительным использованием системы языка, он отмечает, что для успешного взаимопонимания участникам общения необходимо владеть и особыми формами высказывания – речевыми жанрами, отсутствие которых сделало бы процесс речевого общения практически невозможным.

Теория речевых жанров, заложенная М. М. Бахтиным, в настоящее время является одним из основных направлений современной лингвистики. В процессе ее развития сформировалось несколько крупных центров изучения жанров речи, в каждом из которых наметился свой подход к исследованию данного феномена. Так, с началом активного изучения русской разговорной речи как функциональной разновидности литературного русского языка, обслуживающей сферу повседневного непринужденного общения людей, постепенно сформировалась Московская школа функциональной социолингвистики (Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Е. Н. Ширяев и др.), задачей которой стало изучение «подлинной, не отраженной в зеркале художественной литературы устной речи» [Китайгородская, Розанова, 2010, с. 14]. В качестве материала использовались магнитофонные и блокнотные записи живой устной речи; результатом этих исследований стала серия широко известных монографий и хрестоматий устной речи, в которых разговорная речь рассматривалась с позиций выявления общих системно-структурных закономерностей языка [Русская разговорная речь, 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Русская разговорная речь, 1983; Русская разговорная речь. Тексты, 1978; Городское просторечие, 1984; Разновидности городской устной речи, 1988 и др.]. Исследования данной школы убедительно показали, что определяющим фактором, формирующим особенности языка повседневного общения, являются условия его функционирования, когда речь становится вербальным компонентом акта коммуникации. Внимание к проблемам коммуникативно-

прагматического характера определило направления дальнейших исследований разговорной речи – в частности, большое внимание было уделено и вопросу о ее ситуативно-жанровой стратификации. Как отмечают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, «уже в первой хрестоматии русской разговорной речи корпус текстов был организован по жанровому принципу» [Китайгородская, Розанова, 2005, с. 29]; кроме того, компоненты коммуникативного акта, признанные значимыми для выделения разновидностей устной речи (характер коммуникации, вид коммуникации, число участников, их коммуникативные намерения и т. п.), по сути своей являются жанровыми параметрами. В последующие годы жанровый принцип лег в основу ряда исследований московских коллоквиалистов: например, [Китайгородская, Розанова, 2003, 2005, 2010] и др.

Другим крупным центром изучения речевых жанров стала Саратовская школа коллоквиалистики и жанроведения (О. Б. Сиротинина, В. Е. Гольдин, К. Ф. Седов, В. В. Дементьев и др.). К числу основных направлений исследований этой школы относятся: 1) типология жанров и жанровых форм [Дементьев, 1997а, 1997б, 2010; Седов, 1998, 2001а, 2006, 2007а, 2008]; 2) жанры в связи с речевыми стратегиями, тактиками и речевыми событиями [Седов, 2001б; Гольдин, 1997а; Дубровская, 1999; Гольдин, Дубровская, 2002]; 3) социопрагматический аспект теории речевых жанров [Дементьев, Седов, 1998]; 4) жанры в связи с концептами и языковой картиной мира [Дементьев, Фенина, 2005; Балашова, 2007]; 5) жанры в связи с общими вопросами коммуникативной компетенции [Седов, 1999а, 1999б, 2001а, 2002, 2004, 2007б, 2009а, 2011; Кощеева, 2010, 2011а, 2011б, 2012] и др. (подробный обзор научных направлений Саратовской школы коллоквиалистики и жанроведения представлен в [Дементьев, 2010]). Труды саратовских лингвистов имеют большое значение в становлении теории речевых жанров. Значимым вкладом в развитие этой теории стало издание в Саратове серийного тематического сборника «Жанры речи» [Жанры речи, 1997, 1999, 2002, 2005, 2007, 2009, 2011, 2012] (с 2013 г. это одноименный международный журнал), в котором

представлены практически все наиболее актуальные направления изучения речевых жанров в России и за рубежом.

Важное место в отечественном жанроведении заняли и работы исследователей из Екатеринбурга (И. Н. Борисовой, Т. В. Матвеевой, И. Г. Сибиряковой и др.). Данное направление теории речевых жанров основывается на многоаспектном изучении разговорного диалога, в частности, его тематической [Сибирякова, 1996, 1997] и функционально-стилистической спицифики [Матвеева, 1990, 1997]; кроме того, значительное внимание уделяется проблеме соотношения феномена речевого жанра с различными единицами коммуникативной практики, такими как коммуникативное событие и речевой поступок [Борисова, 1999, 2001, 2002а, 2002б, 2007, 2009, 2014а, 2014б].

Говоря о центрах изучения речевых жанров, нельзя в их числе не назвать Томскую диалектологическую школу, в которой на протяжении многих лет осуществляется многоаспектное системное описание феномена реальной языковой личности диалектоносителя (в основном, на материале речи конкретного информанта – Веры Прокофьевны Вершининой, коренной жительницы села Вершинино Томского района Томской области; см., например, [Иванцова, 2006]). Одним из аспектов такого описания стало рассмотрение отдельных жанровых форм речи информанта, в частности, жанра воспоминания [Демешкина, 2000; Гынгазова, 2001]; предпринята также попытка комплексного описания коммуникативного существования языковой личности Веры Прокофьевны в аспекте жанров речи [Казакова, 2005, 2007]. В последние годы представителями данной научной школы проводятся монографические исследования отдельных речевых жанров диалектной коммуникации (например, [Волошина, 2008б]).

Активное развитие в России нескольких научных школ, занимающихся исследованием жанров речи, нельзя считать свидетельством «исчерпанности» нерешенных вопросов теории речевых жанров. Более чем за пятьдесят лет изучение феномена жанра речи продвинулось далеко вперед, однако и по сей

день сохраняется ряд актуальных проблем, ожидающих своего решения. К их числу, в частности, относят параметризацию жанровых форм и установление системных отношений между параметрами, создание классификаций и многоаспектной типологии жанров, а также монографическое описание отдельных жанров речи.

1.1.2 Понятие речевого жанра

Усиление интереса к жанровой дифференциации речи привело к возникновению различных подходов к изучению данного феномена, среди которых можно выделить социопрагматический (В. В. Дементьев, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, К. Ф. Седов), психолингвистический (И. А. Бубнова, В. В. Красных, К. Ф. Седов), стилистический (Г. В. Векшин, М. Н. Кожина, Т. В. Матвеева, Н. В. Орлова, В. А. Салимовский), коммуникативно-деятельностный (В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская), когнитивный (А. Г. Баранов, Г. Г. Слышкин), культурологический (Л. В. Балашова, А. Вежбицкая, В. И. Карасик), дискурсивный (И. Н. Борисова, М. Л. Макаров) и др. Подобное разнообразие подходов оказывается одной из причин отсутствия на сегодняшний день единого определения понятия «речевой жанр». Так, М. Ю. Федосюк, принимая за основу классическое определение М. М. Бахтина, понимающего под речевыми жанрами относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, считает, что сами конститутивные признаки высказывания, выделенные М. М. Бахтиным, требуют уточнения данного определения. В качестве основных признаков высказывания М. М. Бахтин называет смену речевых субъектов и завершенность [Бахтин, 1979а, с. 254-255]. По мнению М. Ю. Федосюка, первый из них является «абсолютным и строго формальным признаком», присущим высказыванию, однако второй признак – завершенность – более целесообразно приписывать не высказыванию, а иной, не тождественной ему единице – тексту. Вследствие этого, уточняя положение М. М. Бахтина, М. Ю. Федосюк определяет речевые

жанры как «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы текстов» [Федосюк, 1997а, с. 104].

Важное дополнение к данному определению внесли представители Московской школы функциональной социолингвистики (Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова). По их мнению, разнообразные по тематике тексты можно объединить в ситуативные жанры, учитывая цель коммуникации, количество участников речи, а также психологическую установку общения [Русская разговорная речь. Тексты, 1978, с. 13]; вследствие этого в работах представителей данной школы жанр понимается как тип текстов, «отлившийся» из соответствующей коммуникативной ситуации [Китайгородская, Розанова, 1998 и др.]. На зависимость жанрового варьирования речи от коммуникативной ситуации общения указывал и К. Ф. Седов, определявший речевые жанры как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов, 2008, с. 168]. Данную точку зрения разделяет К. А. Долинин; опираясь на общепринятый тезис о детерминированности речевого поведения экстралингвистическими факторами, он рассматривает высказывание (сообщение) в качестве единицы коммуникативного акта, специфика которой обусловлена определенным набором параметров коммуникативной ситуации (субъект речи, адресат, наблюдатель, референтная и деятельностная ситуации, канал связи, время, место и окружающая обстановка). Исходя из данного положения, исследователь заключает, что для существования речевого жанра как устойчивого образца речевого поведения, «горизонта ожидания для слушающих и модели создания для говорящих», необходимо устойчивое, повторяющееся сочетание определенных значений параметров коммуникативной ситуации. Это позволило К. А. Долинину определить речевой жанр как «установленный в данном социуме тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров по общению» [Долинин, 1998б, с. 39-40]. Данное определение, по мнению его автора,

согласуется с «духом концепции М. М. Бахтина» и в то же время не противоречит размытому, стихийному представлению о речевых жанрах, которое присуще речевой компетенции рядового носителя языка.

Общепризнанная социальная детерминированность речевых жанров приводит исследователей к необходимости соотнесения данного феномена с особыми коммуникативными единицами – событием, поступком, ситуацией. Как справедливо отмечают В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская, «исследовать жанры вне реальности их коммуникативного существования, то есть в отрыве от континуума социальных событий, ситуаций, действий, их неречевых и речевых результатов, <…> значило бы упрощать достаточно сложную в действительности картину социально-коммуникативных взаимодействий, ориентироваться в которой коммуникантам помогает жанровая типизация речевых действий и речевых произведений» [Гольдин, Дубровская, 2002, с. 6]. Исследователи вводят понятие «речевое событие», определяя его как коммуникативную единицу, совершение которой «невозможно без использования конкретных для каждого из таких событий речевых действий и соответствующих им речевых жанров» [Там же, с. 8]. Выделяются два типа речевых событий: простые и сложные. Сложные речевые события представляют собой «форму организации социальной жизни человека», их строение имеет «общественно закрепленный, институционализированный, даже в значительной мере ритуализированный характер» [Гольдин, 1997а, с. 28; Дубровская, 2001, с. 19]; в свою очередь, простые речевые события «не маркированы как явления общественного характера, они не относятся к событиям планируемым, специально организуемым, назначаемым на определенное время» [Гольдин, 1997а, с. 30]. В. Е. Гольдин отмечает, что если состав имен сложных речевых событий определяется прежде всего социально-культурными факторами и может быть весьма обширным (митинг, экзамен, собрание и т.п.), то перечень имен простых речевых событий достаточно невелик (разговор, беседа, рассказ, спор и др.). Исследователи обращают внимание на тесную связь между именами речевых событий и именами

речевых жанров, в результате которой в качестве имени жанра может выступать имя соответствующего события [Гольдин, 1997а; Дубровская, 1999; Гольдин, Дубровская, 2002].

Событие как «дискретная единица членения бесконечного коммуникативного процесса» анализируется в работе И. Н. Борисовой. Опираясь на концепцию В. Е. Гольдина, рассматривавшего речевые события в качестве разновидности коммуникативных событий (наравне с неречевыми), исследователь использует термин «коммуникативное событие», под которым понимает «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова, 2009, с. 13]. Поскольку, несмотря на своеобразие каждого коммуникативного события, речевое общение в целом является стандартным и зависимым от конкретных обстоятельств, представляется возможным выделять различные жанры коммуникативных событий. По определению И. Н. Борисовой, «жанр коммуникативного события есть социально закрепленная форма коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения участников, заданными социальными нормами и правилами»; речевой жанр в этом случае рассматривается как «форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [Там же, с. 31-32]. Важно отметить такой значимый признак коммуникативного события, как композитивность его речевого выражения: «целостное событие может состоять из последовательности коммуникативных эпизодов, воплощенных в диалогических и монологических речевых жанрах» [Там же, с. 13].

В своей работе мы будем использовать термин «коммуникативное событие» в понимании, предложенном И. Н. Борисовой. Рассматривая речевой жанр в качестве формы реализации коммуникативного события, необходимо обратить внимание и на проблему типологии жанров.

1.1.3 Проблема типологии речевых жанров

Создание типологии речевых жанров, как уже отмечалось выше, на сегодняшний день является одной из актуальных задач современного жанроведения. Еще М. М. Бахтин подчеркивал «крайнюю разнородность» жанров речи и отмечал, что «номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» [Бахтин, 1979а, с. 259]. Рассуждая о возможности их классификации, он предлагал разграничивать первичные и вторичные жанры. В качестве первичных (или простых) рассматривались жанры, складывающиеся в условиях непосредственного речевого общения (например, реплики бытового диалога), в качестве вторичных (или сложных) – жанры, возникающие в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т. п. [Там же, с. 239]. В дополнение к этому, рассматривались возможности выделения стандартизированных жанров (приветствия, прощания, пожелания), где говорящий мало что может привнести от себя, а также жанров более свободных, творческих (салонная, застольная, интимно-дружеская или интимно-семейная беседа).

Типология М. М. Бахтина взята за основу в ряде современных жанроведческих работ. Так, А. Г. Баранов развил эту концепцию, предложив разграничивать первичные и вторичные, простые и сложные речевые жанры. Данная классификация включает: 1) первичные (простые) речевые жанры, близкие речевым актам; 2) первичные (сложные) речевые жанры, равные диалогическому тексту; 3) вторичные (простые) речевые жанры, представляющие собой функционально-смысловые элементарные тексты – описание, повествование, рассуждение; 4) вторичные (сложные) речевые жанры – тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде [Баранов, 1997, с. 8].

Подобную классификацию предложил С. Гайда, выделявший несколько возможных подходов к типологизации речевых жанров. В первую очередь,

разграничиваются простые и сложные жанры. Под простыми в данном случае понимаются типы иллокутивных актов, называемых при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие (угроза, отказ, клятва, вопрос и т.п.). Сложный жанр – это «типизированная последовательность речевых актов», его структура имеет «относительно конвенциональный характер» (разговор, письмо) [Гайда, 1999, с. 110]. Кроме того, различаются жанры примарные и секундарные: первые реализуются в условиях непосредственного коммуникативного взаимодействия (вопрос, разговор), тогда как вторые «появляются в условиях высоко развитой культурной коммуникации и являются дериватами от примарных жанров» (бытовое письмо, дневник, дискуссия) [Там же, с. 110]; примарные и секундарные жанры, таким образом, соотносятся с выделенными М. М. Бахтиным первичными и вторичными жанрами. Наконец, выделяются тематические группы жанров, включающие как тематически неограниченные речевые жанры (разговор, письмо), так и жанры со специализированной тематикой (соболезнование, благодарность, приветствие, прощание, пожелание и т.д.).

В классификации, предложенной М. Ю. Федосюком, также противопоставляются простые и сложные речевые жанры, однако при этом им дается иное терминологическое обозначение: жанры элементарные и комплексные. Под элементарными жанрами исследователь понимает «такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров» [Федосюк, 1997а, с. 104]. Примером элементарных речевых жанров могут служить сообщение, похвала, приветствие или просьба. Комплексными речевыми жанрами, по мнению М. Ю. Федосюка, следует считать «типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра» [Там же]. Более того, комплексные жанры могут разделяться на монологические, то есть

включающие в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (утешение, убеждение, уговоры), и диалогические, то есть состоящие из реплик разных коммуникантов (беседа, дискуссия, спор или ссора).

Более сложная, трехуровневая классификация речевых жанров (субжанр – жанр – гипержанр) предложена К. Ф. Седовым. В данном случае речевой жанр (в узком значении этого термина) оказывается центральной единицей типологии. Он определяется как «микрообряд, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации» [Седов, 2001а, с. 112]. Такой «микрообряд», как правило, реализуется в форме интеракции, порождающей диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько микротекстовых единиц. В качестве примеров речевых жанров исследователь называет разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу и др. Для обозначения минимальной единицы данной типологии К. Ф. Седов вводит термин «субжанр», представляющий собой одноактные высказывания; в конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии общения. Особо исследователь отмечает способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра (или стиля) они входят (например, колкость в светской беседе и колкость в семейной ссоре). В свою очередь, гипержанрами, или гипержанровыми формами К. Ф. Седов называет особые макрообразования – «речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров» [Там же, с. 113]. Выделяются, например, гипержанр «застолья», в состав которого входят такие жанры, как тост, семейная беседа и т. п.; «семейный гипержанр», включающий в себя жанры семейной беседы, ссоры и др.

Все представленные выше классификации основываются, в первую очередь, на степени сложности текстовой реализации жанра, что позволяет

определять их в качестве структурных классификаций. По мнению О. А. Казаковой, первым шагом при разработке структурной типологии жанров должно быть вычленение единиц речевого общения. За основу данной типологии взяты работы М. Л. Макарова, называвшего в качестве основных единиц дискурса коммуникативный акт, коммуникативный ход, обмен, трансакцию и интеракцию [Макаров, 1997], а также И. Н. Борисовой, выделявшей в непрерывном процессе коммуникации отдельные коммуникативные события и единицы более низких уровней – коммуникативные эпизоды и речевые акции [Борисова, 2009]. В результате О. А. Казакова указывает следующие единицы, значимые для разработки структурной типологии жанров: речевой ход (речевая акция) – коммуникативный эпизод (трансакция) – коммуникативное событие (интеракция). По мнению исследователя, данные единицы коммуникативного бытия реализуются посредством речевых единиц: высказывание – диалогический текст / монологический текст – комплекс диалогических текстов и монологических текстов. Опираясь на трехуровневую классификацию К. Ф. Седова, с одной стороны, и на типологию единиц коммуникативного бытия, с другой стороны, О. А. Казакова предлагает следующую иерархически выстроенную структурную типологию речевых жанров: простые (элементарные) жанры – сложные жанры – гипержанры [Казакова, 2007].

Простой (элементарный) речевой жанр в данной типологии представляет собой тип высказывания, являющегося текстовой (речевой) реализацией речевого хода говорящего. В терминологии К. Ф. Седова это субжанр, однако, по мнению О. А. Казаковой, подобные высказывания целесообразно рассматривать не как субжанры, а как минимальные элементарные речевые жанры, поскольку они обладают всеми жанровыми признаками, могут употребляться говорящим самостоятельно и быть понятыми собеседником [Казакова, 2007, с. 27-28]. В свою очередь, посредством речевых ходов говорящих коммуникативный эпизод создается

как целостный фрагмент коммуникативного события. Текстовой реализацией коммуникативного эпизода является сложный речевой жанр, причем коммуникативный эпизод может состоять из единства реплик субъектов речевого общения (диалог) или пространной реплики одного субъекта речевого общения (монолог). Таким образом, сложный речевой жанр, по О. А. Казаковой, – это «тип текстовой (речевой) реализации коммуникативного эпизода, состоящий из единства элементарных речевых жанров» [Там же, с. 28]. Если элементарные речевые жанры функционируют в диалоге, то объединяются в сложный диалогический жанр, если же они являются частью монологического текста, то соответственно оформляются в сложный монологический речевой жанр.

Крупнейшим типом речевых жанров О. А. Казакова, вслед за К. Ф. Седовым, называет гипержанр как «целостный комплекс сложных речевых жанров, объединенных в рамках коммуникативного события» [Там же]. В целом, структурная типология, предложенная О. А. Казаковой, может быть представлена в виде следующей схемы:

единицы коммуникативного бытия	*единицы речи*	*типы речевых единиц (РЖ)*
речевая акция (речевой ход)	высказывание	простой РЖ
коммуникативный эпизод	диалогический текст или монологический текст	сложный РЖ
коммуникативное событие	комплекс диалогических текстов и монологических текстов	гипержанр

Помимо структурной типологии можно выделить еще одну – интенциональную, предполагающую дифференциацию жанров на основании коммуникативной цели участников общения [Казакова, 2007]. Так, в пятичленной типологии Н. Д. Арутюновой, основанной на иллокутивном

критерии, выделяются: 1) информативный диалог, 2) прескриптивный диалог, 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (спор, дискуссия), 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений, 5) праздноречевые жанры [Арутюнова, 1992, с. 52-53]. По мнению К. Ф. Седова, важнейшим принципом разграничения жанров бытового общения следует считать выделение во всем пространстве речевого поведения полюсов информатики и фатики, предложенное Т. Г. Винокур (что соотносится и с представленной выше классификацией Н. Д. Арутюновой). Информативная цель, по мнению Т. Г. Винокур, подразумевает сообщение о чем-либо, тогда как основная фатическая интенция заключается в самом факте общения [Винокур, 1993а, 1993б]. Важной в данной ситуации оказывается точка зрения К. Ф. Седова, отмечающего, что в реальной коммуникации не существует чистой информатики и чистой фатики, вследствие чего все речевые жанры можно разделить на информативные по преимуществу (жанры, в которых говорящий главным образом передает новую для слушателя информацию) и фатические по преимуществу (где суть общения не столько в передаче информации, сколько в выражении разнообразных нюансов взаимоотношений между участниками коммуникации) [Седов, 2008, с. 171-172].

Коммуникативную цель в качестве наиболее значимого жанрообразующего признака указывает также Т. В. Шмелева, представляя разработанную ею модель речевого жанра. В зависимости от того, в какой «мир» направлена данная цель – мир информации, оценок, реальных событий или социальных отношений – исследователь выделяет четыре типа речевых жанров: 1) информативные, целью которых являются различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение; 2) императивные, цель которых – вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения; 3) этикетные, целью которых является осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного

социума: извинения, благодарности, соболезнования и т.п.; 4) оценочные, цель которых – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки и качества с принятой в данном обществе шкалой ценностей [Шмелева, 1997, с. 92]. Исследователь подчеркивает, что выделенные типы речевых жанров «не исчерпывают всех коммуникативных задач, осуществляемых в речи» (так, в представленной типологии отсутствуют фатические жанры), однако поясняет, что «названные типы целей организуют основные типы речевых жанров, являясь важнейшим жанрообразующим моментом» [Там же, с. 93]. Каждый из четырех выделенных типов речевых жанров, по мнению исследователя, объединяет довольно большое количество жанров, различающихся внутри названных типов по другим жанрообразующим признакам (образ автора и образ адресата, образ прошлого и образ будущего, диктумное содержание, языковое воплощение).

Таким образом, все представленные выше подходы к классификации речевых жанров свидетельствуют о сложности данного феномена, вследствие чего невозможным оказывается создание единственно верной типологии жанров, так как каждый из аспектов классификации отражает определенную сторону этого многогранного явления.

Один из возможных подходов к классификации предполагает соотнесение феномена жанра речи с двумя глобальными речевыми формами – диалогом и монологом.

1.2 Проблема диалога и монолога в устной речи

1.2.1 Диалог как первичная форма устной речи

Вопрос о важности изучения проблемы диалога получил освещение еще в 20-е – 30-е гг. XX века. Так, Л. П. Якубинский в своей статье «О диалогической речи», вышедшей в 1923 году, подчеркивает необходимость более подробного исследования вопроса о формах речевого высказывания, который прежде, по мнению исследователя, «оставался в тени». Характеризуя монолог и диалог как формы речи, Л. П. Якубинский под диалогической

формой речевого общения понимает «перемежающиеся формы взаимодействий, подразумевающие сравнительно быструю смену акций и реакций взаимодействующих индивидов», под монологической – «длительные формы воздействия при общении» [Якубинский, 1986, с. 25]. Определение диалога как «формы взаимодействия», а монолога – как «формы воздействия» оказывается принципиальным: поскольку наша жизнь строится именно на взаимодействии, которое всегда стремится избежать односторонности, постольку и диалог оказывается наиболее естественной формой речи, противопоставленной «искусственности» монолога. Данное утверждение приводит к выводу о важности изучения диалогической формы как всеобщей: по мнению Л. П. Якубинского, «нет речевых взаимодействий вообще там, где нет диалога, но есть такие взаимодействующие группы, которые знают только диалогическую форму, не зная монологической» [Там же, с. 32].

Диалог как первичная форма речи обладает рядом отличительных признаков. В-первых, для него характерен сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой и одна реплика в высшей степени обусловлена другой; при этом данный обмен происходит вне какого-либо предварительного обдумывания. Во-вторых, характеристика диалога как непосредственной формы речевого общения («лицом к лицу») обуславливает его тесную взаимосвязь с общением мимико-жестикуляционным. В-третьих, важной особенностью диалога оказывается также тот факт, что подготовка к высказыванию происходит одновременно с восприятием чужой речи: интервал между двумя репликами говорящего должен быть использован и для восприятия и понимания речи собеседника, и для подготовки (тематической и речевой) ответа ему. По мнению Л. П. Якубинского, совпадения этих двух моментов нет при осуществлении речи в порядке монолога. В-четвертых, одним из важнейших факторов восприятия речи при диалогическом общении оказывается бытовая обстановка – наличие постоянной «апперципирующей массы, на фоне которой

осуществляется каждое последующее говорение» [Якубинский, 1986, с. 45]. Наконец, для диалогической речи оказывается характерной и «возможность недосказывания», неполного высказывания, композиционная простота, противопоставленная композиционной сложности монолога.

Тенденция к изучению диалога как первичной речевой формы находит свое отражение в работе В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», вышедшей через шесть лет после статьи Л. П. Якубинского: «Проблема диалога начинает все более и более привлекать к себе внимание лингвистов, а иногда прямо становится в центре лингвистических интересов. Это вполне понятно: ведь реальною единицею языка-речи является не изолированное единичное монологическое высказывание, а взаимодействие, по крайней мере, двух высказываний, то есть диалог» [Волошинов, 1993, с. 114-115]. Непосредственное речевое общение людей лицом к лицу («диалог в узком смысле этого слова») В. Н. Волошинов называет важнейшей формой речевого взаимодействия, при этом автор замечает, что диалог можно понимать и широко, как всякое речевое общение, какого бы типа оно ни было. В этом случае даже книга как «печатное речевое выступление» будет ориентирована на «активное, связанное с проработкой и внутренним реплицированием восприятие и на организованную печатную же реакцию», а значит будет являться моментом непрерывного речевого общения [Там же, с. 97].

Понятие диалога становится ключевым и для работ М. М. Бахтина. Как отмечает Н. К. Бонецкая, «бахтинская философия есть первая и единственная на русской почве развитая философия диалога» [Бонецкая, 1993, с. 84]. Суть философской концепции М. М. Бахтина может быть передана следующей его цитатой: «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия. <…> Быть – значит общаться диалогически» [Бахтин, 1994, с. 160-161]. Данная концепция находит отражение и в лингвистических работах ученого. В частности, в «Проблеме речевых жанров» М. М. Бахтин подвергает критике идеи В. Фон Гумбольдта и К. Фосслера, выдвигавших на первый план говорящего без необходимого

отношения к другим участникам речевого общения, а также Ф. де Соссюра, представлявшего схему активных процессов речи у говорящего и соответствующих пассивных процессов восприятия и понимания речи у слушающего. По Бахтину, «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер; всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [Бахтин, 1979а, с. 246]. Конечно, далеко не в каждой ситуации за высказыванием следует непосредственный ответ, однако, с точки зрения ученого, он и не требуется. Гораздо важнее тот факт, что каждое высказывание вызывает «ответное понимание замедленного действия», которое проявляется в том, что рано или поздно услышанное и понятое откликнется в ответных репликах или даже в безмолвном поведении слушающего.

В этой связи в качестве существенного признака высказывания М. М. Бахтин называет его обращенность к кому-либо, его адресованность. В отличие от значащих единиц языка (слова и предложения, которые «безличны, ничьи и никому не адресованы»), высказывание имеет и автора, и адресата. Этот адресат может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, может быть и совершенно неопределенным лицом – все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание. Следовательно, «кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого и зависит и композиция и в особенности стиль высказывания» [Бахтин, 1979а, с. 276]. По этой причине обращенность рассматривается М. М. Бахтиным как конститутивная особенность, «без которой нет и не может быть высказывания»; адресованность, таким образом, оказывается характерным признаком диалога как первичной речевой формы.

В качестве «основной формы разговорной функционально-стилистической разновидности общенародного языка» диалогическую речь рассматривает и Т. Г. Винокур, справедливо отмечая, что именно в диалоге наиболее ярко проявляется коммуникативная функция языка – сообщение оформляется в непрерывное взаимное общение членов человеческого коллектива [Винокур, 1955, с. 342]. С 60-х гг. прошлого столетия названная выше «разговорная разновидность» общенародного языка становится центральным объектом исследования в работах представителей Московской школы функциональной социолингвистики (Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, Е. Н. Ширяев, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова и др.). Названная термином «разговорная речь», данная разновидность определяется как «неподготовленная непринужденная речь носителей литературного языка, обнаруживающаяся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер» [Русская разговорная речь. Тексты, 1978, с. 3-4]. В числе ее основных признаков авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь» называют сильную опору на внеязыковую ситуацию, использование невербальных средств коммуникации, а также преимущественно устную форму реализации [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1983, с. 6]. Можно заметить, что все перечисленные признаки легко соотносятся с основными характеристиками диалогической речи, выделенными Л. П. Якубинским (быстрый обмен репликами без предварительного их обдумывания, наличие «бытового контекста», создающего возможность недосказывания, соединение речевого общения с общением мимико-жестикуляционным) [Якубинский, 1986]. Это позволяет исследователям-коллоквиалистам рассматривать диалогичность как «типическую особенность неофициального устного общения», а сам диалог – как «важнейшую форму существования непринужденной разговорной речи» [Земская, 1988а, с. 15; Земская, 1988б, с. 234].

Важное замечание относительно теории диалога было сделано Н. Д. Арутюновой. Рассматривая диалог как основную форму организации речевого взаимодействия [Арутюнова, 1970, 1999] и как «форму организации внутренней жизни человека», образующую оппозицию «я – другой», она обращает внимание на то, что само слово «диалог», оставаясь литературоведческим и лингвистическим термином, практически не используется в бытовой речи, где вместо него употребляется слово «разговор» [Арутюнова, 2010].

На современном этапе развития отечественной лингвистики диалог по-прежнему остается одним из центральных объектов исследования. Многоаспектное описание данного феномена представлено в монографическом исследовании И. Н. Борисовой «Русский разговорный диалог», где он уже традиционно определяется как «онтологически первичная, пратекстовая форма организации речи» [Борисова, 2009, с. 7]. Проанализированный в четырех различных аспектах (коммуникативно-ситуативном, когнитивном, психолингвистическом и дискурсивном), разговорный диалог представляется в итоге как особый тип текстовой организации речи, которому свойственна и особого рода интегративность; под интегративностью в данном случае понимается «структурная определенность речевого произведения, его соотнесенность с формой организации (композиционной, тематической, коммуникативной) речевого произведения» [Там же, с. 8].

Таким образом, зародившаяся еще в первой половине XX века традиция изучения диалога как первичной формы речевого общения в настоящее время оказывается господствующей: признание диалогичности в качестве основного свойства человеческого мышления и свойства речевого высказывания приводит к выводу о диалогизме как внутреннем качестве, присущем языку в целом.

1.2.2 Статус монолога в устной речи

В связи с признанием диалога в качестве первичной, естественной речевой формы закономерно возникает вопрос о статусе монолога в устной речи, остающийся на протяжении нескольких десятилетий достаточно дискуссионным. Решение данного вопроса предполагает рассмотрение трех тесно взаимосвязанных между собой проблем: 1) проблемы определения понятия «монолог», 2) проблемы выделения критериев разграничения монолога и диалога, 3) проблемы адресованности монологической речи.

Традиционно монологичность рассматривалась как характерный признак письменной речи. Подтверждение этому можно найти в работах многих исследователей. Так, О. А. Лаптева пишет: «Обычная точка зрения такова, что письменная речь преимущественно монологична, устная – диалогична» [Лаптева, 1976, с. 48]. Монолог как «компонент художественного произведения, представляющий собой речь, обращенную к самому себе или к другим», определяет Е. А. Иванчикова [Иванчикова, 1979, с. 146], по мнению которой основное отличие монолога от диалога заключается в отсутствии расчета на непосредственную речевую реакцию другого лица, а также в определенной композиционной организованности и смысловой завершенности монологической речи.

В свою очередь, Г. О. Винокур, обратившись к проблеме соотношения монолога и диалога в рамках художественного текста, отмечал, что в нем не существует строгих и абсолютных границ между обоими видами реплик [Винокур, 1948, с. 278]. Основное отличие монолога от диалога ученый видел в следующем: 1) относительно большой протяженности монологических и относительно малой протяженности диалогических реплик, 2) значительной композиционной сложности монолога, 3) обращенности монологической реплики, в отличие от диалогической, не вовне, а внутрь, не столько к партнерам, сколько к себе самому, и, как следствие, в меньшем ожидании реакции слушающих, 4) стремлении монолога «выйти за непосредственные тематические границы разговора», захватывая собой более обширное

содержание, чем то узкое и достаточно необходимое, каким довольствуется обмен репликами в диалоге [Там же].

На соответствие монологической формы высказывания «посредственным взаимодействиям», то есть письменной речи, указывал и Л. П. Якубинский. Однако он признавал тот факт, что и при непосредственном взаимодействии «лицом к лицу» возможна не только диалогическая, но и монологическая форма. Противопоставляя в подобной ситуации монолог и диалог, Л. П. Якубинский выделял такие типичные черты монологической формы речи: длительность и обусловленная ею связность речевого ряда; односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику; наличие заданности, предварительного обдумывания [Якубинский, 1986]. Кроме того, для монолога в значительно меньшей степени, чем для диалога, свойственно и использование невербальных речевых средств (жестов и мимики), а также влияние апперцепционности на восприятие речи. Указывая на связь монологизирования с авторитетностью, ритуалом, церемонией и подчеркивая его особую композиционную сложность, Л. П. Якубинский определял монолог как форму «во многом искусственную», не свойственную непосредственному человеческому общению.

О необходимости разграничения монолога как элемента литературного произведения и как разновидности разговорной формы речи писала Н. Ю. Шведова. По ее мнению, в последнем случае монолог как «непосредственно обращенный к собеседнику непринужденный рассказ» должен отличаться от диалога не только «объемом, направленностью к партнерам и узостью тематических границ», но и специфическими синтаксическими свойствами [Шведова, 1956, с. 68].

Возможность существования монолога не только в художественном произведении, но и в устной речи (в том числе разговорной) признавала и Т. Г. Винокур: определяя монолог как «форму речи, образуемую в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие», в числе основных его «жанровых форм» в одном ряду она

указывала и художественный монолог, и ораторскую речь, и бытовой рассказ [Винокур, 1998б, с. 310]. Монологическая речь характеризуется исследователем как «явление, прямо противоположное диалогу» и, соответственно, имеющее обратные диалогу свойства: односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реакцию, наличие заданности, предварительного обдумывания, обуславливающего длительность, связность и логическую построенность речи [Винокур, 1955, с. 344]; в то же время подчеркивается и большая или меньшая степень «диалогизированности» любого отрывка монолога, который неизменно «содержит показатели стремления говорящего повысить активность адресата» [Винокур, 1998б, с. 310].

Проблема выделения монолога в устной речи нередко затрагивалась в работах лингвистов-диалектологов. Еще Л. В. Щерба в своем исследовании «Восточно-лужицкое наречие» отмечал, что живой диалектной речи монолог не свойственен [Щерба, 1915]. Позднее данное утверждение подверглось сомнению: например, О. А. Лаптева писала о том, что «исключить монолог из устной речи, даже и из диалектной, – значит не учитывать существование многих ее жанров, и прежде всего жанра повествования, рассказа» [Лаптева, 1976, с. 49]. При этом отмечается, что в живой устной речи диалог и монолог противопоставлены не столь отчетливо: как и диалог, монолог в живой речи ориентирован на слушателя, с которым говорящий непременно должен установить контакт, чтобы сам факт его сообщения не утратил смысла. Главным отличительным признаком, по мнению О. А. Лаптевой, в этом случае остается «пространность» реплики, определяющая появление в речи тех или иных синтаксических конструкций – «кратких единичных однофразовых реплик» в диалоге и «пространных нееединичных высказываний в монологе» [Там же, с. 52].

Целесообразным признается выделение монолога как одной из форм речевого общения и в работах современных исследователей-диалектологов. Так, О. А. Казакова относит к монологическим текстам «относительно

протяженные реплики одного говорящего, объединенные единством коммуникативной ситуации и относительной тематической однoплановостью» [Казакова, 2006, с. 399]. При этом признак целостности монологического высказывания оказывается менее релевантным: по мнению О. А. Казаковой, монолог в разговорной речи может быть прерван короткими репликами собеседника, не влияющими на ход повествования [Там же].

Таким образом, в качестве основных признаков монологической формы устной речи исследователи называют отсутствие расчета на незамедлительную реакцию адресата, длительность и целостность, «непрерываемость» высказывания. Такие же признаки характеризуют монолог и в книжно-письменной речи (см.: [Винокур, 1948; Иванчикова, 1979]). Однако очевидно, что монолог в книжно-письменной и в устной речи – явления совершенно различные, вследствие чего подвергается сомнению и релевантность вышеназванных признаков для последнего. Во-первых, это связано с тем, в настоящее время безоговорочно признается адресованность, направленность устной монологической речи на слушающих, которая выражается в стремлении говорящего «установить контакт со слушающим» [Лаптева, 1976, с. 49], «повысить его активность» [Винокур, 1998б, с. 310]. Во-вторых, большинство лингвистов сходятся во мнении, что реплики слушающего, прерывающие ход повествования, не всегда нарушают его целостность (например, Т. И. Лукиных отмечает, что «монологической по своему характеру речь рассказчика может оставаться и тогда, когда слушающий, казалось бы, неоднократно перебивает рассказчика» [Лукиных, 1985, с. 72]). В-третьих, спорным представляется и понятие протяженности высказывания, трактующееся каждым исследователем по-своему. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что монологичность устной речи требует иного терминологического обозначения, отличающего его от монолога в письменной речи.

Принципиально новый, на наш взгляд, подход к данной проблеме предложен московскими исследователями-коллоквиалистами. Коллективом

авторов (Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, Е. Н. Ширяев и др.) была разработана первая типология ситуативных жанров разговорной речи, в которой на основании таких критериев, как коммуникативная цель и количество участников речи, выделялись три основных жанра: рассказ, диалог и полилог. Характеризуя рассказ как один из жанров разговорной речи, исследователи подчеркивали невозможность определения его самим термином «монолог»: «Рассказ (а не монолог!) – это изложение каких-то событий, пересказ книги и т.д. одним говорящим» [Русская разговорная речь. Тексты, 1978, с. 13]. Отличительной чертой данного жанра является «доминирование» в речи рассказчика, однако его сближает с диалогом постоянная обращенность к слушающим, ожидание их реакции. «Диалогизированность» рассказа как его типологическая черта признается всеми коллоквиалистами. Так, Е. Н. Ширяев в качестве основных свойств «разговорного повествования» (то есть рассказа) выделяет именно те, которые сближают его с диалогом, – в частности, это открытость для слушателей, тематическая разноплановость, имплицитность, вопросно-ответная форма построения текста, а также наличие незавершенных высказываний и контактоустанавливающих слов [Ширяев, 1982].

Своеобразным типом речи коллоквиалисты называют стимулированный рассказ, когда одним из участников общения является собиратель, записывающий речь на магнитофон; он старается быть немногословным, но при этом стремится к тому, чтобы рассказчик продолжал свое повествование, задавая для этого специальные, «нацеленные» вопросы [Русская разговорная речь. Тексты, 1978, с. 13].

В настоящее время общепризнана «диалогизированность» не только устной монологической речи, осуществляющейся в ситуации непосредственного взаимодействия участников коммуникации, но также и устной публичной речи, обращенной к опосредованному массовому адресату – зрителям и слушателям средств массовой коммуникации [Земская, 1988а; Китайгородская, 1993]. Несмотря на то, что массовый адресат лишен возможности принять участие в речи говорящего (он не может ни возразить,

ни согласиться, ни прервать речь говорящего), в ней неизбежно появляются диалогические элементы, такие как реплики-обращения к адресату и «разыгрывание» диалога со слушающими.

Особое проявление проблема адресованности речи получает в ситуациях интракоммуникации, когда речь говорящего обращена к особому типу адресата: автоадресату (к самому говорящему), гипотетическому адресату (к отсутствующему в акте коммуникации «третьему лицу»), квазиадресату (к детям младенческого возраста, а также к животным), псевдоадресату (к неодушевленным предметам и явлениям природы) [Китайгородская, 1993, с. 79-80]. Как и в ситуации опосредованной адресации, здесь налицо признаки проявления диалогичности в формально монологической речи. Наиболее ярко эти признаки обнаруживаются в речи, обращенной к самому себе. Так, по замечанию Т. И. Лукиных, «даже внутренний монолог есть не что иное, как перенесенный во внутреннюю речь диалог между я-говорящим и я-слушающим» [Лукиных, 1985, с. 73]. Диалогичность прослеживается и в речи, обращенной к младенцам и животным; эта речь всегда влечет за собой реакцию, пусть и не выраженную вербально, но способную повлиять на дальнейшие коммуникативные намерения говорящего. Кроме того, при любом типе адресата в ситуации интракоммуникации возможно моделирование так называемого «квазидиалога», для которого характерно «разыгрывание» возможных реплик собеседника.

Таким образом, следует признать, что монолог в его традиционном понимании как относительно протяженная, непрерываемая речевая партия одного говорящего, не рассчитанная на незамедлительную реакцию адресата, не свойственен живой устной речи. Правомернее в данном случае говорить о рассказе, для которого характерно доминирование в речи одного говорящего и в то же время – диалогичность, постоянная обращенность к адресату и ожидание его реакции. Данный подход соответствует общей тенденции к признанию диалогичности в качестве типологической черты живой устной речи, проявляющейся не только в ситуациях непосредственного речевого

взаимодействия, но и в ситуациях опосредованной массовой коммуникации, а также в ситуациях интракоммуникации.

1.2.3 Монолог и диалог в аспекте жанроведения

Вопрос о возможности выделения монолога как одной из форм устной разговорной речи наравне с диалогом неизбежно привел лингвистов к мнению о целесообразности разграничения монологических и диалогических речевых жанров, выделяемых на основании различных жанрообразующих признаков. Такой признак, как принадлежность реплик одному или нескольким говорящим, лег в основу выделения жанров диалога и рассказа в коллоквиалистике, где изначально не была представлена их более детальная классификация. В последующие годы М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой предложены принципы более точного вычленения речевых жанров на основе четырех параметров коммуникативного акта, таких как пространство, время, партнеры по коммуникации и тема [Китайгородская, Розанова, 2005]. В зависимости от параметра «коммуникативная активность партнеров по коммуникации» традиционно выделялись монологические и диалогические речевые жанры; дополнительным критерием разграничения стал параметр «коммуникативные намерения партнеров по коммуникации», на основании которого различались жанры нефатического и фатического общения. Соответственно, в классификации М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой назывались как монологические жанры нефатического (сообщение, наставление, выговор) и фатического (рассказ, праздничный тост) общения, так и диалогические жанры нефатического (разговор-обсуждение, спор, ссора) и фатического (беседа, сплетня) общения [Там же].

В классификации, предложенной И. Н. Борисовой, к коммуникативной установке говорящих добавляются такие жанрообразующие параметры, как тип коммуникативной ситуации и речевой вклад в развитие коммуникации; в соответствии с данными признаками различаются следующие жанры разговорного диалога: семейная беседа, регулятивный диалог (диалог-

инструкция), диалог-рассказ и диалог-расспрос (диалог-интервью) [Борисова, 1999]. Особого внимания заслуживает выделяемый исследователем жанр «диалог-рассказ», подтверждающий идею о необходимости рассматривать рассказ как особую форму ведения диалога.

По мнению К. Ф. Седова, основным жанром повседневного общения следует считать разговор, представляющий собой родовое обозначение, инвариант таких жанровых форм, как бытовой разговор (болтовня), разговор по душам, разговор в компании (дружеская беседа), светский разговор (светская беседа) [Седов, 2009а, с. 86]. В терминологии, принятой в саратовской школе генристики, эта речежанровая форма является гипержанром, то есть «сложным образованием, включающим в свою структуру иные речевые жанры (например, рассказ, сплетня, комплимент, колкость и т.п.)» [Седов, 2011, с. 31]. Обращает на себя внимание тот факт, что в данной терминологии понятия «разговор» и «беседа» употребляются в качестве синонимичных. В ряде других исследований эти термины разграничиваются. Так, Я. Т. Рытникова, выделяя в коммуникативном пространстве семейного общения бытовой разговор и беседу, противопоставляет их друг другу как информативный и фатический жанры соответственно [Рытникова, 1997]. На семантические различия слов *разговор* и *беседа* указывала И. Б. Левонтина, называя следующие принципы их разграничения: 1) в слове *разговор* главное – содержание общения, его тема, предмет, тогда как в слове *беседа* – само общение, его качество; 2) беседа должна быть не только достаточно долгой, но и достаточно обстоятельной, тогда как разговор может быть и кратким; 3) слово *беседа* в бóльшей степени, чем *разговор*, указывает на равенство участников общения [Левонтина, 1994]. Данные параметры, обозначенные как цель коммуникации, длина и темп общения, а также характер отношений между партнерами по коммуникации, позднее легли в основу противопоставления речевых жанров разговора и беседы в исследовании М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова, 2005].

Важно отметить, что беседа и разговор в разных работах могут рассматриваться и как диалогические речевые жанры, и как гипержанровые формы. Сами названия выделяемых исследователями гипержанров «беседа» и «разговор» указывают на их диалогическую природу. Гипержанр как комплекс речевых жанров, характерных для определенной ситуации взаимодействия людей, не может быть монологичным, однако он с легкостью может включать в себя как диалогические, так и монологические речевые жанры.

Исходя из концепции коллоквиалистов, основным монологическим жанром исследователи традиционно называют жанр рассказа, в рамках которого могут быть выделены различные вариации. Так, по мнению М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, разновидностями рассказа как «монологического жанра нарративного типа» являются собственно рассказ, рассказ-повествование, рассказ-пересказ и рассказ-пластинка [Китайгородская, Розанова, 2005]. На основании таких параметров, как различия в соотношении параметров «рассказчик-герой», степень информированности и заинтересованности автора и адресата, диктумное содержание, степень тональности и формальная организация, О. А. Казакова выделяет следующие вариации рассказа: рассказ о событии, рассказ-воспоминание, рассказ о человеке, рассказ-объяснение, пересказ [Казакова, 2007]. В отличие от М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, относивших рассказ к жанрам фатического общения, О. А. Казакова отмечает соединение в нем фатической и информативной функций; в качестве особого жанрообразующего признака рассказа называется его обращенность в прошлое и, как следствие, «двойная событийность», при которой «в коммуникативной рамке объединяются коммуникативная ситуация и ситуация события, которое психологически переживается автором» [Там же, с. 124].

В заключение отметим, что отнесенность некоторых жанров к монологическим (рассказ) или диалогическим (разговор, беседа) признается

их типологической характеристикой, в то время как в ряде случаев причисление определенного жанра к одной из этих групп оказывается достаточно условным. По мнению М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, «жанры с тождественными иллокутивными целями партнеров по коммуникации могут реализоваться как в монологической, так и в диалогической формах»; кроме того, некоторые жанры, воплощаясь преимущественно в монологической форме, под действием определенных условий могут переходить в диалог, и наоборот [Китайгородская, Розанова, 2005, с. 315]. Таким образом, разделение речевых жанров на монологические и диалогические нельзя считать безусловным; в большинстве случаев можно говорить лишь о предпочтительной форме их реализации.

1.2.4 Нарратив как особая текстовая форма

Вопрос о статусе монолога в устной речи приводит к необходимости исследования феномена нарратива как особой текстовой формы. В настоящее время понятие нарратива является одним из ключевых не только в лингвистике и литературоведении, но и в социально-гуманитарных науках в целом. Это объясняется произошедшим в 80-е годы XX века «нарративным поворотом» [Xappe, 1996], основой которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их повествовательной – нарративной – природы. Данное положение дополнило концепцию «лингвистического поворота», согласно которой социальные, политические, психологические и культурные проблемы одновременно признавались и проблемами языковыми. Анализируя нарратив как «определяющий методологический принцип познания индивидуальных и социальных практик», исследователь И. В. Троцук приводит различные определения данного феномена, существующие в разных областях социально-гуманитарных наук. Так, с точки зрения философии, нарратив представляет собой «способ обретения человеком своей идентичности», посредством которого рассказчик «объективирует собственную субъективность»; в

истории нарратив рассматривается как «главный способ описания событий через формирование контекста, их связующего» [Троцук, 2004, с. 65]. Социологи, основываясь на утверждении о том, что «все социализированные индивиды являются рассказчиками и постоянно находятся в ситуации потенциального рассказывания историй», рассматривают нарратив в качестве материала для исследования форм человеческого поведения или социальных действий, возникающих в определенных условиях и ориентированных на других. Наконец, в психологии данный феномен определяется как «форма повествования, характеризующаяся наличием конфликта и его разрешением и, соответственно, изменением состояния актанта и/или ситуации в конце повествования по сравнению с его началом»; подобные «нарративы личного опыта» используются в психоаналитической терапии, чтобы изменить жизнь пациента путем ее пересказывания, иной интерпретации и конструирования более удовлетворительного опыта [Там же, с. 63-64]. Все приведенные выше толкования позволили И. В. Троцук заключить, что посредством нарратива «жизнь каждой личности превращается в осмысленное целое, а жизнь социума формируется переплетением индивидуальных повествований» [Там же, с. 72].

Значительный интерес исследователей к феномену нарратива привел к возникновению отдельного направления – нарратологии, или теории повествования. Нарратология сложилась в 1960-е годы в рамках структурализма; ее основные категории сформировались под влиянием русских теоретиков и школ, в частности представителей русского формализма (В. Б. Шкловский, Б. В. Томашевский), таких ученых 1920-х годов, как В. Я. Пропп, М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов, а также теоретиков Московско-тартуской школы (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) (см.: [Шмид, 2003, с. 9]).

Как отмечает В. Шмид, объектом нарратологии является построение нарративных произведений любого жанра и любой функциональности. Ключевым в данном случае оказывается понятие нарративности, которому в литературоведении дается два определения. Согласно первому из них, нарративность произведения обуславливается присутствием в тексте голоса

опосредующей инстанции, называемой «повествователем» или «рассказчиком». Второе представление о нарративности сформировалось в структуралистской нарратологии; согласно этой концепции, термин «нарративный», противопоставляемый термину «дескриптивный» (то есть «описательный»), указывает не на «присутствие опосредующей инстанции изложения», а на определенную структуру излагаемого материала. Поясняя данное утверждение, В. Шмид отмечает, что «нарративными, в структуралистском смысле, являются произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» [Шмид, 2003, с. 12-13]. Событийность, таким образом, оказывается основным признаком нарратива; в качестве основных критериев событийности в исследовании В. Шмида называются: 1) релевантность изменения (событийность повышается по мере того, как то или иное событие начинает рассматриваться в качестве существенного, при этом отнесение определенного изменения к релевантным зависит от аксиологии переживающего его субъекта); 2) непредсказуемость (событийность изменения нарушается по мере его неожиданности); 3) консекутивность (событийность изменения зависит от того, какие последствия в мышлении и действиях субъекта она влечет за собой); 4) необратимость (событийность повышается по мере того, как понижается вероятность обратимости изменения и аннулирования нового состояния); 5) неповторяемость (повторяющиеся изменения событий не рождают) [Там же, с. 17-18]. К сказанному добавим, что, несмотря на традиционную противопоставленность нарративных текстов дескриптивным, исследователями нередко отмечается «нечеткость границ» между ними, допускающая включение в нарратив элементов описания, и наоборот.

В середине 90-х гг. XX века возникает особое направление нарратологии – лингвистика нарратива. По определению Е. В. Падучевой, это дисциплина, изучающая «формальные правила извлечения из повествовательного текста всей той информации, которую получает человек как носитель языка» [Падучева, 1995, с. 41]. Задача данной отрасли заключается в «выявлении

особенностей употребления и интерпретации языковых элементов в нарративе» [Падучева, 1996, с. 198], что отличает ее от традиционной нарратологии, изучающей нарратив с теоретико-литературоведческих позиций. В то же время оба направления сближает общий объект исследования – художественный текст, представляющий собой, по мнению Е. А. Поповой, «не единственное, но самое яркое и сложное проявление нарративности»; вследствие этого художественный текст рассматривается в качестве «одного из типов нарратива – литературного» [Попова, 2002, с. 7].

Как отмечает Е. В. Падучева, главной особенностью повествовательного текста (то есть литературного нарратива) является его несоответствие канонической коммуникативной ситуации, свойственной разговорному дискурсу. Если характерные для канонической ситуации общения свойства естественного языка – дейктичность (ориентация на коммуникативную ситуацию и ее участников), экспрессивность (способ самовыражения говорящего), диалогичность (направленность на синхронного адресата, слушающего) – в полной мере проявляются в разговорном дискурсе, то в литературном нарративе они так или иначе редуцируются или модифицируются, что позволяет исследователям определять лингвистику нарратива как «лингвистику неполноценных коммуникативных ситуаций» [Падучева, 1995, с. 41; Падучева, 1996, с. 336].

В последние десятилетия нарратив начинает рассматриваться не только как форма организации художественного текста, но и как элемент устного дискурса, становясь объектом исследования в коллоквиалистике [Борисова, 2002а, 2009], диалектологии [Букринская, Кармакова, 2012; Краузе, 2012], онтолингвистике [Эйсмонт, 2008; Ягунова, 2012, 2013]. Классическое определение устного нарратива было предложено У. Лабовым и Дж. Валецки, понимавшими данный феномен как «один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий посредством этой упорядоченности» (цит. по: [Троцук, 2004, с. 62]).

Необходимыми лингвистическими признаками устного нарратива исследователи называют: 1) наличие придаточных предложений, соответствующих временной организации событий, 2) отнесенность повествования к прошедшему времени, 3) наличие определенных структурных компонентов – ориентировки (описания места, времени действия, персонажей), осложнения (конфликта), оценки (выражения авторского отношения к происходящему), разрешения осложнения и коды (завершения повествования и его отнесения к «здесь-и-теперь») [Там же].

В отечественной лингвистике значимый вклад в развитие теории устного нарратива внесла И. Н. Борисова. Основой предложенной ею концепции является выделение категории «режима диалоговедения» – комплексной характеристики речевого поведения коммуникантов, складывающейся из трех взаимозависимых аспектов: психологического, организационно-динамического и композиционно-содержательного. С учетом названных аспектов выделяются два режима диалоговедения – реплицирующий, при котором в речевой партии коммуниканта «реализуется установка на быстрый темп речевого обмена перемежающимися репликами с передачей речевого хода», и нарративный, реализующий установку на «монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [Борисова, 2009, с. 183]. Речевые партии, организующие диалог в каждом из данных режимов, по своему содержанию и композиционно-речевой структуре делятся на два типа – событийные и несобытийные. Нарратив определяется И. Н. Борисовой как событийная речевая партия, характеризующаяся «изложением хода, динамики событий или их эпизодов во временно́й последовательности»; первичной формой нарратива в разговорном диалоге является повествование от первого лица, в котором в роли рассказчика выступает один из участников диалога [Борисова, 2002а, с. 246].

В соответствии с данной концепцией, нарратив (в зависимости от формы своего речевого воплощения) может быть представлен двумя типами:

диалогическим и монологическим [Борисова, 2002а, 2009]. Диалогический нарратив «порождается в нарративном режиме диалоговедения», при этом он «имеет текстовые показатели единства хронотопа, отдельности, отграниченности, завершенности, содержательной и модальной целостности и может быть квалифицирован как цельный тематический диалогический фрагмент». В монологическом же нарративе, характерном для реплицирующего режима диалоговедения, нарративная текстовая структура «развертывается в пределах одной реплики-высказывания, не прерываемой вмешательством другого коммуниканта»; в этом случае «границы реплики-высказывания, композиционно иррелевантные в диалогических нарративах, выполняют функцию текстового ограничителя и задают коммуникативное пространство речевой реализации нарративной текстовой структуры» [Борисова, 2002а, с. 250- 255]. Таким образом, предложенный И. Н. Борисовой подход оказывается максимально близким к концепции московских коллоквиалистов (см. п. 1.2.2 нашей работы). В основе обеих концепций лежит отказ от термина «монолог», который в свете утверждения диалогичности как типологической черты живой устной речи признан в достаточной степени искусственным. Монологический нарратив в концепции И. Н. Борисовой представляется как одна из разновидностей реплик в диалоге, а диалогический нарратив, соотносящийся с выделяемым в коллоквиалистике жанром рассказа, – как особая структурно-композиционная форма ведения диалога.

Выводы по Главе 1

1. Под речевым жанром понимается вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. Социальная детерминированность речевых жанров приводит к необходимости соотнесения данного феномена с понятием «коммуникативное событие», представляющим собой ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов.

2. Выделяются два основных подхода к классификации речевых жанров: структурный и интенциональный. Структурная типология подразумевает выделение жанровых единиц различного объема и степени сложности: субжанр – собственно речевой жанр – гипержанр (или простой речевой жанр – сложный речевой жанр – гипержанр); данные формы соотносятся с такими единицами членения коммуникативного процесса, как речевая акция (речевой ход) – коммуникативный эпизод (речевой обмен) – коммуникативное событие. Интенциональная типология основывается на иллокутивной цели участников общения, в соответствии с которой различают информативные и фатические речевые жанры.

3. Первичной формой устной речи признается диалог. В качестве типологических признаков разговорного диалога выделяются: 1) неподготовленность; 2) постоянная адресованность высказывания; 3) естественное реплицирование; 4) активное использование невербальных средств коммуникации. Диалогичность считается основным свойством не только неофициального межличностного общения, но и публичной устной речи, и даже письменной речи, так как всякому публичному выступлению и всякому литературному произведению так же, как и репликам в разговорном диалоге, свойственна «обращенность», расчет на реакцию адресата, в какой бы форме она ни выражалась.

4. Признание монолога «искусственной» формой, не свойственной живой устной речи, приводит к необходимости поиска иного терминологического обозначения данного речевого феномена в ситуациях неофициального общения. Альтернативным стал термин «рассказ», введенный для называния жанра, характерными чертами которого являются доминирование в речи одного говорящего и в то же время – диалогичность, постоянная обращенность к адресату и ожидание его реакции.

5. Монологическая форма устной речи может быть соотнесена с понятием нарратива – текста, в котором повествуется о происходящих в определенной временной последовательности событиях. Нарратив

рассматривается в качестве особой событийной реплики в структуре разговорного диалога, при этом выделяются диалогические нарративы – цельные тематические диалогические фрагменты, и монологические нарративы – отдельные речевые партии одного говорящего, не прерываемые вмешательством собеседника.

6. Требует дальнейшего исследования проблема выделения монологических и диалогических речевых жанров. Принадлежность к одной из групп не всегда является типологической характеристикой жанра; один и тот же жанр в зависимости от определенных условий может реализоваться как в монологической, так и в диалогической форме.

Глава 2. Варианты жанра воспоминания в контексте реализации коммуникативных событий

2.1 Принципы выделения коммуникативных событий

Социальная природа речевых жанров обуславливает их тесную взаимосвязь с такой экстралингвистической единицей, как коммуникативное событие, характеристика которого была представлена в п. 1.1.2. В связи с этим считаем закономерным выполнение комплексного анализа исследуемого нами речевого жанра с учетом специфики его функционирования в рамках определенного коммуникативного события.

Прежде чем приступить непосредственно к описанию событий, в процессе которых находит воплощение жанр воспоминания, считаем нужным обратить внимание на необходимость разграничения понятий «коммуникативное событие» и «коммуникативная ситуация». Традиционно в коллоквиалистике именно коммуникативная ситуация рассматривается в качестве основы для реализации речевых жанров. Как отмечают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, «тому или иному типу ситуации соответствует свой набор жанров», следовательно, «типология жанров разговорной речи должна базироваться на типологии ситуаций» [Китайгородская, Розанова, 2005, с. 33]. Исследователи называют четыре основных параметра коммуникативной ситуации (время, место, партнеры коммуникации, тема), которые уточняются более конкретными характеристиками: например, такими, как высокая/невысокая повторяемость, пространство коммуникативного акта (дом/вне дома) и т. п. Изменение набора данных признаков соответственно приводит и к смене речевого жанра.

Согласно другой точке зрения, коммуникативную ситуацию следует считать одним из структурных компонентов коммуникативного события. По мнению И. Н. Борисовой, коммуникативная ситуация представляет собой «модель условий коммуникативной деятельности участника данного коммуникативного события»; на основе этой модели «участники общения строят свое коммуникативное поведение в соответствии с нормами и

правилами поведения в данном типе коммуникативных событий» [Борисова, 2009, с. 37]. Такое же понимание коммуникативного события обнаруживается в работах В. Е. Гольдина и О. Н. Дубровской, определявших ситуацию как «внутреннюю форму события, то есть подвергающееся изменению “положение вещей“» [Гольдин, Дубровская, 2002, с. 6]. Важное отличие ситуации от события О. Н. Дубровская видит и в «обязательной темпоральной ограниченности» последнего [Дубровская, 1999, с. 97]. Подтверждает это и И. Н. Борисова: коммуникативное событие процессуально, оно делится на стадии или фазы (начало, середину, конец), тогда как коммуникативная ситуация статична и выполняет лишь знаково-ориентировочную функцию, сигнализируя о типе коммуникативного события. Исследователем выделяются специальные атрибуты коммуникативной ситуации – социально и коммуникативно значимые признаки идентификации коммуникативного события, определяющие его жанр; категориально структурированные, они в своей совокупности представляют модель коммуникативной ситуации. В данной модели выделяется шесть макрокомпонентов: 1) типологическая стратификация коммуникативного события, 2) способ общения, 3) организация общения, 4) топология коммуникативного события, 5) хронология коммуникативного события, 6) объективные ситуативные характеристики коммуникантов [Борисова, 2009, с. 42-43]. Названные макрокомпоненты являются универсальными составляющими модели коммуникативной ситуации, при этом все они характеризуются определенным набором параметров, каждый из которых оказывается в большей или в меньшей степени релевантным для конкретного коммуникативного события.

Соглашаясь с пониманием коммуникативной ситуации как «внутренней формы» коммуникативного события, основным параметром коммуникативной ситуации, обуславливающим дифференциацию коммуникативных событий, считаем принадлежность события к определенной сфере коммуникации. Вслед за И. Н. Борисовой выделяем две сферы неофициального устного неподготовленного непубличного общения –

непринужденную и актуальную коммуникацию (см.: [Борисова, 2009, с. 55]). Критерием разграничения этих сфер является ведущий тип коммуникативной мотивации говорящих: для непринужденной коммуникации характерен фатический мотив (общение, мотивированное потребностью в контакте), для актуальной – нефатический мотив (общение, мотивированное решением практической или интеллектуальной, познавательной задачи); таким образом, данное разграничение основывается на традиционном противопоставлении полюсов фатики и информатики. На основании вышеназванного параметра в контексте нашего исследования выделяем два принципиально различных коммуникативных события: **«разговор с собирателем[1]»** и **«непринужденная беседа»**; специфика каждого из них обуславливает дифференциацию соответствующих вариантов жанра воспоминания. Рассмотрим подробнее каждый из названных типов коммуникативных событий.

Целесообразность выделения коммуникативного события «разговор с собирателем» обусловлена активным развитием полевой методики, перенесенной из области диалектологии в сферу исследований живой устной речи носителей русского языка в различных регионах России. Центральным эмпирическим методом, используемым в ходе полевой работы, является так называемый метод автобиографических нарративных интервью [Краузе, 2006, 2012; Букринская, Кармакова, 2012 и др.]. Его суть заключается в том, чтобы наблюдатель, стараясь как можно меньше говорить сам, поддерживал разговор с информантом, направлял его, вводил новую тему, если прежняя иссякает (см.: [Аванесов, 1949, с. 251]). По нашему мнению, применение данного метода обуславливает реализацию особого коммуникативного события, которое мы и определяем как «разговор с собирателем». К настоящему времени представителями ряда научных лингвистических центров России (Москва, Саратов, Пермь, Томск, Благовещенск и др.) собраны значительные

[1] Термином «собиратель» мы называем исследователя-лингвиста, занимающегося сбором фактического языкового материала – записей живой устной речи; данный термин используется, например, в работах [Русская разговорная речь. Тексты, 1978; Гынгазова, 2001; Казакова, 2007 и др.].

корпуса текстов, представляющих собой реализацию названного коммуникативного события [Русские народные говоры, 1999; Русская деревня в рассказах ее жителей, 2009; Китайгородская, Розанова, 2005; Русская спонтанная речь коми-пермяков, 2007; Слово 2005а, 2005б, 2006, 2007, 2008, 2010, 2011, 2013, 2014, 2015 и др.]; на основе подобных текстов проводятся разноаспектные исследования живой устной речи [Гольдин, 1997б; Демешкина, 2000; Иванцова, 2002; Казакова, 2007; Волошина, 2008б и др.].

Активное исследование живой русской речи в региональном аспекте на протяжении нескольких лет ведется и в Приморском крае: в рамках работы над проектом «Живая речь дальневосточников» собрана коллекция текстов, значительная часть которых также представляет собой реализацию коммуникативного события «разговор с собирателем» [Живая речь дальневосточников, 2013]. Некоторые из этих текстов использованы в качестве материала и для настоящего исследования.

Очевидно, что главной целью собирателя в процессе разговора с информантом является не удовлетворение потребности в общении, а получение уникального языкового материала, который впоследствии станет основой для лингвистического исследования. Коммуникативную же установку самого информанта можно определить как двойственную: с одной стороны, общение с пришедшим в гости собирателем воспринимается (в особенности, пожилыми людьми) просто как возможность приятно провести время за беседой (*Нам радостно когда люди придут/ свежие люди/ поговорить с кем-то; Нам с вами было приятно/ редко такое бывает/ старикам…//*[2] и т. п.), но в то же время информант, знающий о цели прихода собирателя, участвует в реализации его коммуникативной установки, сообщая ту или иную информацию. Определенную роль играет и осведомленность информанта в том, что его речь записывается (*Вы чё-то записываете?;*

[2] Фрагменты живой речи в нашей работе приводятся с сохранением произносительных особенностей информантов; при передаче звучащего текста использованы условные обозначения, принятые в коллоквиалистике и диалектологии (например: [Русская разговорная речь. Тексты, 1978; Русские народные говоры, 1999 и др.]).

(о диктофоне) Включён?). Все это позволяет нам заключить, что коммуникативное событие «разговор с собирателем» относится к сфере актуальной коммуникации, то есть представляет собой процесс общения, мотивированного решением определенной практической задачи – получения необходимого языкового материала.

Кроме принадлежности к определенной сфере коммуникации, специфику описываемого события определяют и другие параметры коммуникативной ситуации: частотность, подготовленность, временна́я протяженность, локализация, ситуативно-ролевые характеристики собеседников, а также выбор темы.

Прежде всего, очевидно, что коммуникативное событие «разговор с собирателем» не является типичной формой повседневной непринужденной коммуникации, вследствие чего оно характеризуется относительно невысокой частотностью. С точки зрения степени подготовленности данное коммуникативное событие следует отнести к запланированным, так как в большинстве случаев информант заранее осведомлен о встрече с собирателем. Даже если визит собирателя оказывается спонтанным, разговор может состояться только после объяснения цели визита и согласия информанта вступить в коммуникацию. Данное условие, однако, может не соблюдаться в ситуациях, когда собиратель и информант уже достаточно хорошо знакомы или даже являются родственниками (так, нередко в роли информантов выступают родители, бабушки, дедушки или другие родственники исследователей-лингвистов). При этом, как правило, инициатором общения остается собиратель, скрыто или явно стимулирующий информанта к началу разговора (*Ну расскажи/ что ты помнишь/ из своего детства; Бабуль/ ты помнишь обещала рассказать о своих братьях и сестрах/ как тетя Нина погибла?* и т. п.). Необходимым условием для реализации анализируемого коммуникативного события является отсутствие дефицита времени, что обуславливает его достаточно большую временну́ю протяженность (в среднем разговор с собирателем длится не менее одного-двух часов). Что касается

локализации коммуникативного события «разговор с собирателем», то место его осуществления, как правило, ограничивается домом информанта и территорией, прилегающей к нему. В более редких случаях встреча собирателя с информантом может проходить на работе у последнего или же в таких общественных местах, как музей, библиотека и т.п.

Важным параметром, определяющим специфику данного коммуникативного события, являются ситуативно-ролевые характеристики коммуникантов. Обычно в роли информантов выступают представители старшего поколения (чаще – сельские жители), в роли собирателей – исследователи-лингвисты, при этом собиратель и информант могут быть незнакомыми и видеть друг друга впервые, но могут быть и в отношениях достаточно близкого знакомства благодаря регулярно повторяющимся встречам (так, например, научным коллективом Томской диалектологической школы более двадцати лет велись записи речи одного информанта – Веры Прокофьевны Вершининой [Демешкина, 2000; Казакова, 2005, 2007; Иванцова, 2006 и др.]). Кроме того, как уже было отмечено выше, в качестве информантов нередко выступают и родственники лингвистов, занимающихся сбором живой устной речи; в этом случае коммуникативное событие «разговор с собирателем» сближается по своему характеру с коммуникативным событием «непринужденная беседа» (речь о котором пойдет ниже), отличаясь от него лишь наличием у одного из собеседников установки на получение определенного языкового материала. Данная установка собирателя предопределяет и выбор темы, которая в большинстве случаев оказывается заданной, определяющейся сценарием коммуникативного события (подробно тематическая специфика данного коммуникативного события будет рассмотрена в п. 2.4.1).

Коммуникативное событие «непринужденная беседа» представляет собой процесс фатического общения в условиях свободного времяпровождения. Это ситуации неофициального непринужденного общения, традиционно описываемые в коллоквиалистике [Русская

разговорная речь, 1973, 1983; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Городское просторечие, 1984; Разновидности городской устной речи, 1988; Китайгородская, Розанова, 2005; Живая речь уральского города, 1988; Русская устная речь, 2011 и мн. др.]. В этом случае фиксируются различные ситуации повседневного непринужденного общения, участником которого является и наблюдатель, выступающий в одной из своих привычных социальных ролей (коллега, друг, член семьи и т.п.), вследствие чего собеседники оказываются в условиях коммуникативного равенства.

В отличие от коммуникативного события «разговор с собирателем», относящегося к сфере актуальной коммуникации, основным мотивом собеседников в непринужденной беседе оказывается удовлетворение потребности в общении, в то время как установка на получение определенной информации отходит на второй план. При этом данное событие характеризуется максимальным уровнем частотности, что позволяет рассматривать его как наиболее типичную форму повседневного коммуникативного взаимодействия.

С точки зрения степени подготовленности коммуникативное событие «непринужденная беседа» является незапланированным, возникающим спонтанно. Как правило, оно реализуется в свободное время, вследствие чего характерной для него оказывается достаточно большая временна́я протяженность. Данный признак, однако, не является постоянным: нами отмечены случаи, когда продолжительность беседы ограничивается десятью-пятнадцатью минутами (например, беседа преподавателей на кафедре во время перемены).

Что касается ситуативно-ролевой характеристики коммуникантов, то в непринужденной беседе, как правило, участвуют люди, достаточно близко знакомые друг с другом (члены семьи, друзья, соседи, коллеги и т.п.), однако не исключены и ситуации непринужденного фатического общения незнакомых людей (например, беседы в очереди или в общественном транспорте). Широкий круг возможных ситуативных ролей собеседников

предопределяет и широту локализации данного коммуникативного события: это может быть дом и придомовая территория, общественные места отдыха (кафе, парк, пляж и др.), работа, учебные заведения, личный или общественный транспорт; кроме того, значительной вариативностью ситуативных ролей обусловлен и гораздо более свободный, чем в коммуникативном событии «разговор с собирателем», выбор темы беседы (о тематической специфике данного коммуникативного события см. в п. 2.4.2).

В качестве текстовой реализации того или иного коммуникативного события рассматриваем гипержанр как целостный комплекс монологических и диалогических речевых жанров. Исходя из того, что имена коммуникативных событий могут совпадать с именами соответствующих им речевых жанров (см., например, [Гольдин, 1997а; Дубровская, 1999]), правомерным считаем использование терминов «разговор с собирателем» и «непринужденная беседа» для обозначения гипержанров, являющихся текстовой реализацией выделенных нами коммуникативных событий. Взяв за основу аргументы, приведенные И. Б. Левонтиной [Левонтина, 1994], принципиально различаем термины «разговор» и «беседа» по следующим причинам: во-первых, различаются коммуникативные установки говорящих (содержание общения – в разговоре, само общение – в беседе); во-вторых, различен характер ролевых отношений в процессе коммуникации (тенденция к доминированию коммуникативной роли собирателя – в разговоре, тенденция к уравниваю коммуникативных ролей – в беседе).

Реализация жанра воспоминания в одном из двух вышеназванных гипержанров обуславливает его специфику, проявляющуюся в нескольких аспектах: 1) функциональном, в основе которого лежит идея о зависимости функции жанра воспоминания, выполняемой им в рамках определенного гипержанра, от ведущего типа коммуникативной мотивации участников общения; 2) иллокутивно-структурном, подразумевающим анализ исследуемого жанра с точки зрения формы его текстовой организации; 3) тематическом, предполагающим рассмотрение диктумного содержания

текстов воспоминаний; кроме того, в составе обоих гипержанров воспоминание характеризуется специфическим проявлением модусных категорий авторизации, персуазивности и оценочности. Вследствие этого комплексный анализ исследуемого жанра считаем целесообразным проводить по следующим параметрам:

1) жанр воспоминания в функциональном аспекте;

2) жанр воспоминания в иллокутивно-структурном аспекте;

3) жанр воспоминания в тематическом аспекте;

4) реализация модусных категорий в жанре воспоминания.

Названным параметрам соответствует содержание представленных в исследовательской главе параграфов.

2.2. Жанр воспоминания в функциональном аспекте

2.2.1 Воспоминание как компонент гипержанра «разговор с собирателем»

Ведущий тип коммуникативной мотивации говорящих – установка собирателя на получение определенной информации или установка на удовлетворение потребности в общении всех участников коммуникации – обуславливает специфику функционирования речевых жанров как компонентов гипержанра «разговор с собирателем» и гипержанра «непринужденная беседа». В первом из них ведущая роль отводится информативным жанрам, что предопределено принадлежностью соответствующего ему коммуникативного события к сфере актуальной коммуникации. Поскольку процесс общения собирателя и информанта обычно строится именно на рассказах о прошлом, воспоминание в гипержанре «разговор с собирателем» выполняет функцию ключевого жанра. Как правило, он сопровождается рядом вспомогательных жанров, для обозначения которых мы вводим термин «жанр-спутник». В качестве таких жанров-спутников рассматриваем рассказ о себе, рассказ о человеке, рассказ о месте, объяснение, беседу на общие темы и рассуждение.

Жанр «рассказ о себе» находит воплощение в двух вариациях: как достаточно краткое сообщение информантом определенных автобиографических сведений (имя, возраст, профессия, место рождения, длительность проживания в данном месте, национальность и т.п.) и как рассказ о своей жизни в настоящее время. В качестве первой вариации данный жанр в большинстве случаев инициируется вопросом собирателя и логически переходит в жанр воспоминания. Например:

(В.А., житель с. Верхний Перевал, беседует с собирателями (С.))

С. *Виктор Алексеевич/ а Вы здесь живёте…/*

В.А. Я абориген местный// Я здесь родился/ ну и здесь/ до сей поры пока ещё живу// *<…> В общем/ становление Перевала/ прошло всё на моих глазах// В шесят девятом году/ де-то/ в начале семидесятых/ дорога была только открыта…/ (рассказывает собирателям историю развития села)*

Приведем еще один пример:

(Внучка (В.), студентка-филолог, просит бабушку (Б.) рассказать о своей жизни)

Б. *Чё говорить?*

В. *Ну/ как тебя зовут?*

Б. Цой Астра Артамоновна// *Дальше чё…/*

В. *Сколько тебе лет?*

Б. *Мне лет? В**от/ ну…/ шесят девять//***

В. *Шесят девять…/ А в каком году получается и какого числа ты родилась?*

Б. *Как?* ***Второго июня тридцать девятого года//***

В. *Угу// В Казахстане/ да?*

Б. В Казахстане/ в городе Петропавловск//

В. *А твои родители родились здесь/ на Дальнем Востоке/ да?*

Б. *Да//*

<…>

В. *Образованная семья была?*

Б. *Да/ (рассказывает о братьях и сестре) а вот этот…/ который Аркадий/ он кончил техникум сельскохозяйственный/ он поехал в деревню/ по русским деревням/ шатался// А этот брат/ на которого…/ твой папа похож/ его звать Виталий/ он на шахте работал нормировщиком// А сестра работала в столовой/ бухгалтером/ моя сестра/ которая умерла// (продолжает воспоминания)*

Вторая вариация – рассказ информанта о своей жизни в настоящее время – возникает спонтанно по ассоциации с темой воспоминаний. Например:

(И.П., житель с. Верхний Перевал, разговаривает с собирателями (С.1, С.2))

И.П. *У меня/ когда все разошлись в нашей семье/ разбрелись/ как говорится/ хто…/ Ну/ все поженились/ я холостой был/ у меня лошадь была/ всё/ раз/ пропала лошадь/ я…/ чё делать? Где-то так про…/ канителился/ осенью там вот/ <…> на охоту ушёл/ почти два месяца/ один/ в тайгу/ Хинган знаешь/ с севера на юг перевалил и там…/ я до этого там ездил охотился/ ну/ всё// Это/ приехал домой/ это/ хорошо подловил/ к весне лошадь купил уже/ всё// Вот тако…/ Вот така у меня жизнь/ хочется вот такое/* ***вот щас пчёл надо/ держу ещё…/***

С.1. *Ещё держите пчёл? Ничего себе!*

С.2. *Ещё и пчёл держите!*

И.П. *(смеётся)* ***Сил почти нету/ а я ещё держу пчёл//***

С.1. *А кто-то помогает Вам?*

И.П. Ну сын приезжает поможет…/ *<…>*

С.1. *А сколько детей/ двое?*

С.2. *Только всегда двое было/ только Маша и Костя и всё/ да?*

И.П. *Да/ токо двое// Да я женился в тридцать лет/ а ей тридцать три было…/ <…>*

В приведенном фрагменте рассказ о себе посредством вопросов собирателей вновь сменяется воспоминанием. В других случаях рассказом о жизни в настоящее время (обычно, как и в предыдущем примере, – о ведении

хозяйства) информант завершает свои воспоминания, подводит им своеобразный итог:

(Н.И., жительница с. Веденка, рассказывает собирателям (С.) о своей жизни)

Н.И. *Ой/ ну так/ так я прожила// Я себя не знаю чтоб я не работала// Сколько я себя помню/ столько я и знаю что я работала// Кругом//* ***Щас вот конечно порядку нету/ там валится/ там это/*** *и ну/ Бог с ним/ люди есть ещё хуже живут…/ <…>* ***Ну-у так вот/ то дров наколола принесла завтра приготовить дочка приедет/ в общем…/***

С. *Это вы сами колете/ да?*

Н.И*. Да//* ***Ну/ вот тоненькие нарубила тут// Я э-э-э это правда спасибо/ это…/ пенсию принесли/ принесли шесть с половиной тысяч на дрова// Вот// Ну у меня там двери поломались надо делать/ заборы все/ но я ничё не буду делать/ на это нужно большие деньги/ вот// А так/ хлеб есть/ масло есть/ картошка будет/ да/ чё/ ничё/ ни в чём себе не отказываю// И так и живу/ восемьдесят лет уже скоро будет//***

В ситуации, когда темой разговора собирателя с информантом оказывается не прошлое, а настоящее, реализуется еще один жанр-спутник – «рассказ о человеке» (данное название используется в работах О. А. Казаковой, см.: [Казакова, 2007]). По аналогии с рассказом о себе можно также выделить две вариации данного жанра. Первая представляет собой сообщение каких-либо биографических сведений о других людях (имя, возраст, национальность, профессия, место рождения и т.п.); при этом информант не говорит о событиях, которым он сам был свидетелем, а лишь воспроизводит общеизвестную информацию. Например:

(А. и Б., работницы библиотеки с. Веденка, рассказывают собирателю (С.) о селе и его жителях)

А. *Они ж все переселенцы// С Украины/ здесь//*

Б. *Все по переселению//* ***А вот Притулиха у нас/ уже ж за восемьдесят/ бабка// Так тоже с Украины приехали по переселению//***

А. *Так тут все переселенцы/ все//*

С. *А они на каком языке говорят? На украинском?*

Б. *Да//*

А. Вот у меня свекруха/ свекровь/ она на украинском так и говорит// Она как приехала сюда с Украины/ так и говорит// Ну они-то приехали в семидесятые//

Вторая вариация, как и в рассказе о себе, является сообщением о том, как живет упомянутый информантом человек в настоящее время. Например:

(Л., жительница с. Верхний Перевал, разговаривает с собирателем (С.))

Л. *Чё Красный Яр// Там у них Ширко// Вот молодец мужик/ как началась перестройка/ он был директором промхоза/ заготавливали там дикоросы/ там вот это всё// И он остался там/ уцепился/ стал фирму свою…/ потом Паша Суляндзига/ им там помог организовать национальную общину…/*

С. *А Паша удэгеец?*

Л. Суляндзига…/ Подождите/ он нанаец/ Паша// Вот щас/ он кто у нас/ Пашка/ мой одноклассник/ *учился со мной/* ***консультант президента по национальным вопросам//*** *Сперва его выбрали в район/ потом в край во Владивостоке…/* ***А щас он в Москве в палате там в какой-то/ а потом вот/ он мне часто фотографии скидывает на-а/ компьютер/ господи/ где он только…//*** *<…>*

В ходе своего рассказа-воспоминания о деятельности одного человека (*Ширко*) Л. упоминает имя другого (*Суляндзига*). Уточняющий вопрос собирателя позволяет информанту рассказать об этом человеке, дополняя воспоминания о его жизни (*Сперва его выбрали в район/ потом в край во Владивостоке…/*) информацией о том, чем он занимается сейчас.

Нами отмечен ряд случаев, когда информанты, подводя итог воспоминаниям, говорят не только о своей жизни в настоящее время, но и о жизни своих ближайших родственников – в первую очередь, детей и внуков. Подобные фрагменты также относятся к жанру рассказа о человеке. Например:

(Н.И., жительница с. Веденка, рассказав собирателям о своей жизни, говорит о своих детях и внуках)

Н.И. Внуки у меня…/ неплохие// Старший внук…/ он в милиции/ уже и на пенсии/ а ещё в милиции работает// Вот// А теперь ещё у меня у брата/ сын/ в милиции/ уже наверно сорок лет работает/ внук теперь работает в милиции и дочкин сын/ меньший/ тоже как ну не в милиции/ но почти что в милиции/ ещё хуже чем в милиции// *Вот// Ну приезжают все/ дочка сёдня звонила говорит «ты там ничё не делай/ я завтра приеду будем огурцы закатывать»/ вот//*

Еще один пример:

(М.Д., жительница с. Виноградовка, в завершение разговора с собирателями рассказывает о детях и внуках)

М.Д. *Замуж я вышла очень молодой/ детей нарожала молодою/* ***дети повыросли/ повыучились/ работают/ здоровенькие слава Боγу/ не жалуются мне// Мне не жалуются/ может что-то и болит конечно/ уже тоже γода// Внуков мне нарожали/ теперь мои внуки…/ внуки все тоже хорошие/ не курят/ не пьют/ теперь мои внуки/ все γрамотные/ мне уже правнуков рожают// Вот у меня уже Танечка маленькая/ три месяца ей/ Илья/ уже пять лет…//***

Кроме рассказа о себе и рассказа о человеке, в качестве жанра-спутника в гипержанре «разговор с собирателем» выступает и жанр, названный нами «рассказом о месте». Он может возникать после вопроса собирателя о современном состоянии города или села, в котором живет информант, например:

(Н.В., жительница п. Лучегорск, рассказывает собирателям (С.) о Пожарском районе)

Н.В. *Пожарский район уже давно-о был/ он и до войны-ы/ и…/ Вот раньше центр был Пожарский/ не Пожарский/ село/ совхоз…/ Там и больница была/ и школы были там/ и так вот осталось у нас все и жили…/*

С. *А щас там что-то осталось?*

Н.В. Совхоз остался/ правда/ всё/ как и во многих совхозах/ всё загнивающее/ погибающее/ работать негде/ негде//

Однако, как показывают наши наблюдения, чаще рассказ о месте возникает не в качестве ответа на стимулирующий вопрос собирателя, а в качестве ассоциативной реакции информанта на собственные воспоминания; в этом случае информант, говоря об истории города или села, проводит параллель с его современным состоянием, которое он характеризует с положительной или с отрицательной стороны. Например:

(дочь (Д.), выступая в роли собирателя, расспрашивает отца (О.) о его переезде во Владивосток)

Д. *Папочка/ впечатление какое произвел город/ что здесь было интересного в городе Владивостоке?*

О. *Дело в том что во Владивостоке я учился// В институте/ очень часто здесь бывал// Поэтому/ город знал хорошо// <…>* ***Ну/ а сейчас в городе очень много уже высотных домов// Сейчас город/ конечно/ изменился во многом// Единственное что жалко/ что/ вот/ исторические места/ которые/ вот/ были во Владивостоке/ и они запечатлены на картинах/ у художников/ на фотографиях/ а сейчас застраивают всякими там супермаркетами/ причем всё/ отдано/ этим самым/ торгашам//***

Еще один пример:

(бабушка (Б.) рассказывает внучке, аспиранту-филологу, историю развития родного села)

Б. И сейчас всё это бросили/ бросили// *Раньше хоть/ вот это вот мужики с косами/ выкашивали каждый клочочек/ никакого бурьяна не было/ ничё/ всё выкашивали кормили свиней/ ой этих/ корow// <…>* ***И сейчас всё/ щас куды не выйди/ везде всё заросло бурьяном/ бурьяном/ один бурьян/ бурьян// И даже опасно/ проходить/ по дорожке/ потому что везде может гадюка цапнуть//***

Все три вышеназванных жанра-спутника – рассказ о себе, рассказ о человеке и рассказ о месте – объединяет отнесенность к настоящему времени, вследствие чего в качестве их основных формальных показателей можно назвать следующие дейктические средства: 1) наречия *сейчас* и *теперь*: ***Щас*** *вот/ ничего у меня нет/ раньше было хозяйство/ а* ***теперь****/ одна собака;*

Сейчас *у меня дочка живёт на Сахалине;* ***Сейчас*** *всё это поле застроено домами/ то есть город растёт/ очень быстрыми темпами;* 2) формы настоящего времени глаголов: *Я ж ещё всё* ***сажу****/ а я ж ещё всё* ***хочу*** *чтобы выросло; Он (сын) же тут* ***живёт****/ где/ «Хозяин»/ магазин есть/ так вот кирпичный дом; Владивосток* ***становится*** *всё краше и краше.*

В своих воспоминаниях информанты нередко упоминают названия каких-либо предметов или действий, неизвестных собирателю, вследствие чего характерной чертой данного жанра оказывается включение в его состав жанра объяснения. Как правило, стимулом для его реализации служит вопрос собирателя; после необходимых разъяснений информант вновь возвращается к прерванному воспоминанию. Например:

(Н.И., жительница с. Веденка, разговаривает с собирателями (С.))

Н.И. *Это перед войной/ как раз/ перед войной/ наверно лет восемь мне так было// <…> А мать была неграмотная совсем// Набирали в этом лесозаводе курсы значить бра́керов…/ <…>*

С. *А что такое/ извините/ браке…/ вы сказали курсы на…/*

Н.И*. Бра́кер//*

С. *А это кто?*

Н.И*.* ***Это вот лес/ лес пилят/ пилорама/ идёт резаные доски идут уже/ она должна их перевернуть/ значить/ посмотреть где какой где там гнилое где какое и это/ ну…/***

С*. А/ брак найти//*

Н. И*. Я знаю бра́кер назывался/ (продолжает воспоминания) ну вот/ и так уже и нас и война там уже застала мы там уже в Дальнереченске жили//*

Приведем еще один пример:

(дедушка (Д.) по просьбе внучки (В.), студентки-филолога, рассказывает о своей службе в армии)

Д. *Так вот/ когда там старшина шумит подъём/ эти/ одеяла летят сверху/ потому что/ если не успеешь соскочить/ одеть немножко/ там/*

брюки/ и обмотками не заматывали// Обмотки были ещё/ если/ ну по пояс// Если не уложился там за две-три минуты//

В. *Обмотки/ это что такое?*

Д. Обувь вместо сапог// *(продолжает воспоминание) И вот/ если где-то один/ два не успели// Там старшина был страшнее всех// Потому что если он дал команду// Ложись// Опять все легли// <…>*

Несмотря на то, что обычно объяснение представляет собой ответ на уточняющий вопрос собирателя, нами также отмечены случаи, когда информант сам обращается к своему собеседнику с целью узнать, знакомо ли ему то, о чем говорится: *Мануфактура знаешь что такое?; Знаешь что такое пэрэ́весло?; Представляете копна это что такое?* В случае получения отрицательного ответа рассказчик дает объяснение незнакомому понятию. Например:

(внучка (В.), аспирант-филолог, приехав в гости к бабушке (Б.), попросила рассказать об истории села)

Б. *До сорок первого ɣода/ де-то даже наверно в сороковом/ почему-то открыли/ леспромхоз/ и стали заɣотавливать/ лесочурку/* ***ты не знаешь/ что это такое//***

В. *Что это? Нет//*

Б. Я тебе объясню// *Аɣа//* ***Лесочурка/ это вот валили/ это значить еще навалили лес мужики/ и/ на чурки их/ распиливали/*** *и тут же вскоре началась война значить/ всех баб подростков всех на лесочурку//* ***Это вот для чего/ распиливали вот на такие чурки/ так/ для подкладок/ на платформы ɣрузили с заводов пушки пулеметы/ на фронт//***

В данном фрагменте информант, хорошо зная собирателя (внучку), даже не спрашивает, а утверждает, что слово *лесочурка* ей незнакомо, а потому с готовностью дополняет свои воспоминания необходимыми объяснениями.

По нашим наблюдениям, жанр объяснения служит дополнением не только к воспоминаниям информанта, но и к рассказу о его жизни в настоящее

время; в этом случае подобное объяснение может сопровождаться демонстрацией описываемых предметов, например:

(В.Б., атаман казачьего войска, рассказывая собирателям (С.) о себе, показывает свою шашку)

В.Б. *Вот// От сабли/ шашка отличается//*

С. *А сабля это как? Чем она отличается от шашки?*

В.Б. *Чем сабля/ сабля отличается? (указывает на крепление шашки)* ***Вот/ если вот крепление/ вот видите/ оно да? А у сабли наоборот/ раз// Это одно отличие// Сабля более легкая/ два// Во-о-от// Сабля заточка/ от начала до/ конца//***

Для жанра-спутника «объяснение» характерно использование вопросно-ответной конструкции, первым компонентом которой является реплика-вопрос собирателя (иногда и самого информанта): *что такое* N_1*?* (или *что значит* N_1*?*), а вторым – ответная реплика, содержащая непосредственное объяснение: *(это)* N_1. Например: *С.: А что такое/* ***педдашек****? – И.: Ну* ***это*** *вот/* ***вспомогательная/ кладовочка****; С.: Что такое* ***сундук****? – И.:* ***Сверхсрочник****!; И.: Знаешь что такое* ***чóботы? Сапоги****.* Нами также отмечены случаи, когда объяснение незнакомого понятия может быть представлено в реализации простого предложения с замещением позиции, где в качестве одного из компонентов выступает целое предложение (см.: [Русская грамматика, 1980, с. 121]). Аналогичные конструкции описывает Н. С. Валгина, характеризуя их как явление контаминации простого двусоставного предложения и придаточной части, выступающей в качестве сказуемого и включаемой в отношения с подлежащим при помощи связки *это* [Валгина, 2003, с. 207]. Например: ***Увал*** *был…/ ну* ***это/ слеγка на сопочку поднимаешься если;*** в функции сказуемого в данном примере выступает придаточная часть *слегка на сопочку поднимаешься если*, нарушение порядка слов в которой является ярким маркером спонтанной устной речи. Стоит добавить, что в конструкциях подобного типа в большинстве случаев отмечается отсутствие подчинительных союзов (*когда, где, если, чтобы* и др.),

при этом семантика подчинительных отношений сохраняется: ***Тиф/ это…/ делаются кишки/ вот вся слизь всё это как папиросная бумажка; Отвалы*** *значить* ***это*** *вот/* ***допустим уде-то низина и машины значить увозят и/ всё это сбрасывают*** *и получаются отвалы;* ***Лесочурка/ это…/ навалили лес мужики/ и/ на чурки их/ распиливали*** и т. п. Наличие подобных конструкций является характерным признаком синтаксиса непринужденной устной речи; как отмечает Н. С. Валгина, посредством такого явления контаминации мы «наблюдаем формирование мысли на ходу, соскальзывание с одной конструкции на другую, когда поиски подходящих “классических форм” предложения оказываются затрудненными из-за непосредственности общения и невозможности обдумывания формы высказывания» [Валгина, 2003, с. 207].

Несмотря на то, что ключевую роль в гипержанре «разговор с собирателем» играют информативные речевые жанры – воспоминание и дополняющие его рассказ о себе, рассказ о человеке, рассказ о месте и объяснение, – в составе данного гипержанра могут находить воплощение и типы текстов, принадлежащие к сфере фатики: в первую очередь, жанр «беседа на общие темы». Чаще всего такая беседа возникает по ассоциации с темой воспоминаний информанта. Например:

(В.Б., житель п. Славянка, вспоминая о своей пограничной службе, рассказывает собирателям (С.) о постах на границе с Китаем)

В.Б. *Если раньше/ пограничный отряд строится/ в строю стоит/ ну тыща человек/ полторы// Стоит в строю/ значит/ такое огромное количество людей/ не считая заставы// Вот/ то щас в последний раз/ мы приезжали на день рожденья Посьета вот недавно// В строю стояло/ человек тридцать// <…> Так же и в Благовещенске/ я там недавно был//* ***Четыреста метров Амур/ напротив громадный город// Вот здесь на этой/ здесь Благовещенск/ вот// Катера/ корабли снуют/ туда-оттуда/ туда-оттуда// Никакого контроля нет// Пограничный отряд прям на берегу// Находится там/ в Благовещенске//***

С. А смысл?

В.Б. Да// А нет// Я не вижу тоже смысла да/ практически//

С. Если это всё открыто//

В.Б. Потому что/ наплыв такой/ китайцев// Э-э-э приход/ приезд там/ м-м-м в Амурскую область/ да и к нам/ в Приморье да?

С. Угу//

В.Б. Их невозможно проконтролировать/ их невозможно выяснить/ кто есть кто//

Воспоминание В.Б. о собственной пограничной службе сменяется беседой с собирателем о состоянии современной границы с Китаем и большом наплыве мигрантов, который никто не контролирует. Данная беседа не несет в себе какой-либо значимой информации и, соответственно, имеет явно фатический характер. Однако стоит отметить, что подобные «фатические» фрагменты в составе гипержанра «разговор с собирателем» занимают незначительное место и, как правило, вновь быстро сменяются информативными жанрами, в первую очередь, жанром воспоминания, который в течение всего разговора поддерживается, регулируется собирателем.

В процессе анализа жанрового состава гипержанра «разговор с собирателем» нами было отмечено несколько случаев, когда информанты дополняют свои воспоминания и рассказы о современной жизни некоторыми философскими рассуждениями; по этой причине считаем целесообразным выделить рассуждение в качестве еще одного жанра-спутника. Как правило, он возникает в завершение разговора и маркируется такими выражениями, как *я думаю / считаю, мне кажется*. Приведем пример:

(В.З., житель г. Дальнереченска, разговаривает с собирателями об армии и о событиях на о. Даманском)

В.З. *Сделали памятник хоть на сорокалетие// Так оборудовано всё/ смотрится всё…/ неплохо//* ***А если уже говорить о самой заставе…/ случись…/ шейсят девятый год…/ А кто будет защищать? Сегодня? Эти пять человек ничё там не сделают// Тем более они контрактники/ я***

считаю…/ этого не должно быть контрактник// <…> ***Ну я считаю молодёжь и надо обкатывать// А как?*** <…> ***А сёдня молодёжь где будет учиться? Военное дело в школах не преподают/ нету//*** <…>

Следует отметить, что гипержанр «разговор с собирателем» не обязательно включает в себя все представленные выше жанры-спутники; их набор в каждом конкретном случае может варьироваться в зависимости от ситуативно-ролевых характеристик коммуникантов и от интенции собирателя. Единственной константой в данном гипержанре является воспоминание, что и позволяет нам рассматривать его в качестве ключевого жанра, составляющего основу разговора с собирателем.

По нашим наблюдениям, жанр воспоминания как компонент гипержанра «разговор с собирателем» характеризуется набором жанрообразующих признаков, традиционно выделяемых, в частности, в диалектологии [Демешкина, 2000; Гынгазова, 2001; Лагута, 2005; Мызникова, 2014 и др.]. Перечислим данные признаки.

I. Наличие метакомпонента («имени жанра») – в первую очередь, глаголов *помнить*, *вспоминать*, *запомниться*: *А потом/ значить/ я* ***помню****/ у соседей…/ появилась кака-то/ женщина/ майор; И вот то/ как мы сдавали экзамен и как мы переживали за этот процесс/* ***запомнилось*** *так хорошо; Такие аллеи/ вот я/ сколько мне уже теперь лет/ да? А я* ***вспоминаю****; И это всё мне* ***помнится!*** и т. п.

II. Различные способы репрезентации прошлого, к которым относятся:

1) временны́е формы глаголов:

а) формы прошедшего времени: *В школу мы* ***бегали*** *босы/ вот/ позже я помню нам/* ***покупали****/ всем/ детя́м/ все своим детя́м* ***покупали*** *ботиночки;* ***Работали*** *в колхозе/* ***был*** *колхоз/* ***работали*** *в колхозе/ за трудодни; Отсюда/ с Владивостока мы* ***шли*** *на пароходе на Камчатку/ вот// Прибыли на Камчатку/ там* ***пробыли*** *два с лишним года;* ***Приехал*** *дед/ с дядькой/ меня* ***забрали*** *туда/ в Джаркент;*

б) формы настоящего исторического времени, позволяющие совместить в речи ситуацию темы с ситуацией текущего общения: *А я/ голодная/* ***сижу****/ нигде ничего нет/ нигде ничего; Пошла в Китай-город// **Иду вижу** как самолёт/ я раз/ в кусты/ и так несколько раз/* ***прячусь*** *в кусты; Это в моём подчинении было// Я* ***приезжаю*** *или я* ***иду*** *в склады́ я* ***проверяю****/ всё я* ***записываю****/ я* ***выбираю****/* ***привожу*** *лаборанты* ***делают*** *анализы;*

в) формы будущего времени, также создающие «эффект присутствия» рассказчика и его адресата в описываемой ситуации: *Вот когда мы приехали/ вот с удочкой* ***пойдёшь*** *на протоку делать/ бондарка была;* ***Ляжешь*** *спать стрельба эта всё время; А что эти деньги* ***получит****/ я* ***разделю*** *и* ***вышлю*** *им/ уже и они бедные не сильно шиковали;*

2) специальные дейктические средства – наречия *раньше, тогда, когда-то*: ***Раньше*** *хоть военное дело в школах преподавалось в старших классах;* ***Раньше*** *магазины объединялись в один куст; Я еще* ***када-то*** *там работала нормировщиком на территории;* ***Тада*** *ж колбаса…/ ты что/ ночью очередь занимали стояли!*

3) приблизительные или точные даты: *Потом/ был такой случай/ я была на работе/* ***уже в каких-то/ семи́десятых годах****; Уже потом/ осенью/ уже пришёл папа/* ***того же года сорок пятого; И в песят девятом году/ в апреле месяце/*** *вот это самый главный/ открылся угольный разрез; Всей семьей переехали во Владивосток//* ***Это был тысячу девятьсот семьдесят четвертый год****; И вот* ***с шейсят четвёртого года*** *я сюда попал;*

4) сложноподчиненные предложения с временны́ми отношениями: *По-моему сразу* ***када раскулачили****/ всё/ и-и сразу/ погнали всех в колхоз; Потом* ***када кончилась уже война****/ та война кончилась/ началась другая; Ну конечно/* ***када открылся разрез****/ построили посёлок/ вот;* ***Пока не началась война****/ хозяйство наше развивалось;*

5) конструкции со значением возраста: *Может* ***мне было лет/ четырнадцать****/ ну* ***Мишке лет двенадцать или тринадцать****; Я пацан был/* ***мне уже было тогда/ где-то пять-шесть лет*** *наверно; Это перед войной/*

как раз/ перед войной/ наверно ***лет восемь мне так было; В шейсят четыре года/*** *ну/ я ушёл уже на пенсию.*

III. Противопоставление двух временны́х пластов: прошлого и настоящего, которое выражается как лексически (наречия *раньше, прежде, тогда* и *теперь, сейчас*), так и грамматически (чередование форм настоящего и прошедшего времени глаголов): *Это* ***теперь*** *вот/ пять километров это сильно многo/ да? А* ***раньше****/ четырнадцать ничего было; Вот* ***щас завели*** *колорадского жука/* ***у нас не было; Жили*** *бедно но как-то люди были всё равно лучше// А* ***теперь*** *посмотришь/* ***живут*** *хорошо.* В нашем исследовании подобный переход временно́го плана разговора от прошлого к настоящему (и наоборот) мы считаем признаком смены ключевого жанра воспоминания одним из его жанров-спутников: рассказом о себе, рассказом о человеке, рассказом о месте или рассуждением (о чем говорилось выше, на стр. 57-63, 67-68).

IV. Пространственная локализация описываемых событий, придающая воспоминаниям бо́льшую степень достоверности; средствами выражения данного признака являются:

1) топонимы: *Папа запряgае конэй/ повёз маму* ***в Черниgowку****; Это значить* ***на Украине****/ дело происходило//* ***Житомирская область/ Трояновский район/ местэчко Трояново****/ местэчко это по-нашему село; И он убежал и уехал* ***с Читы в город Стретенск;*** *Я* ***на Кунашире*** *служил; Васыльку забралы в армию/ и он служил/ вот* ***Михайловка де-то под Уссурийском****; Приехали* ***во Владивосток*** *поездом// Здесь/ значит/ остановились у своих знакомых// Они/ значит/ это самое/ жили* ***на Спутнике;***

2) сложные предложения с пространственными отношениями, содержащие отсылку к определенному месту (как правило, данное место находится в том населенном пункте, где живет информант и где ведется запись): ***Вот щас как заезжаешь в Виноградowку/ мы жили на самом краю/*** *домик там сделали по-быстрому;* ***Вот где школа/ вот сейчас/ там было пустое место/*** *людей полно с узлами/ далеко их никуда не везли/ вот сюда*

привезли и всё; ***Школа была здесь/ вот уде у нас садик сейчас; У нас подъём большой/ вот как ехать с Мардагачей//*** *Поезд идёт/ еле-еле-еле идёт// И это самое/ только подъезжать к дому/ я выпрыгивала.* Использование данных отсылок в большинстве случаев указывает на общность апперцепционной базы собирателя и информанта, когда рассказчик рассчитывает на то, что называемое им место знакомо слушающему. На это могут указывать и соответствующие реплики информантов, например: *Самый последний дом как в посёлок идти* ***ты его ещё застала****/ там стояли дома/ там/ дядя Петя жил; Стали/ строить дома/ там/ над линией/* ***вот де [где] тёть Людына дача****; Там лауерь был потом/ вот/ де [где] та улица/ там Полищуки жили/ там улица вот//* ***Ну ты знаешь/ уде мы жили/ я показывала****; Пошла туда/ вниз/ вот де [где] железнодорожный мауазин был* ***ты знаешь?***

V. Позиционирование рассказчиком себя как части определенного коллектива, вследствие чего в центре повествования оказывается не личность самого говорящего, а общность людей. Как правило, подобный признак характеризует воспоминания информантов о детстве, о работе, о традиционном быте и выражается в использовании форм множественного числа глаголов, а также личного местоимения *мы*: *В школу* ***ходили*** *за полтора километра аж/* ***учились*** *в одном классе первый со…/ первый с третьим/ второй с четвертым/ по два ряда//* ***Ходили*** *кататься на санках на коньках на лыжах/ весь день на горе/ как выходные/ каникулы// Когда метель в школу* ***не ходили****; Ночью* ***мы шли****/ де-то с вечера/ и часов до пяти утра/* ***шли работали/ веяли*** *хлеб в колхозе/ такие/ это бесплатно; Ну/ всякое было/* ***молотили****…/ На молотилке/ када-то за деревней/ вот уже в марте/ сою* ***молотили****/ овёс* ***молотили; Кончат*** *уборку/* ***поют/ гуляют****.*

Пример функционирования воспоминания в качестве ключевого жанра, дополненного определенным набором жанров-спутников, представлен в Приложении 1.

В заключение отметим, что в составе гипержанра «разговор с собирателем» находят воплощение не только информативные (и реже –

фатические) речевые жанры, но и жанры этикетные. Они не связаны напрямую с жанром воспоминания, однако способствуют установлению контакта между коммуникантами (в первую очередь, это касается ситуаций, когда собиратель и информант прежде не были знакомы друг с другом). К данным жанрам можно отнести приветствие, приглашение (*Здравствуйте// Давайте/ проходите; Приходите ещё*), угощение (*Чаю? С чаем и беседа будет проще; Еще чайку попейте*), а также благодарность, пожелание и прощание (*Спасибо/ очень приятно с Вами/ интересно; Спасибо Вам// Всего доброго// Ну здоровья Вам/ самое главное/ удачи…/ Здоровья и долгих лет; Спасибо Вам огромное// Дай Бог Вам здоровья; До свидания// Спасибо Вам большое// Здоровья Вам/ крепкого-крепкого*).

2.2.2 Воспоминание как компонент гипержанра «непринужденная беседа»

В отличие от разговора с собирателем, коммуникативное событие «непринужденная беседа» относится к сфере не актуальной, а непринужденной коммуникации, реализующей установку на удовлетворение потребности в общении. Вследствие этого ключевым жанром в одноименном гипержанре оказывается беседа на общие темы, по коммуникативной сути своей являющаяся фатическим диалогом, основная функция которого заключается в поддержании контакта собеседников в условиях свободного времяпровождения. Следует отметить, что название данного жанра мы используем в широком значении, понимая под «общими» не только поверхностные темы, такие как погода, новости дня и т.п., но и темы достаточно глубокие, затрагивающие социальные и личные проблемы. Приведем пример:

(беседуют друзья О., Т., А., К. и Л.; говорят о домашних животных)

Т. *Саша и говорит/ «чё кошка/ кошка типа сама по себе/ а собака твой друг»//*

Л. *(указывает в сторону своей кошки) Ну вон/ лежит/ кошка сама по себе//*

Т. *Да/ ей нормально/ она в домике// У нас/ у меня у родителей живёт кот/ они тоже его подобрали короче в магазине/ <…> он просто обожает всех// Он…/ мужиков даже любит/ обычно коты больше любят женщин/ да/ а он к мужикам/ ко всем…/*

К. *Ну конечно/ хлебнул горя//*

Т. *Ну/ такие мне кажется да/ он хлебнул горя/ поэтому они такие// А у нас возле ДВФУ собаки/ я не знаю вы видели или нет…/*

Л. *Да//*

Т. *…они тоже/ они…/ хоть и говорят там/ ой вот бездомные/ они собираются в стаи нападают на людей/ но они такие добрые! Вот они улыбаются/ подходят…/ Ну/ я не знаю/ мне кажется куда они все делись там одна токо вот щас живёт…/*

О. *Да/ щас чё-то вообще…/*

Т. *…в том году их было так много/ мне кажется их постреляли// <…>*

К. *Ну может потому что щас догхантеры/ может/ я извиняюсь/ поэтому их меньше стало//*

Л. *Не надо об этом! Я тебя очень прошу//*

К. *У нас/ есть/ дог…/ ну/ догхантер/ прям парень которого уже/ ну как/ поймали/ его сейчас держат…/*

Т. *А/ об этом я слышала//*

О. *Я тоже читала/ да//*

К. *…его пытаются привлечь там/ ну/ хоть за что-то…/*

О. *Так а нет статьи у нас за жестокое обращение с животными…/*

Т. *Да-а//*

А. *Почему/ двести шесят какая-то//*

О. *Разве?*

Т. *Ну это надо доказать/ снять/ а так если он их просто кормил…/ Нет доказательств что он это делал//* *(продолжают обсуждать данную проблему)*

Выбор темы непринужденной беседы друзей в данном случае оказывается ситуативно обусловленным: обратив внимание на кошку Л., все

начинают говорить о домашних животных; далее темы меняются ассоциативно, постепенно становясь все более проблемными («Домашние животные» → «Бездомные собаки в кампусе ДВФУ» → «Догхантеры»).

Беседа на общие темы является ключевым, но не единственным жанром, составляющим гипержанр «непринужденная беседа»; он дополняется рядом жанров-спутников, в числе которых мы выделяем информативный диалог, рассказ о недавних событиях и жанр воспоминания – центральный объект нашего исследования. Перечисленные жанры-спутники являются наиболее типичными для непринужденной беседы; по нашим наблюдениям, они наиболее часто сопровождают данное коммуникативное событие. При этом нами отмечены единичные случаи возникновения и других жанров, например, таких как сплетни, анекдот, комплимент, утешение, совет. Рассмотрения же требуют постоянные жанры-спутники – информативный диалог, рассказ о недавних событиях и воспоминание.

Несмотря на то, что для непринужденной беседы ведущей является фатическая мотивация, в ее процессе у коммуникантов может возникнуть необходимость в получении определенной информации. В этом случае беседа на общие темы дополняется таким жанром, как информативный диалог, главной целевой установкой которого является передача и получение значимых для собеседников сведений. Приведем пример:

(подруги О. и М. в гостях у своей знакомой Л.; Л. показывает фотографии и рассказывает о недавней поездке в Китай)

О. *А точно/ а здесь снег//*

Л. *Снегу здесь полно/ а моро-оз/ холодно! Они одеты/ как бабайки все// А я в этой майке/ и в штанах/ и в джинсах/ чёрные / и всё//*

М. *А штаны тоже термо/ да?*

Л. *Бельё/ да/ да// Я специально купила/ думаю/ да ну…/ И я прям не пожалела о том/ что восемьсот рублей затратила/ зато я …/*

М. *Так восемьсот рублей это вообще по-скромному за термобельё хорошее//* ***Где вы брали?***

Л. *О-ой // Ну где-то не…/*

М. *В «Уссури»?*

Л. *Где-то вот на Фокина там/ какой-то магазин// Там написано «Товары из Кореи»/ вот наверное там/ где-то там// Не знаю/ я не покупала/ мне его купили/ принесли// Но сказали/ где-то там// Или на Фокина/ или/ параллельно улица с Фокина//*

М. Ну вы узнайте пожалуйста// *(продолжают смотреть фотографии)*

Выделенные реплики М. выступают в качестве формальных границ информативного диалога, дополняющего диалог фатический; очевидно, что коммуникативной установкой М. в данном фрагменте является не просто поддержание непринужденной беседы, а выяснение интересующей ее информации.

Еще один жанр-спутник – рассказ о недавних событиях – включается в состав беседы в ситуациях, когда коммуникативной инициативой на протяжении некоторого времени владеет один из участников общения. Данный жанр следует отличать от жанра воспоминания. На наш взгляд, их основное различие обусловлено временно́й отнесенностью: воспоминание представляет собой воспроизведение событий отдаленного прошлого, тогда как временно́й план рассказа о недавних событиях оказывается более близким к настоящему, о чем свидетельствуют и специальные темпоральные показатели: *Мы* ***сегодня*** *решили/ короче/ поехали на автодром// На автодром поехала задом учиться* ***сёдня*** *ездить; Со мной* ***вчера*** *такой ужас случился// Меня чуть машина не сбила; А я ребята была/* ***на прошлых выходных/ в прошлое воскресенье*** *в «Океане».* На необходимость разграничения данных жанров указывает и слабая возможность соединения вышеназванных темпоральных показателей с метакомпонентом жанра воспоминания (так, достаточно неестественными оказываются выражения типа «я помню, вчера…»).

Приведем пример:

(беседуют подруги О., Л., и Т.)

О. *(показывает свою серебряную цепочку) Посмотрите/ она реально чёрная/ и она/ не была такой/ она была/ ну/ как бы светлой//*

Т. *Вообще…/ Честно…/ Ну/ я не хочу тебя пугать/но вообще это плохо// Ну/ и говорят что серебро реагирует на.../ здоровье// <…>*

Л. *Ты Тане про понедельник рассказывала?*

О. *Я Тане про понедельник не рассказывала//*

Л. *Вот расскажи/ а потом мы вернёмся к теме почему у тебя потемнело серебро//*

О. *Ну я не думаю что это с этим связано/* ***в понедельник я сдавала кровь из вены в первый раз/ и упала в обморок в этом/ ну/ уже не в процедурной/ уже вышла/ у меня было всё нормально/ подошла к стойке регистрации…/ регистратуры записываться на УЗИ/ и всё// Открываю глаза/ я на диване/ много людей вокруг меня…/***

Т. *Ничё себе//*

О. *Вот потеряла сознание/ впервые на людях//* ***Ну и после этого в понедельник я весь день болела// Ну как/ я пришла домой/ легла/ и встать не могла/ у меня настолько упало давление/ что я вставала/ у меня кружилась голова/ и я опять ложилась//*** *(подруги продолжают беседовать)*

В выделенном фрагменте сообщается о событии, имевшем место сравнительно недавно – всего несколько дней назад, на что указывает специальный темпоральный указатель *в понедельник* (то есть «в этот понедельник»). Л. и Т. на время уступают своей собеседнице коммуникативную инициативу в диалоге («расскажи про понедельник»), что и дает основание определять жанр, реализующийся в данном эпизоде, как рассказ о недавних событиях.

Центральный объект нашего исследования – речевой жанр воспоминания – возникает в ситуации «перехода» временно́го плана беседы от настоящего к прошлому. Как правило, данный переход происходит спонтанно, на основе ассоциативной связи с текущей темой. Например:

(друзья А., Б., Т. и О. обсуждают обучение вождению)

А. *Так вот я грю/ я наверное никогда так не научусь//*

Т. *А ты уже садилась за руль?*

А. *Ну/ вообще садилась// Но за эту машину нет//* ***Я вообще на «Жигулях» училась// Папа мой/ он знаешь так/ ха! На ручник поставит// И я такая села/ ля-ля-ля// Во-первых/ вот это вот сцепление/ ну как бы/ это ж коробка// Ну первый раз у меня получилось/ плавно-плавно машина пошла/ прям так вот вообще красота// <…> А потом я села/ за ка…/ какую-то «Тойоту»// Она тоже была на коробке//*** *И вообще вот/ русская машина/ советская/ и японская/ вообще небо и земля// <…> Чё б потом ни говорили/ про наш советский автопром//*

Б. *Чё про него даже говорить//*

О. *(спрашивает у А.) Юрка твой чё поехал-то в Москву? (обсуждают командировку мужа А.)*

В приведенном фрагменте воспоминание А. о том, как в детстве отец учил ее водить машину, органично «встраивается» в общий ход дружеской беседы. Основной функцией данного рассказа оказывается лишь подтверждение того факта, что А. уже садилась за руль; по этой причине собеседники не стимулируют ее к продолжению воспоминания, а вновь переходят к обсуждению последних событий, в частности – командировки мужа А.

Приведем еще пример:

(подруги А. и Б. беседуют о детях; А. недавно родила ребенка, у Б. есть восьмилетний сын)

А. *(говорит о своем маленьком ребенке) Если он у меня вечером не поспит/ то он тогда может до семи/ до шести утра// Если поспит/ тогда в пять утра просыпается//*

Б. *Ну/ у нас папа тоже жаворонок// Тоже он у нас в пять утра…/* ***Я помню/ он у меня подвиги совершал// На работу собирался// Там ему надо было в пять/ полшестого/ и вот он вставал ещё на час раньше/ и закидывал за ночь всё что ну там напачкали// Ходил и развешивал на балконе// Я всё***

умилялась/ думала/ боже мой/ как хорошо встать/ а всё там уже в более-менее состоянии подсохнувшем//

В данном фрагменте воспоминание Б. является ассоциативной реакцией на слова А.: слушая рассказы подруги о ее маленьком ребенке, она и сама вспоминает о таком же периоде своей жизни.

Еще один пример:

(Л. и К. беседуют в компании друзей)

Л. *У нас очень сильно уменьшилась почасовка в школах/ по основным предметам/ очень сильно…/*

К. *Да/ что происходит вообще со школами/ не понимаю//*

Л. *У меня сестра сейчас чтобы сдать выпускной экзамен/ щас ввели две стадии ЕГЭ/ просто ЕГЭ и ЕГЭ для поступления в вуз// Чтобы ЕГЭ было для поступления в вуз/ вы не пройдёте по основной программе/ вам в обязательном порядке нужно репетитора…/*

К. *Платного//*

Л. *Платного// Потому что в школе не дают такой уровень// Часы порезали в два раза/ преподаватели не успевают ничего дать//*

К. Я получил пятьдесят…/ от пятидесяти до восьмидесяти по ЕГЭ/ ну/ по разным предметам/ укладываясь только в школьную программу/ у меня был репетитор только по русскому языку…/ И…/ ну в смысле не я один/ у нас многие так получили/ ну только те кто совсем тупые были они получили сорок//

Л. *У наших было родительское собрание и моим родителям откровенно сказали/ «а мы промухали/ мы со всеми этими ситуациями мы промухали принятие этого закона»//*

В процессе беседы о нынешней ситуации в системе образования у одного из коммуникантов по ассоциации возникает воспоминание о том, как он сам несколько лет назад сдавал ЕГЭ, после чего временной план беседы вновь переходит от прошлого к настоящему.

Текст гипержанра «непринужденная беседа», включающего в себя воспоминание в качестве жанра-спутника, представлен в Приложении 2.

По нашим наблюдениям, речевой жанр воспоминания регулярно возникает в процессе непринужденной беседы, сопровождающей просмотр фотографий; это объясняется тем, что «аккумуляция памяти» является прямой, непосредственной функцией фотографий (см.: [Китайгородская, Розанова, 2000]). В этом случае воспоминание служит дополнением к информативному диалогу – единству вопросно-ответных реплик, посредством которых сообщается, кто изображен на фотографии, где и когда она была сделана – а также к развивающемуся из него диалогу фатическому. Приведем пример:

(старшая сестра (А.), ее муж (М.), дочь (Д.) и младшая сестра (Б.) смотрят фотографии)

М. *(читает надпись на табличке, изображенной на фотографии) «Этот перевал прошел чё-то Велюров какой-то и Пржевальский/ Арсеньев»// Мы с рыбалки ехали//*

Б. *Это уже этой зимой?*

М. *Нет/ это той//*

А. *Этой зимой такого снега не было ещё//*

М. Мы оба раза/ Оль/ мы осенью едем/ и оба раза попадали что на обратном пути с рыбалки/ туда едем ещё осень/ вообще даже снега ещё нет/ ничё не было ещё ни одного снега/ не было/ осень/ и оба раза возвращаемся оттуда/ с рыбалки/ и снег короче идёт/ первый снег короче/ два года подряд//

Д. *Нам щас хоть бы и чуть-чуть выпал//*

Новая фотография оказывается стимулом для реализации информативного диалога (*Мы с рыбалки ехали// – Это уже этой зимой? – Нет/ это той*), переходящего по ассоциации к беседе на общие темы («Отсутствие снега нынешней зимой»); воспоминание М., в данном случае, также непосредственно обусловлено тем, что изображено на фото. Однако, как и в любом разговорном диалоге, тематическая связь воспоминаний

говорящего и конкретной ситуации, запечатленной на фотографии, может нарушаться, хотя их ассоциативная связь при этом остается вполне очевидной. Например, приведенный выше фрагмент семейной беседы продолжается воспоминанием уже о совершенно другой поездке, во время которой тоже выпал первый снег:

М. *И как-то я в Китай в Хуньчунь поехал/ сёдня допустим там ещё осень/ даже на клумбах там цветочки цветут/ всё зелёное/ на деревьях листики зелёные/ ночью снег как дал дал короче/ вот такой вот мокрый снег вот/ утром/ всё там за это/ в снегу/ ужас//*

Отметим, что подобные фрагменты рассказов-воспоминаний в составе непринужденной беседы, сопровождающей просмотр фотографий, оказываются весьма непродолжительными – вследствие постоянного перехода от одного изображения к другому воспоминание вновь быстро сменяется информативным диалогом и беседой на общие темы.

Несмотря на то, что обычно воспоминание в составе гипержанра «непринужденная беседа» выполняет функцию жанра-спутника, дополняющего беседу на общие темы, нами были отмечены случаи его перехода в статус основного жанра. Как правило, это происходит в ситуации, когда воспоминание одного говорящего ассоциативно обуславливает воспоминание другого. Например:

(преподаватели беседуют на кафедре)

А. *А я не люблю спать//*

Б. *Как?*

В. *Такого не бывает вообще!* *(смеется)*

А. *Я физически люблю/ но у меня всё время ощущение что я теряю время// Днём я вообще не сплю// Я не могу спать днём// <…>* ***Я никогда не спала/ даже когда маленькая была я днём не спала// Я всем мешала//***

Г. *Бедные твои родители!*

А. *А чё родители/ меня в детский сад//* *(смеется)*

В. *В детском садике/ там спят днём//* ***Я помню что я очень не любила спать и я…/ нянечки даже били за то что/ не спите/ а я…/ с сестрой/ мы вдвоём ходили/ и закрывали глаза/ делали вид что мы спим/ а когда она уйдёт мы с ней давай разговаривать// Она нас била!*** *<…>*

Б. Не/ нас никто не бил//

Г. *Мне кажется в садике вообще никто не спит// <…>*

А. *Не/ засыпают/* ***мне скучно помню порой было/ бывало когда никто не спит тогда не скучно/*** *(смеется)* ***а как возьмут все уснут…/*** *<…>*

Д. *Я не была в детском садике и я чувствую недостаток/ социализированности что ли (смеется)//* ***Особенно в школе было такое//***

Г. *Ну в школу-то ты ходила?*

Д. Я ходила в школу/ но мне было сложно там иногда/ установить контакт с кем-нибудь…/

Б. Ну я ходила в садик/ у меня тоже такое бывало// У нас ещё даже был не первый класс/ а нулевой/ была продлёнка/ там после школы мы были как в садике ещё//

Д. У нас продлёнка была в девятом классе/ *представляешь?*

(на кафедру входит Е.)

Д. У нас был очень плохой класс// У нас было два хорошиста остальные все двоечники// И наша классная/ она была знаете такая/ ужасная женщина/ она реши…/ она любила поиздеваться над всеми/ и она решила просто сделать продлёнку// *<…>*

Е. *У вас что тут/ детские воспоминания?*

Б. *Вечер воспоминаний// (все продолжают вспоминать о своей учебе в школе)*

В приведенном фрагменте наблюдается цепочка ассоциативно сменяющих друг друга воспоминаний (А → В → Б → А → Д → Б → Д), при этом ключевая роль данного жанра в непринужденной беседе даже специально маркируется одним из говорящих («вечер воспоминаний»). Однако, несмотря на то, что подобные цепочки воспоминаний могут быть достаточно протяженными, временной план беседы в определенный момент неизменно

вновь меняется с прошлого на настоящее под влиянием внешней ситуации либо по интенции одного из собеседников.

Изучив специфику функционирования жанра воспоминания в составе гипержанра «непринужденная беседа», мы пришли к выводу, что большинство характерных для него жанрообразующих признаков оказываются общими с признаками воспоминания в функции ключевого жанра (см. п. 2.2.1). К их числу относятся:

1) наличие особого метакомпонента, или «имени жанра»: *Ой я **помню** как мы ездили на Штыковские пруды и ваш папа рассказывал в машине интересные истории тоже; У нас же шефы были в школе/ я **помню**/ так хорошо мы жили; А я **вспоминаю** как я Олю с Машей на коньках катала*;

2) различные способы репрезентации прошлого, а именно:

а) формы прошедшего времени (*Я братика на руках **не держала** но **забирала** тоже из больницы вместе с папой; Хорошо помню как бабушка **приходила** с ведром собирать смородину чёрную у нас*), настоящего исторического времени (*Я один раз в Питере/ утром **просыпаюсь**/ **думаю**/ чё-то не так со мной/ **понимаю**/ что я голову повернуть вообще не могу; Помню упала…/ **поднимаюсь**/ а Настя **стоит смеётся**/ меня **гладит** и **смеётся** и **извиняется***) и будущего времени (*Помню/ вот он вяк-вяк-вяк/ я его из кроватки **достану**// Папа уже на работу у нас **уйдёт**; Мы с братом дрались// **Подерёмся**/ а я потом маме **нажалуюсь***);

б) специальные дейктические средства – наречия *давно, раньше, тогда, еще, как-то, когда-то*: ***Как-то** мы ходили в театр/ правда **давно** уже/ я **ещё** в университете училась; Я **тогда** ещё на полставки работал/ где-то до пяти работал; Просто **раньше**/ когда я была студенткой…/ там народ в кино/ ночью/ куда-то можно было; Оля **када-то**…/ мы только приехали нарно/ лет шесть ей было/ и она пошла туда костёр этот смотреть*;

в) конструкции со значением возраста: *А я в первый раз была **в шесть лет** в каком-то санатории детском; У меня сестра/ старшая/ выходила*

замуж ***мне было восемь лет****; Мы как-то гуляли в детском садике…/ и* ***Лере мож года два было***;

г) сложноподчиненные предложения с временны́ми отношениями: *Мы вот ездили на моря один раз/* ***когда я еще беременная была****;* ***Когда я переезжала сюда****/ у меня прям депрессия была;* ***Когда я только начала работать преподавателем****/ мне дали студента-вьетнамца/ индивидуально;*

3) пространственная локализация описываемых событий, основным средством выражения которой в воспоминании как компоненте гипержанра «непринужденная беседа» являются топонимы (*В детском санатории мы тоже были/ после первого класса в семь лет/* ***в Пятигорске****; Я помню* ***Красную Поляну****/ мы так же ходили в поход на водопады; Я* ***на Сахалине*** *жила тоже всё время волосы красила; Ну вот мы были* ***на Пидане****/ мы были осенью/ да/ там солнце как бы целый день*); в более редких случаях (при условии общности апперцепционной базы коммуникантов) возможна отсылка к определенному месту, известному каждому из собеседников: *Я/ в прошлом году/ упала вообще на асфальте/* ***вот напротив этого центрального корпуса где ворота вот железные****;* ***Вот на этом стадионе/ не там где бассейн а тут****/ какой-то костёр жгли****.***

Нехарактерными для воспоминания, выступающего в функции жанра-спутника, оказываются такие признаки, как противопоставление прошлого и настоящего, а также позиционирование рассказчиком себя как части определенной общности людей. По нашему мнению, причина этого заключается в различии возрастных характеристик коммуникантов, участвующих в каждом из рассматриваемых нами коммуникативных событий: данные признаки в большей степени свойственны воспоминаниям пожилых людей, традиционно являющихся информантами для собирателей живой речи. Кроме того, нетипичным для воспоминания как компонента непринужденной беседы оказывается и употребление точных или приблизительных дат, отмеченное ранее в п. 2.2.1; данную особенность, в совокупности с редким использованием отсылок к определенному месту, можно считать

свидетельством «вспомогательной» функции воспоминания, обычно заключающейся лишь в поддержании хода непринужденной беседы.

Подводя итог анализу жанра воспоминания в функциональном аспекте, делаем следующие выводы:

1) принадлежность коммуникативных событий «разговор с собирателем» и «непринужденная беседа» соответственно к сферам актуальной и непринужденной коммуникации предопределяет ведущий тип коммуникативной мотивации собеседников в каждом из них: доминирующей интенцией собирателя является потребность в получении определенной информации, тогда как в непринужденной беседе доминирующей интенцией оказывается удовлетворение потребности в общении;

2) в гипержанре «разговор с собирателем» – текстовой реализации одноименного коммуникативного события – ведущая роль отводится информативным жанрам, и, в первую очередь, речевому жанру воспоминания; данный жанр выполняет функцию ключевого, при этом он дополняется варьирующимся набором жанров-спутников, в числе которых мы выделяем рассказ о себе, рассказ о человеке, рассказ о месте, объяснение, беседу на общие темы и рассуждение;

3) в гипержанре «непринужденная беседа» ключевым является фатический жанр «беседа на общие темы»; речевой жанр воспоминания в данном случае выступает в функции одного из жанров-спутников, наряду с информативным диалогом, рассказом о недавних событиях и др.;

4) в непринужденной беседе возможен переход воспоминания из статуса жанра-спутника в статус ключевого жанра; возникающие «цепочки воспоминаний», однако, под воздействием конситуации или по интенции одного из собеседников в определенный момент вновь сменяются беседой на общие темы;

5) общими жанрообразующими признаками, характерными для воспоминания как ключевого жанра и как жанра-спутника, являются: наличие особого метакомпонента – глаголов *помнить*, *вспоминать* и др., средства

репрезентации прошлого (временны́е формы глаголов, специальные дейктические средства, конструкции со значением возраста, сложноподчиненные предложения с временными отношениями), пространственная локализация описываемых событий, в большинстве случаев выражаемая посредством топонимов; кроме того, для воспоминания как компонента гипержанра «разговор с собирателем» характерно частое противопоставление прошлого и настоящего, а также позиционирование рассказчиком себя как части определенной общности.

2.3 Жанр воспоминания в иллокутивно-структурном аспекте

Исследование жанра воспоминания в иллокутивно-структурном аспекте направлено на выявление его специфики с точки зрения формы текстовой организации; при этом ключевым для нас оказывается понятие «нарратив». В качестве исходного мы принимаем определение нарратива как повествовательного текста, в котором рассказывается о происходящих в определенной временной последовательности событиях. Принцип событийности лежит в основе воспоминания, значимыми для исследуемого жанра оказываются критерии событийности, выделенные В. Шмидом (см. п. 1.2.4). В первую очередь, содержанием воспоминания (так называемым «мнемическим содержанием», см.: [Еременко, 2007]) могут быть лишь релевантные, или аксиологически значимые для рассказчика события, причем значимость эта является индивидуальной для каждого говорящего. Непредсказуемость воспроизводимых в воспоминании событий определяется их принадлежностью личному опыту рассказчика, вследствие чего предугадать развитие хода повествования и возникающие на его основе ассоциативные связи для слушающих оказывается практически невозможным. Значимыми признаками воспоминания являются консекутивность, то есть влияние на последующее мышление и поведение человека, а также необратимость воспроизводимых событий; в своей совокупности данные признаки служат для формирования мнемического опыта (см.: [Еременко,

2007]). Наконец, для каждого события, составляющего основу воспоминания, характерным оказывается такой признак, как неповторяемость, поскольку всякое событие, сохранившееся в памяти говорящего, будет осмысливаться им как уникальное.

Перечисленные признаки, характеризующие жанр воспоминания с точки зрения содержания, дают возможность рассматривать нарратив в качестве формы его текстовой организации. Это подтверждают и проявляющиеся в жанре воспоминания формальные признаки нарратива: наличие специальных языковых средств, демонстрирующих отнесенность повествования к прошлому, пространственная ориентировка, соотнесенность повествования с текущей ситуацией коммуникации и др. (данные признаки выделены нами в качестве жанрообразующих при описании функций воспоминания в п. 2.2.1 и 2.2.2).

Функционирование воспоминания в качестве ключевого жанра в разговоре с собирателем и в качестве жанра-спутника в непринужденной беседе предопределяет особенности его текстовой организации в каждом из названных гипержанров. В первом из них собиратель всегда инициирует, направляет и поддерживает воспоминание информанта, речевые партии которого занимают бóльшую часть коммуникативного времени; текст жанра воспоминания в этом случае представляет собой единство реплицирующих речевых партий собирателя и нарративных речевых партий информанта. Такой тип текстовой организации мы, опираясь на терминологию И. Н. Борисовой, определяем как диалогический нарратив, в котором выделяем три структурных элемента: метатекстовый ввод, корпус нарратива и метатекстовую концовку (см.: [Борисова, 2009]); вследствие этого рассматриваем жанр воспоминания, находящий воплощение в гипержанре «разговор с собирателем», как диалогический нарратив трехчастной структуры.

В гипержанре «непринужденная беседа» воспоминание, являясь ассоциативно возникающим жанром-спутником, находит воплощение в

реплике одного из собеседников, формальными границами которой служат соседние реплики партнеров по коммуникации. В этом случае по своей текстовой организации жанр воспоминания представляет собой монологический нарратив или, другими словами, отдельный элемент целостной структуры диалога.

Рассмотрим далее каждый из вариантов структурной организации речевого жанра воспоминания.

2.3.1 Воспоминание как диалогический нарратив трехчастной структуры

Прежде чем приступить к анализу структуры жанра воспоминания, входящего в состав гипержанра «разговор с собирателем», необходимо отметить, что значимым фактором в ситуации подобного «интервьюирования» оказывается количество информантов; в зависимости от данного параметра воспоминание–диалогический нарратив находит воплощение в двух различных вариациях: воспоминание-повествование (один информант) и коллективное воспоминание (несколько информантов).

2.3.1.1 Воспоминание-повествование

Воспоминание-повествование реализуется в ситуации, когда в роли информанта выступает один человек (количество собирателей в данном случае роли не играет); стимулируемый вопросами собирателя, он размеренно, последовательно и подробно рассказывает о событиях прошлого. Отличительным признаком данной вариации является полиэпизодичность, то есть такая организация воспоминания, при которой оно строится из целого ряда логически связанных воспоминаний-эпизодов.

Как уже говорилось ранее, в воспоминании–диалогическом нарративе (и, соответственно, в воспоминании-повествовании как одной из его вариаций) мы выделяем три структурных элемента: метатекстовый ввод, корпус нарратива и метатекстовую концовку.

I. Метатекстовый ввод.

Под метететекстовым вводом понимается «инициирующая реплика-высказывание, содержащая предложение темы одним из коммуникантов и эксплицирующая установку на нарративный режим диалоговедения» [Борисова, 2009, с. 194]. В текстах воспоминаний, составляющих гипержанр «разговор с собирателем», данный элемент оказывается представленным в двух разновидностях: первичный и вторичный метатекстовый ввод.

В качестве первичного метатекстового ввода неизменно выступает вопрос собирателя, стимулирующий начало воспоминаний информанта: *Вот как Вы здесь оказались…/ Как Вас привело сюда/ в Перевал?; А Вы как тут/ вот Вы приехали почему сюда?; А у вас какой-то…/ были/ интересные/ вот/ во время вашей службы// Вы ж пограничник…/ Какие-то интересные такие события?* и т. п. В ситуации, когда собиратель достаточно хорошо знаком с информантом или является его родственником, он может прибегать к особому приему – сюжетно-тематическому провоцированию (данный термин мы используем вслед за И. Н. Борисовой, см.: [Борисова 2009, с. 195]), в ходе которого собиратель намекает на известный ему эпизод из жизни информанта или же напоминает информанту о его обещании рассказать какую-то историю из прошлого, например: *Расскажи/ как ты подмастерьем работал/ кузнецом/ у Степана?; Бабуль/ ты помнишь обещала рассказать о своих братьях и сестрах/ как тетя Нина погибла?*.

Функцию вторичного метатекстового ввода выполняет вопрос собирателя, заданный после того, как информант завершил предыдущий фрагмент своих воспоминаний. Приведем пример:

(К.И., жительница с. Веденка, вспоминает о работе в колхозе)

К.И. *В общем/ хозяйство было очень хорошее/ ну раз мы и Рождественка миллионеры были/ вот два хозяйства было/ вот/ развивались очень хорошо// Вот// Вот так вот/ а чё ещё вам сказать//*

С. А вы это зерно продавали э-э-э куда-то в другие места или всё…/

К.И. *Нет/ мы сдавали вот щас у нас в үороде есть крупозавод/ вот дак при этом крупозаводе было ещё…/ отдел был и при этом отделе у нас сдавались туда сдавали туда зерно/ вот//* *(продолжает разговор с собирателями)*

Реплика К.И. *Вот так вот/ а чё ещё вам сказать*, служащая сигналом завершения ее воспоминания, позволяет собирателю задать новый вопрос, инициирующий развитие очередного фрагмента повествования информанта.

В качестве вторичного метатекстового ввода может выступать не только вопрос собирателя, но и реплика самого информанта, являющаяся формальным показателем смены темы в рамках одного текста воспоминания.

Например:

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке, аспирантке-филологу, о своих родителях)

А.А. *(говорит о своем отце) Пора жениться// И туды кинулись/ и сюды кинулись/ не// А в Реттихowке буw [был]/ один дя́дько/ Демьян// Вот допустим он в Реттихowке знаw [знал] папу/ в Черниүowке знаw…// Он знал маму// Во-от//* ***В общем/ я наверно начну сначала с мамы/ потому что неизвестно/ хто она такая//*** *Де-то в тех же үодах/ в Чите был/ он был владелец золотых приисков/ это был мамин дедушка// <…>*

Выделенная реплика А.А. по своей функции является вторичным метатекстовым вводом, указывающим на смену различных тематических фрагментов.

II. Корпус нарратива.

Ответ информанта на заданные собирателем вопросы является корпусом нарратива. Он представляет собой подробное, последовательное изложение событий прошлого (то есть собственно воспоминание), время от времени прерываемое уточняющими вопросами собирателя:

(И.П., житель с. Верхний Перевал, рассказывает собирателям (С.) о своем детстве, проведенном в Маньчжурии)

И.П. *И вот/ в эту Бухидо прилетели самолёты советские и разбомбили/ корову убили/ кони разбежались/ всё…/*

С. Это война была/ а это что было/ почему прилетели и разбомбили?

И.П. *Ну конфликт/ китайско-советский конфликт был в двадцать девятом году// <…>*

Реже сам информант может прерывать свое повествование, обращаясь с вопросами к собирателю, чтобы уточнить, знакомы и понятны ли ему те события, предметы и действия, о которых идет речь, или, наоборот, чтобы попросить собирателя, как представителя молодого поколения или же как более образованного человека, разъяснить что-либо. Получив ответ, рассказчик вновь возвращается к прерванному повествованию:

(А.А., жительница п. Реттиховка, по просьбе внучки (В.), аспирантки-филолога, рассказывает историю жизни своей матери и ее семьи)

А.А. *Дядя Вася/ мама ɣоворила/ работал/ ему лет семнадцать-восемнадцать было/ во Владивостоке/ в маɣазине в каком-то приказчиком//* ***Шо это за должность?*** *Не знаю…//*

В. Приказчик? Ну это как управляющий//

А.А. *Да? Аɣа// И-и/ дядя Стёпа с Ина/ написал дяде Васе/ шо езжай в ɣород Стретенск и укради у матери Пашу/ привези мне// <…>*

Реплики собирателя и информанта, составляющие корпус диалогического нарратива, могут характеризоваться как сильной, так и слабой иллокутивной зависимостью (см.: [Баранов, Крейдлин, 1992]). В случае сильной иллокутивной зависимости реплики собирателя оказывают значительное влияние на речевые партии информанта, вследствие чего меняется и ход его повествования. Приведем пример:

(дедушка (Д.) по просьбе внучки, студентки-филолога, и сына (С.) рассказывает о своей жизни)

Д. *(вспоминает о том, как перед службой в армии проходил комиссию, чтобы попасть на флот) В общем/ комиссию я прошёл// Но/ по тем временам я чего боялся// У меня глаза не стопроцентные были// Где-то было немножко один//*

С. Где ты потерял? На кузне что ли/ или книжки читал при лучине? (1)

Д. *На кузне нам ещё/ досталось//*

С. Ты/ хоть/ книжки читал в детстве? Или книжек вообще не видел? (2)

Д. *Я бы тебе так ответил// Я глупостей не чтец/ тем более/ образцовых// Так что//*

С. У тебя книжки вообще были в детстве? (3)

Д. *А у кого они были? Ты знаешь/ как мы в школу собирались? К палочке привязано перо// Рондо́/ называлось перо// Ну/ вот/ его привязывали к палочке/ а чтоб развести чернила// Чернильная невыливашка// Знаете/ такая штука// Сажу бросишь/ щепотку подсолишь// Туда-сюда/ и пожалуйста//*

Упоминание информанта о том, что у него было не очень хорошее зрение, позволило его сыну (выступающему в данном коммуникативном событии вместе с внучкой в качестве собирателей) сделать предположение, что испортил он его, читая книги при плохом освещении (реплика 1). Следствием данного предположения оказывается вопрос, читал ли вообще рассказчик в детстве книги (реплики 2 и 3). Заданный дважды, этот вопрос в конечном итоге вынуждает информанта отклониться от хода своего воспоминания о прохождении отбора на службу и рассказать о том, как он в детстве ходил в школу. Однако, как показывают наши наблюдения, после подобных отступлений информанты обычно вновь возвращаются к прерванному повествованию:

(Д. продолжает рассказывать сыну и внучке о своих школьных принадлежностях)

Д. *И эту сумку сложишь/ там нет ни пеналов/ никаких/ как они/ там называются// Вот с этими штуками/ и выходили хорошие люди после этого//* ***Так/ вот/ я самое главное не рассказал// Сдал я там всё// От комиссии утвердили семь человек// Мы уже там/ в полку этом ходили как моряки//*** *(продолжает вспоминать о своей службе)*

Отметим, что ход повествования может нарушаться и без вмешательства собирателя, то есть по инициативе самого рассказчика. Например:

(А.А., жительница п. Реттиховка, по просьбе внучки, аспирантки-филолога, рассказывает о своей жизни в годы войны)

А.А. *(вспоминает, как нечего было есть и как ее тайком накормила супом повариха из местного детского сада) Шо-то налила и видать поууще/ и мне сунула туда/ под забор/ я значить дальше это/ съила/ под забор// Вот по-моему два раза/ ауа// Я/ была очень блауодарна это много значит/ ауа// **Потом/ был такой случай я была на работе/ уже в каких-то/ семи́десятых годах/** я (смеется)/ от интересно/ дежурю/ а нам железнодорожникам/ день железнодорожника/ первый выходной августа/ привезли/ с Уссурийска колбасу и в маγазине дают по целой палке// <…> А я прикинула/ <…> куды мене эту палку колбасы? Уγу// А тётка та Мазуренчиха шо меня кормила уже у́мерла давно// А потом же γлядь/ стоит Люба Мазуренко/ и с мужем/ и двое детей// «Э/ думаю/ вот щас-то я отплачу ей/ за тот суп/ шо мене тётка Мазуренчиха сунула»/ а она меня пожалуй эта Люба и не знала…/ (рассказывает, как отдала колбасу дочери накормившей ее женщины) **Вот и вот такие вот были…/** А потом/ значить/ я помню/ у соседей/ значить/ появилась кака-то/ женщина/ майор// (вновь возвращается к воспоминаниям о своем детстве в годы войны)*

В приведенном фрагменте выделенные реплики являются формальными границами отдельного воспоминания-эпизода в целостной структуре воспоминания-повествования, причем данный эпизод сменяет предыдущий не в соответствии с фактическим ходом событий, а вследствие действия ассоциативной связи в сознании информанта.

При слабой иллокутивной зависимости реплики собирателя не оказывают существенного влияния на ход повествования информанта; их основной целью является лишь уточнение определенных деталей, демонстрирующее заинтересованность собирателя, а также его эмоциональную вовлеченность. Это, в свою очередь, способствует возникновению «духовного сближения», которое, по мнению Т. А. Демешкиной, является необходимым условием реализации речевого жанра воспоминания [Демешкина, 2000, с. 101]. Приведем пример:

(К.И., жительница с. Веденка, рассказывает собирателями (С.) о своей работе агрономом)

К.И. *МТС уже стала большой/* ***я выучилась на аγронома/*** *и пришла сюда опять тут же на́чала работать аγрономом//*

С. А учились где?

К.И. Я в Уссурийске//

С. *В Уссурийске//*

К.И. *Да/ от// И начить у-у-у/ я обслуживала когда была участковым аγрономом/ я три хозяйства/ да/ при МТС были участковые аγрономы// <…>*

Реплика информанта *Я выучилась на аγронома* послужила стимулом для реализации краткого уточняющего вопроса собирателя *А учились где?*, на который был дан очень лаконичный ответ *Я в Уссурийске*; в этом случае заданный вопрос органично включился в воспоминание-повествование информанта, почти не нарушив его общего хода.

В случае слабой иллокутивной зависимости смысловая связность реплик собирателя и информанта в текстах воспоминаний может опираться на связность лексико-грамматическую (виды такой связи были описаны в работе Т. Г. Винокур, см.: [Винокур, 1955]). В процессе исследования нами было выделено два основных вида подобной связи.

1. Синтаксическое продолжение реплики-стимула репликой-реакцией.

Посредством синтаксического продолжения смежные реплики собирателя и информанта образуют единое по своему содержанию высказывание. Например:

(В.К., жительница с. Анучино, рассказывает собирателю (С.) о переезде своей семьи на Украину)

В.К. *Папа забрал нас//* ***В сорок шестом году вернулся…/***

С. С фронта/ *да?*

В.К. *Да/ а там начали говорить как/ что Украину надо восстанавливать/ засушенные районы/ он завербовался//*

По формальной организации вопрос собирателя *С фронта?* оказывается органично связанным с предшествующей репликой информанта

взаимоотношениями главных и второстепенных членов одного целого предложения. По своему смысловому содержанию этот вопрос становится реакцией собирателя на предыдущее высказывание и проявлением заинтересованности.

Приведем еще пример:

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке, аспирантке-филологу (В.), о своей матери)

А.А. *Писала с ошибками// Она была деликатная/ она воспитывалась в боγатом доме/ во/ она/ это…/ но всё равно/* ***они/ учили своих детей…/***

В. А её они не стали учить//

В данном фрагменте реплика-стимул информанта и реплика-реакция собирателя представляют собой две части одного сложносочиненного предложения; подобное «предугадывание» продолжения фразы рассказчицы также демонстрирует эмоциональное взаимодействие участников коммуникации.

Еще один пример:

(А.А. рассказывает внучке (В.) историю своей семьи)

А.А. *(говорит медленно, вспоминая) У Михаила у Ярыны родылся дедушка Иγнат// Так//* ***Бабушкин…/***

В. Муж//

А.А. …будущий// *Дедушка мой Иγнат/ дед Васылько/ дед Васыль/ два Васыля/ и/ дед Мыкола// <…>*

В данном фрагменте реплики-реакции внучки оказываются своеобразными «подсказками», с помощью которых собиратель поддерживает ход повествования информанта; по своей формальной организации три выделенные реплики представляют собой словосочетание с двумя зависимыми словоформами (*бабушкин будущий муж*).

2. Лексический параллелизм взаимодействующих вопросно-ответных реплик, который может быть представлен в трех разновидностях:

а) «дублирование» лексического содержания реплики-стимула в реплике-реакции:

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке (В.), аспирантке-филологу, как во время войны выдавали хлеб по карточкам)

А.А. *Отвешивали с довесочком/ вот пове…/ положит кусочек/ аγа/ мало/ дорезает ещё вот так/ докладует/ вот так вот/ дорезал/ поло́жил/ аγа/ многовато/ отрезжут ещё…/*

В. *И прям* ***всё грамм в грамм*** *да?*

А.А. Всё γрамм в γрамм*/ боже упаси/ лишнего// <…>*

б) лексический параллелизм, сопровождающийся синонимической заменой (лексика, используемая в вопросе собирателя, в ответе информанта заменяется на синонимичную):

(В.К., жительница с. Анучино, вспоминает о жизни и работе в Амурской области)

В.К. *Вот надо было участок дороги какой-то/ следить/ проверять/ чтобы не было рельсы были нормальные/ всё да? И это самое/ три кило́метра одна станция/ три кило́метра/ другая станция//*

С. *И* ***вот эти шесть/ надо было смотреть****/ да?*

В.К. *Ага//* ***Вот эти шесть****/ это* ***надо было проверять****// <…>*

в) лексический параллелизм, сопровождающийся словообразовательной заменой (лексика, используемая в вопросе собирателя, в ответе информанта заменяется на ее словообразовательный вариант):

(В.К. рассказывает собирателю (С.) о своей юности)

В.К. *И я ходила всё время/ на Красную Падь// Там/ с одной стороны Новый/ назывался/ а здесь Красная Падь// Вот я ходила на Красную Падь/ там у меня подружка/ уже завелись// Там и на танцы/ там и кино было//*

С. Это посёлок так назывался*?*

В.К. *Да //* ***Это посёлочек так назывался****// Станция/ поселок там//*

Таким образом, тесная взаимосвязь речевых партий информантов с репликами собирателей, проявляющаяся как на формальном, так и на смысловом и даже эмоциональном уровнях, не позволяет рассматривать их как нечто отдельное друг от друга. Это доказывает, что в составе гипержанра

«разговор с собирателем» жанр воспоминания реализуется именно в форме диалогического нарратива – текста диалогической структуры, состоящего из кратких стимулирующих (или реактивно-стимулирующих) реплик и развернутых нарративных партий, несущих в себе основное диктумное наполнение жанра.

III. Метатекстовая концовка.

Метатекстовая концовка служит сигналом завершения воспоминания-повествования. Как правило, ее функцию выполняет высказывание информанта, в котором подводится своеобразный итог изложенным событиям: *Ну и вот и в основном/ в основном вот это вот/ всё; Ой/ ну так/ так я прожила; (говоря о себе в третьем лице) Так что это/ вот такое это баба перенесла.* Нами отмечены случаи, когда метатекстовая концовка представляет собой обобщающее оценочное высказывание, содержащее противопоставление «раньше» – «теперь»; при этом второй элемент данной антитезы может выражать как положительную, так и отрицательную оценку: *(завершая повествование о своей жизни) Ну слава боγу шо вот это вот/ многο лет вот прожили/ мои дети/ без войны/ о/ и…/* ***Щас всё нормально;*** *(завершая рассказ об истории развития села) Вот и так это/ что мы оставим нашему это/ и как сейчас/* ***щас же не будет такой красоты.***

Метатекстовая концовка, подводящая итог повествованию информанта, может стать стимулом для использования собирателем нового (вторичного) метатекстового ввода, который, в свою очередь, инициирует новый фрагмент воспоминания-повествования информанта. Например:

(А.А., жительница п. Реттиховка, подробно рассказала внучке (В.) историю своей семьи)

А.А. Вот/ ну вот такая/ родословная// Шо ещё можно добавить/ к этому? Ну/ всё//

В. Ну/ про себя ты как-то мало рассказала//

А.А. *Ну а я про себя/ Олечка/ как рассказывать? Ну/ о себе я чё/ ну о себе я моγу сказать что/ везде я/ ну вот как моя бабушка/ у меня и харахтер*

бабушкин/ и язык подвешен так как помело/ как у бабушки// Бабушка/ моя/ Анна/ она/ в Реттиховке/ еще вела приём// (продолжает рассказывать о характере и жизни своей бабушки, сравнивая себя с ней)

Центральным элементом метатекстовой концовки, представленной в данном фрагменте, является вопрос А.А. *Шо ещё можно добавить/ к этому?*. Он выполняет две функции: во-первых, сигнализирует о завершенности повествования (в этом случае вопрос можно трактовать как «больше добавить к сказанному нечего»), а во-вторых, демонстрирует ведущую роль собирателя в диалоге (посредством данного вопроса информант показывает свою готовность продолжать повествование, побуждая собирателя задать новую тему).

По нашим наблюдениям, в качестве метатекстовой концовки в структуре текста воспоминания-повествования может выступать не только реплика информанта, но и обобщающее оценочное высказывание собирателя.

Например:

(И.П., житель с. Верхний Перевал, разговаривает с собирателями (С.1, С.2))

С.1. *(спрашивает в конце разговора) А как с женой познакомились/ жили там вместе?*

И.П. *Ну там же жили/ в одном посёлке жили// Они ж тоже…/ Тут/ маленько/ вперёд/ они где-то с тридцатого года приехали тоже в Китай…/ Убежали/ от Советского-то Союза…/ А потом мы приехали в тридцать третьем/ а в песят третьем женились// <…>*

С.2. Вот такая жизнь интересная//

С.1. Очень интересная жизнь// *(благодарят И.П. и прощаются с ним)*

Возможность реализации метатекстовой концовки воспоминания-повествования информанта в реплике собирателя является еще одним доказательством структурного единства речевых партий обоих коммуникантов. Таким образом, специфика каждого из трех элементов структуры воспоминания-повествования – метатекстового ввода, корпуса нарратива и метатекстовой концовки – подтверждает нашу идею о

диалогической природе текстов жанра воспоминания как компонента гипержанра «разговор с собирателем».

2.3.1.2 Коллективное воспоминание

Коллективное воспоминание представляет собой вариацию исследуемого жанра, реализующуюся в ситуации, когда в роли информанта выступают два или более человека – муж и жена, братья и сестры, коллеги, односельчане и т. п. Как и воспоминание-повествование, данная вариация строится из большого числа логически связанных эпизодов; это позволяет заключить, что коллективное воспоминание по своей природе также является повествованием – но повествованием, разделенным между нарративными речевыми партиями нескольких информантов. Коллективное воспоминание также имеет трехчастную структуру (метатекстовый ввод, корпус нарратива, метатекстовая концовка), при этом ее отличие от структуры воспоминания-повествования обнаруживается только в корпусе нарратива, усложняющемся за счет появления второго плана диалогических отношений: помимо иллокутивной взаимообусловленности реплик собирателя и информантов, в коллективном воспоминании возникает и иллокутивная взаимосвязь реплик сорассказчиков. Приведем пример:

(муж и жена В.К. и Н.В., жители с. Верхний Перевал, рассказывают собирателям (С.) историю своей семьи; говорят, что знакомы они еще со школы)

С. *А школу закончили/ и вечернюю закончили/ потом.../ ещё куда-то уехали?*

Н.В. Я пошла работать портнихой…/

С. *После школы? В Спасске//*

Н.В. *Да//* ***Я уже работала/ а потом/ заочно/ в вечернюю ходила/ и работала портнихой// А потом вышла замуж/ и говорю/ «знаешь что/ я буду дома/ это/ детей воспитывать/ дом/ держать/ а ты делай карьеру/ а ты работай»//***

В.К. А меня/ начали/ я работал/ ну/ специальностей много/ я работал водителем/ на автолавке/ в райпо/ в Спасском райпо// Вот// *(продолжает рассказывать о своей работе)*

Речевые партии информантов, с одной стороны, представляют собой иллокутивно-вынуждаемые высказывания, стимулом для которых послужил вопрос собирателя (*А школу закончили/ и вечернюю закончили/ потом.../ ещё куда-то уехали?*), с другой стороны, реплика В.К. является реакцией на реплику Н.В. и ее продолжением.

Как показывают наши наблюдения, иллокутивная взаимосвязь реплик информантов в структуре коллективного воспоминания может проявляться и в форме непосредственного диалога между сорассказчиками. Например:

(сестры А. и Б., жительницы пос. Кировский, рассказывают о своем детстве)

А. *(вспоминает, как однажды нашла в кладовке спрятанные матерью конфеты) Там ела ела/ уже сколько мне влезло// Ну уже края/ вот такó опустилося…/ <…> (обращается к сестре)* ***И/ и тебе ж наверно набрáла я?*** *Потому что…/*

Б. *(шутливо)* ***Не знаю! Может ты съела сама/ молча// А я/ бегала/ за тебя дела делала//*** *Всё меня покупала/ «сказку тебе расскажу// Ляжем спать// А ты Надя тó сделай»// А сама майнёт/ гулять с кем-нибудь// <…>*

В приведенном фрагменте воспоминание Б. (*Всё меня покупала…*) инициируется не вопросом собирателя, а ее собственным высказываем (*Может ты съела сама/ молча// А я/ бегала/ за тебя дела делала*), стимулом для которого оказывается вопрос ее сорассказчицы А. (*И тебе ж наверно набрáла я?*), обратившейся к сестре с целью выяснить, помнит ли Б. описанный ею эпизод.

Апелляция одного из информантов к памяти другого, выражающаяся посредством их иллокутивно связанных реплик, в целом является характерным признаком структуры коллективного воспоминания. Например:

(Е. и М., жительницы с. Верхний Перевал, рассказывают собирателям о своем селе и о живущих здесь коренных народах Дальнего Востока – нанайцах и удэгейцах; М. является нанайкой)

Е. *Это вот/ очень хорошо что Маринка сейчас говорит «я нанайка»/ (обращается к М.)* ***а помнишь был период когда это воспринималось как оскорбле-ение…/***

М. *(утвердительно)* ***Оскорбление//***

Е. *«Ты что/ какой я тебе нанаец!» Там всё/ и глазки…/ И даже это/ были случаи очень анекдотичные// (вспоминает один из таких случаев)*

В приведенном примере выделена реплика, посредством которой Е. демонстрирует «общность» своих воспоминаний с воспоминаниями М., чей лаконичный ответ это подтверждает.

По нашим наблюдениям, коммуникативная инициатива в коллективных воспоминаниях обычно распределяется поровну между обоими рассказчиками, при этом может происходить «добровольная» передача инициативы одним информантом другому. Например:

(собиратели спрашивают В.К. и Н.В., случалось ли им видеть тигра или медведя; В.К. вспоминает о том, как однажды встретил недалеко от дома тигрицу с тигрятами)

В.К. *Пришли мы/ пришел домой/ Надежда/ пошла за ручей…/ (обращается к жене)* ***Ну ты рассказывай/ дальше!***

Н.В. Рассказывай/ рассказывай//

В.К. *Пошла в ручей за водичкой/ приходит говорит «да там какие-то следы странные»/ я прихожу смотрю/ тигриные/ она оставила/ там/ тигрят своих/ за мной по моему следу пришла/ повернулась и ушла//*

Начав говорить о событии, непосредственным участником которого был не он, а Н.В, В.К. предложил жене самой продолжить повествование, однако та, в свою очередь, передала право рассказать «свою» часть истории мужу.

Особым способом передачи коммуникативной инициативы в коллективных воспоминаниях является своеобразное «анонсирование» одним из информантов рассказа другого. Приведем пример:

(собиратели попросили В.К. и Н.В. рассказать о встречах с тиграми)

Н.В. Ой/ он расскажет как он в окно ви…/ смотрел/ как он *(тигр)* ***приходил!***

В.К. *Звери у нас хо-одят/ <…> Был случай/ едем с сыном/ на девятнадцатое февраля/ как это помню/ хорошо/ <…> чё-то/ а/ дровишек привезли на машине/ нагрузили/ привезли дров/ сидим/ смотрим/ он говорит «кто это такой/ вот идёт/ по дороге к нам?»// На пасеку зашёл уже! Я говорю/ «так это тигр идёт»// Такой красавец// Я такого не видел// <…> Я…/ вышли/ посмотрели/ крикнули на него/ он ушёл/ повернулся назад ушёл// Прошло уже/ прилично/ сидим кушаем/ вечером уже/ шо-то/ тень мелькнула/ я говорю/ «что это/ интересно»/ у нас собака была такая/ Умка/ я говорю/ «Умка дома/ кто ж тут лазает?»// Выходим/ а он пришёл/ подлез под дом/ вылазит оттуда/ идёт так/ смотрит// <…>*

История, о которой упоминает Н.В. в начале разговора, одинаково известна обоим супругам, однако женщина, первой вспомнив этот случай, передает право рассказать о нем мужу, так как именно он был его непосредственным участником, вследствие этого о данном эпизоде рассказывает В.К.

Реже, однако, наблюдаются случаи, когда информанты отказываются уступить инициативу – каждый из них стремится сам ответить на вопрос собирателя, мешая другому:

(В.К. и Н.В. разговаривают с собирателями (С.))

С. *А здесь/ а здесь вот в этих местах как/ мы слышали/ жили же китайцы?*

Н.В. *У нас в Спасске/ домовая книга была// И эти вот…/ И вот там эти вот всякие и были вот…/ Китайцы//*

В.К. *А у нас…/*

С. *Прямо жили в этом доме?*

Н.В. *Фанзы/ я же говорю/ они/ где родители/ фанзы там были/ а потом и/ домовая книга//*

В.К. *А здесь посёлок был…/*

Н.В. *(говорит одновременно с В.К.) Книга домовая/ натурально/ я сама видела!*

В.К. *…здесь китайцы жили/ не доезжая до Нижние…/*

Н.В. *(говорит одновременно с В.К.) Мне интересно было//*

В.К. Подожди Надя// *Нижние Лужки были/ раньше/ посёлок…/ (продолжает рассказывать о поселке недалеко от Верхнего Перевала, где раньше стояли китайские фанзы)*

Отвечая на вопрос собирателя, коммуникативной инициативой в приведенном фрагменте завладевает Н.В., однако В.К. отказывается уступить, пытаясь одновременно с женой начать свою речевую партию (*Фанзы/ я же говорю/ они/ где родители/ фанзы там были/ а потом и/ домовая книга// – А здесь посёлок был…/ – (говорит одновременно с В.К.) Книга домовая/ натурально/ я сама видела* и т. д.). Некоторое время речевые партии информантов разворачиваются как параллельные друг другу реплики, пока, наконец, В.К. полностью не перехватывает инициативу, прерывая Н.В.

Стоит отметить, что в ситуациях, когда коммуникативной инициативой владеет один из информантов, второй наравне с собирателем выступает в роли слушателя, при этом он время от времени комментирует и дополняет воспоминания сорассказчика. Например:

(мать (А.) и дочь (Б.), жительницы с. Верхний Перевал, разговаривают с собирателем (С.))

А. *Ну а я приехала/ работы нет/ мне/ скучно сидеть-то/ я привыкла всегда работать/ а-а тут вдруг/ места нет/ ну и…/ Открыли эту столовую и я пошла туда/ работать посудницей/ люди/ приходили/ с участков когда ехали…/*

Б. Пристань же была недалеко/ сообщение по реке//

С. *Надо же/ неужели по Бики́ну были вот такие..?*

Б. *Ой/ здоровущие!*

А. *У меня/ Володя у меня работал на катере/ рулил//*

С. *А куда катер ходил?*

А. *Ходили катера и баржи до Красного Яра/ вот Бикин…/*

С. *М-м/ вот такое было сообщение// Дорога и не нужна была//*

А. *Такое сообщение было…/ такой был большой Бикин//*

Б. То есть глубокий//

А. *Последние годы он обмелел/ а так…/*

Б. От вырубки массовой//

В приведенном фрагменте основная коммуникативная инициатива в разговоре с собирателем принадлежит А., тогда как выделенные реплики Б. являются лишь дополнением к ее воспоминаниям.

Как и в воспоминании-повествовании, смысловая связь иллокутивно согласующихся реплик в коллективном воспоминании также нередко опирается на связность лексико-грамматическую, причем подобная связь обнаруживается не только между репликами собирателя и каждого и информантов, но и между репликами самих сорассказчиков. По нашим наблюдениям, основным видом формально-грамматической связи в данном случае оказывается синтаксическое продолжение реплики одного информанта репликой другого. Например:

(сестры А. и Б., жительницы пос. Кировский, вспоминают о дедушкиной мельнице)

Б. *Крупы же не было/ а жить надо было/ чё-то исть// И мы/ крутили/ уже вдвоём// Она тяжёлая// Знаю шо и мы цеплялися помоγали//*

А. *Да-а-а/ да//*

Б. *Дедушка сам/ а мы уже…/ и шо/ на крупу было/ легче крутить//*

А. Он летает ввер’ху́ токо / *тырх тырх…/*

Б. А тут…/

А. Понемножку//

Б. Желобок с него выскакивает// Эта крупа//

А. *Ага//* ***Нераздавленная//***

Выделенный фрагмент по смыслу является единым, целостным текстом – но текстом коллективным, включающим реплики двух говорящих; если опустить реплики одной из рассказчиц, то нарушится общий смысл текста.

Наличие подобных фрагментов воспоминаний, характеризующихся формально-грамматическим единством иллокутивно согласующихся реплик, постоянная «включенность» одного информанта в воспоминания другого,

проявляющаяся в комментировании и дополнении сказанного, а также частая апелляция к памяти сорассказчика позволяет рассматривать коллективное воспоминание в качестве особой вариации исследуемого жанра.

Таким образом, речевой жанр воспоминания как компонент гипержанра «разговор с собирателем» по своей иллокутивно-структурной организации представляет собой диалогический нарратив трехчастной структуры, который:

1) является полиэпизодичным, то есть состоит из ряда логически связанных воспоминаний-эпизодов;

2) включает в свой состав три элемента: метатекстовый ввод, функцию которого чаще всего выполняет инициирующий вопрос собирателя, корпус нарратива, представляющий собой единство развернутых речевых партий информанта и кратких реактивно-стимулирующих реплик собирателя, а также метатекстовую концовку, подводящую итог воспоминанию рассказчика и способную находить воплощение в репликах каждого из коммуникантов;

3) может быть представлен двумя вариациями:

а) воспоминание-повествование, реализующееся в форме диалогического взаимодействия собирателя и одного информанта;

б) коллективное воспоминание, корпус нарратива к котором усложняется за счет появления второго плана диалогических отношений (информант – информант).

2.3.2 Воспоминание как элемент целостной структуры диалога

Как уже было отмечено выше, функционирование воспоминания в качестве жанра-спутника в составе гипержанра «непринужденная беседа» обуславливает специфику его иллокутивно-структурной организации – в фатическом диалоге исследуемый жанр находит воплощение в форме отдельной реплики одного из собеседников, границами которой служат соседние реплики партнеров по коммуникации, то есть представляет собой монологический нарратив. Принимая за основу концепцию И. Н. Борисовой, выделившей в качестве разновидностей монологического нарратива

компрессированный рассказ и констатирующее сообщение (см.: [Борисова, 2002, 2009]), считаем возможным говорить о двух вариациях жанра воспоминания – это воспоминание-рассказ и компрессированное воспоминание. Их главным дифференциальным признаком является степень развернутости нарратива: основой компрессированного воспоминания служит одна пропозиция, тогда как воспоминание-рассказ строится из последовательности нескольких пропозиций. Далее будет представлена характеристика каждой из названных вариаций.

2.3.2.1 Воспоминание-рассказ

В отличие от воспоминания-повествования, рассмотренного нами в п. 2.3.1.1, основой воспоминания-рассказа оказывается не последовательность логически связанных эпизодов, а отдельный эпизод, имевший место в прошлом, вследствие чего отличительным признаком данной вариации жанра считаем его моноэпизодичность. Приведем пример:

(беседуют друзья Е. и О.)

О. *Я/ собралась покупать себе новый компьютер/ опять же на день рождения/ и думаю/ надо/ посоветоваться с кем-нибудь/ чтобы не покупать по внешнему виду/ а…/*

Е. *Не/ на самом деле сейчас/ такое время что как раз-таки выбирать можно по внешнему виду// <…>* ***Я тоже купил ноутбук помню/ на двадцать третье февраля как раз/ нетбук/ тоже/ чуть-чуть больше потратил чем планировал/ вот// На какое-то время пока у меня не было основного компа́/ он у меня был…/ заменял комп основной/ там/ для всего он был/ вот/ он своё время как бы отработал/ а потом он стал чё-то так жутко уже тупить/ и я просто себе купил комп/ обычный/ стационарный/ и всё//*** *А этот уже щас только для просмотра…/ кинца какого-нибудь/ когда за компо́м в лом сидеть/ взял его// Щас уже думаю себе планшет//*

Выделенный фрагмент речевой партии Е. рассматриваем в качестве воспоминания-рассказа, представляющего собой фрагментарное описание

отдельного жизненного эпизода из прошлого (приобретение и использование нового компьютера). Поскольку данное воспоминание приводится только с целью поддержания текущей темы беседы («Компьютеры»), никто из собеседников не пытается его развить, вследствие чего оно и оказывается представленным лишь в виде отдельной реплики в диалоге. Нельзя не отметить, что в приведенном воспоминании-рассказе отсутствуют элементы, которые были выделены в структуре воспоминаний–диалогических нарративов – метатекстовый ввод и метатекстовая концовка. По нашим наблюдениям, данные структурные единицы, являясь неотъемлемой частью воспоминания-повествования и коллективного воспоминания, в воспоминании-рассказе оказываются факультативными и обнаруживаются лишь в небольшом количестве монологических нарративов. Например:

(преподаватели-филологи беседуют на кафедре; говорят о новой системе проверки выпускных квалификационных работ на наличие плагиата)

А. *Мне Ксения написала/ что у неё как плагиат отмечено слово «Шекспир»//*

Б. *А там всё отмечают/ «глава один»/ «глава два»/ «Министерство образования и науки»…/*

А. Вот кстати/ в связи со словом «Шекспир» мне вспомнился один случай// *Я пришла сдавать кандидатский экзамен по английскому языку// Я пришла и как…/ не сразу поняла что я опоздала// Вхожу в аудиторию/ небольшую/ вот/ сидят молодые люди/ общаются/ а на столе такой же молодой как они/ в джинсах…/ На столе прямо сидит// И я ему говорю/ «привет/ ещё не пришёл?»/ и оказывается это он и был// Я с перепугу забыла сразу все английские слова/ тем более что как выяснилось он своим студентам выдал задание/ тексты в какой-то книжке/ а у меня ничего не было с собой// И он меня посадил/ за свой стол/ и свою книжку мне всучил/ я с перепугу/ я вот точно вам говорю/ я забыла все английские слова/ вот все/ я тупо смотрела в этот текст/ и думала/ «сейчас я сосредоточусь/ щас/ я всё-таки/ я вот вижу слово/ оно явно мне знакомо/ щас я его переведу»// И минут*

через десять я сообразила/ что я перевожу слово «Шекспир»// ***Вот такой был шок//***

В приведенном фрагменте помимо корпуса нарратива, представляющего собой непосредственно воспоминание-рассказ, присутствуют также метатекстовый ввод (*Вот кстати/ в связи со словом «Шекспир» мне вспомнился один случай*) и метатекстовая концовка (*Вот такой был шок*); в монологическом нарративе, однако, данные элементы существенно отличаются от тех, что составляют структуру нарратива диалогического. В первую очередь, отличие касается метатекстового ввода: в воспоминании-повествовании и коллективном воспоминании он обычно принадлежит собирателю (реплика информанта может выступать лишь в качестве вторичного метатекстового ввода, указывающего на смену тем), тогда как в воспоминании-рассказе он всегда реализуется в рамках речевой партии одного говорящего, «анонсируя» разворачивающийся далее нарратив. Сказанное справедливо и для метатекстовой концовки: как было отмечено нами в п. 2.3.1.1, в воспоминании-повествовании и коллективном воспоминании данный элемент может находить воплощение в репликах как информанта, так и собирателя, в воспоминании-рассказе же он либо отсутствует вовсе, либо включается в состав речевой партии непосредственного рассказчика.

Всё вышесказанное подтверждает тот факт, что воспоминание в составе гипержанра «непринужденная беседа» воплощается в форме отдельной реплики, являющейся элементом целостной структуры диалога. Она всегда оказывается иллокутивно вынуждаемой; мы выделяем четыре типа реплик, которые могут выступать в качестве ее стимула: 1) реплика самого рассказчика, 2) вопрос собеседника, 3) невопросительное высказывание собеседника, 4) воспоминание собеседника. Проиллюстрируем каждый из названных типов.

1. Стимул – реплика самого рассказчика.

(подруги обсуждают ароматы духов)

А. *У меня мама любит/ ну/ ей нравятся ароматы потяжелее чем мне/ явно/ намного тяжелее/ но* ***ещё ей нравится/ как/ ну/ вы знаете/ называется «запах свежести»// (1) Я в детстве никогда не могла понять/ ну почему «свежести»?*** *Ну/ это травянистые такие/ оттенки//* ***Видимо я это воспринимала/ это же просто название/ да/ определённых ноток в духах/ для меня это было не свежесть/ я всегда говорила/ «мама/ ну какая свежесть?» (2)*** *(продолжают обсуждать свои любимые ароматы)*

Воспоминание-рассказ А. (2) возникает ассоциативно под влиянием ее собственной предыдущей реплики (1), то есть в данном случае имеет место процесс иллокутивного самовынуждения (см.: [Баранов, Крейдлин 1992]).

2. Стимул – вопрос собеседника.

(подруги А. и Б. беседуют о детях)

А. *У тебя мальчик? Девочка?*

Б. *Мальчик//*

А. *Мальчик// Угу//* ***А…/ он крупненький был? (1)***

Б. Вообще родился он не крупненький/ но я помню/ что в четыре с половиной месяца мне казалось/ что он вообще просто/ хомяк какой-то/ потому что у него были складки такие/ то есть мы быстро набирали вес// (2)

А. *А сколько щас твоему? Сколько?*

Б. *Восемь лет//*

Отметим, что вопрос А. (1), инициирующий воспоминание-рассказ Б. (2), задается только с целью поддержания хода непринужденной беседы, при этом задающий его не рассчитывает на длительное, подробное повествование, вследствие чего мы не считаем закономерным рассматривать подобные вопросы в качестве метатекстового ввода в структуре нарратива.

3. Стимул – невопросительное высказывание собеседника.

(подруги О. и А. разговаривают о знакомой А., которая недавно упала и повредила спину)

О. *А как она так/ она просто/ упала/ или она каталась?*

А. *Нет/ ну просто упала// Поскользнулась и упала//* ***Я говорю «где можно/ ещё вроде зима не началась/ ты уже умудрилась поскользнуться»// (1)***

О. *Не/ можно// (2)* ***Я/ в прошлом году/ упала вообще на асфальте/ вот напротив этого центрального корпуса где ворота вот железные/ мы шли с Настей с английского с курсов/ это/ у меня еще ботинки были такие осенние/ они какие-то были скользкие// И там пригорочек такой/ я на нём поскользнулась полетела и вот так короче на спину упала/ и под эти ворота подкатилась/ лицом чуть в эту решётку не въехала// Ну короче это было страшно//*** *<…>* ***Вот в принципе даже льда не было а я умудрилась упасть// (3)***

Воспоминание-рассказ О. (3) выполняет иллюстрирующую функцию по отношению к ее реплике (2), являющейся, в свою очередь, реакцией на высказывание А. (1), вследствие чего реплику А. можно рассматривать в качестве стимула для воспоминания ее собеседницы. Это подтверждает и заключительная фраза О. (*Вот в принципе даже льда не было а я умудрилась упасть*), которая представляет собой своеобразный ответ на слова А. (*Я говорю «где можно/ ещё вроде зима не началась/ ты уже умудрилась поскользнуться»*).

4. Стимул – воспоминание собеседника.

(в беседе с матерью (М.) старшая дочь (Д.) вспоминает о своей дочери в раннем детстве)

Д. Мы как-то гуляли в детском садике/ ну и там группа детей гуляла/ ну с садика/ и воспиталка// И Лере мож года два было/ и она прям/ знаешь такая/ вот так вот по земле руками это/ пыль летит во все стороны/ ну а я стою/ смотрю/ ну пусть ребенок играет/ и воспиталка такая/ «ой грит/ какая мама грит спокойная»/ а я говорю/ «ну чё тут такого/ пусть/ ничё страшного»…/ (1)

М. *Помою// Приду домой да помою//* ***Оля*** *(младшая дочь)* ***када-то/ ну вот на этом стадионе/ <…> какой-то костёр жгли/ лет шесть ей было/ и она***

пошла туда костёр этот смотреть/ а там же летят вот эти все вот эти вот// Она пришла/ я её не узнала/ в мазуте вся! Ой! Давай разде.../ переодевать/ мыть// (2) *Ну а чё/ ребёнок//*

Воспоминание М. (2) является ассоциативной реакцией на воспоминание Д. (1), обладающее сходным тематическим содержанием. Подобное иллокутивное взаимодействие возникает, когда описываемые в воспоминании-рассказе одного из коммуникантов события, ситуации, места или люди оказываются связанными в сознании его собеседника с собственными воспоминаниями; при этом может наблюдаться и резкий перехват инициативы. Например:

(друзья Е. и О. летом побывали в Санкт-Петербурге, куда ездили каждый со своей компанией; Е. вспоминает о посещении Эрмитажа)

Е. *Мы взяли экскурсию/ мне понравилось в этот/ как/ там есть типа золотая комната и бриллиантовая// Ну в общем мы на золотую попали/ но мне понравилось/ там/ и бабулька так интересно рассказывала/ мы посмотрели золото/ и…/*

О. *А мы/ когда пришли/ там очередь тоже была/ мы кстати не пошли на занятия специально в этот день/ чтобы пойти в Эрмитаж/ там очередь была километровая/ вот такая/ а мы/ я не знаю/ может владивостокская черта такая/ что мы очередь никогда…/ Мы пришли/ там делегация какая-то заходила китайцев/ мы с ними затесались/ так подошли к кассе билеты купить/ а нам даже никто ничё не сказал/ народ стоит//*

Событие, о котором вспоминает Е. – посещение Эрмитажа – ассоциируется у О. с собственными воспоминаниями, вследствие чего она начинает свой рассказ, даже не дослушав собеседника.

Как уже отмечалось в п. 2.2.2, воспоминания, являющиеся ассоциативной реакцией на воспоминания партнера по коммуникации, могут образовывать целые цепочки, связанные отношениями иллокутивного вынуждения. Приведем пример:

(коллеги-преподаватели вспоминают смешные ошибки студентов)

А. *(обращается к Б., В., Г., с которыми вместе училась) Девочки/ а помните/ на лекциях/ у Елены Александровны/ «человек бобр»//*

Б., В., Г. *(одновременно) А/ «человек бобр»/ точно…/ (смеются)*

Д. *Это кто?*

А. *Елена Александровна/ она нам когда читала лекцию/ писала специально на доске/ «человек»/ и писала/ «добр/ не бобр!»// «Мне потом студенты приходят и рассказывают/ что человек бобр»//*

Е. *А я никогда не забуду свою студентку/ которая мне/ это самое/ сказала «зака́ки»/ вместо «казаки»// «Зака́ки сели на коня»…/*

Д. *А Тамара Георгиевна/ когда читала нам современную зарубежку/ говорила/ «до некоторого времени я на слух произносила/ Оскар Уайльд/ а с некоторых пор пишу/ вот запомните/ что имя Оскар/ а фамилия Уайльд/ потому что на экзамене один студент сказал “Оска/ Руальд”»// (все смеются; продолжают вспоминать подобные случаи)*

Несмотря на то, что в трех последних примерах воспоминания собеседников обладают сходной тематикой, в них говорится о различных событиях, произошедших в разное время, имеющих различную пространственную локализацию, а их участниками являются разные люди. По этой причине приведенные фрагменты нельзя считать единым коллективным воспоминанием – они представляют собой воспоминания-рассказы, реализующиеся в форме отдельной реплики в диалоге, то есть в форме монологического нарратива.

Как показывают наши наблюдения, воспоминание-рассказ может трансформироваться в коллективное воспоминание в ситуации, когда участниками описываемых событий оказываются присутствующие в момент коммуникации люди. В этом случае по своей формальной организации текст воспоминания представляет собой уже не монологический, а диалогический нарратив. Приведем пример:

(мать (М.) в беседе с двумя дочерями (А., Б.) вспоминает, как ее отец работал после войны стрелочником на железной дороге)

М. *Папа работал на этом посту/ тут посты были/ здесь был первый пост/ там второй//*

А. *А будочка была помнишь/ такая уютненькая//*

Б. Мы деду всё время ж еду носили// Несколько внуков несли еду деду// Вот такую миску с борщом// На бул…/ булка хлеба/ корочки обрезаны и порезана/ хлебницу// Третий/ кусок/ сала/ на тарелке/ порезанный// Четвертый ковш…/ чаю// (1)

М. *(одновременно с младшей дочерью)* ***Чаю// (2)***

А. Перчину бабушка ему всегда// (3)

Б. А/ ну вот//

А. На печке пекла//

М. Пекла//

Ситуация, описанная в воспоминании-рассказе Б. – как внуки носили дедушке обед – оказывается известной и ее собеседницам, в результате чего становится возможным продолжение реплики Б. (1) репликами М. (2) и А. (3). На «коллективность» данного воспоминания указывает и связь реплик М. и А. (*На печке пекла// – Пекла*). Отметим, что коллективные воспоминания, находящие воплощение в гипержанре «непринужденная беседа», все же отличаются от данной вариации как элемента гипержанра «разговор с собирателем». По нашему мнению, данное различие заключается в специфике распределения коммуникативных ролей участников общения: в разговоре с собирателем коллективное воспоминание создается информантами, попеременно сообщающими интервьюеру определенные сведения, тогда как в непринужденной беседе участвуют равноправные партнеры по коммуникации, каждый из которых вносит свой вклад в общий процесс «вспоминания» прошлого.

Таким образом, специфику воспоминания-рассказа как одной из вариаций исследуемого жанра определяют следующие признаки: моноэпизодичность, факультативность метатекстового ввода и метатекстовой концовки в структуре нарратива, а при их наличии – реализация в границах

реплики одного говорящего, постоянная иллокутивная зависимость, при которой в качестве реплики-стимула могут выступать предшествующее высказывание самого рассказчика, а также вопрос, невопросительное высказывание или воспоминание его собеседника. Первый из перечисленных признаков (моноэпизодичность) характеризует и другую вариацию воспоминания–монологического нарратива, названную нами «компрессированным воспоминанием».

2.3.2.2 Компрессированное воспоминание

Как уже говорилось, компрессированное воспоминание, в отличие от воспоминания-рассказа, представляет собой «свернутую» форму монологического нарратива, основу которого составляет лишь одна пропозиция – констатация определенного факта, имевшего место в прошлом.

Приведем пример:

(сестры А. и Б. смотрят фотографии, на одной из которых видят дочь А.)

Б. *Лера какая-то тёмная на фотографиях// Да она чё-то и так тёмная//*

А. *У ней потемнел волос// У тебя светлей волос чем у неё// Хотя она была вообще беленькая//*

Б. *Ну она наверно как ты/ да//* ***Ты же тоже была беленькая в детстве/ а потом потемнела//***

Выделенный фрагмент содержит одну пропозицию и представляет собой констатацию определенного факта из прошлого, сохранившегося в памяти одного из коммуникантов, следовательно, он может быть охарактеризован как компрессированное воспоминание. Особенностью данной вариации жанра воспоминания является наличие так называемого «глубинного содержания», не выраженного вербально. В случае проявления заинтересованности собеседника это скрытое содержание может разворачиваться в воспоминание-рассказ. Например:

(мать (М.) и дочь (Д.) смотрят фотографии, сделанные дочерью во время поездки в Санкт-Петербург)

Д. *А вот такая мне нравится/ потому что* ***у меня была такая тетрадка/*** *вот один в один//* ***(I)***

М. *Да ты что?*

Д. *Я сфотографировала прям сама удивилась/ аж поразилась…/*

М. Да/ я помню твою тетрадь// (II)

Д. *Вот она была точно такая же//* ***Я помню я в ней ещё записывала/ прям вот один в один/ и никто/ ни люди не ходят/ и никто// Там сфинкс был и грифон/ и я помню я в неё записывала/ по танцам/ когда помнишь готовилась где/ когда магнитофон выиграла/ я туда теорию записывала/ в эту тетрадку/ что-то там готовила/ всё…// (III)***

Реплики дочери (I) и матери (II) по своей жанровой специфике являются компрессированным воспоминанием. Тот факт, что два этих коротких высказывания скрывают в себе гораздо больший объем воспоминаний, подтверждает последующее их «разворачивание» в достаточно подробное воспоминание-рассказ (III), содержащее уже не одну, а несколько пропозиций (1 – «была тетрадь», 2 – «готовилась к конкурсу», 3 – «записывала в тетрадь теорию»).

Представим характеристику компрессированного воспоминания как элемента гипержанра «непринужденная беседа» в трех аспектах: семантическом, функциональном и иллокутивно-структурном.

В семантическом аспекте компрессированное воспоминание рассматриваем с учетом основных видов пропозиций, характерных для данной вариации жанра. По нашим наблюдениям, наиболее распространенными являются пропозиция действия (*Ну мы тоже писали сочинение в школе/ когда выпускались; Ты помнишь как мы вместе гуляли?*), состояния (*Я когда уехала/ ой/ мне так было плохо когда я сюда…; На Волге было прикольно// Но страшно//*), а также бытийная пропозиция, представляющая собой воспоминания не только об определенном событии из прошлого, но и о каком-

либо предмете или месте, сохранившемся в памяти: *В садике помню/ чё-то там качеля кажется была; А я у папы помню такая фляжка была/ небольшая/ такая кругленькая/ фляжечка/ закручивается*.

Кроме того, в исследуемой вариации жанра мы выделили еще один, особый вид пропозиции, названный нами «констатацией факта воспоминания». Данная пропозиция характерна для максимально сжатой формы компрессированного воспоминания, в котором ключевое место занимает глагол «помнить».

Приведем несколько примеров:

1. *(беседуют коллеги А. и Б.)*

А. *И я кстати встретила в театре…/ Помнишь ещё в начале семестра мы ехали с женщиной…/*

Б. Помню/ помню/ да//

А. *Вот она была/ с внуком//*

2. *(М. рассказывает подруге О. о платье своей сестры)*

М. *У Оли есть одно платье/ чёрное/ с голубыми полосками/ я вот до сих пор его меряю и жду/ пока она из него вырастет//*

О. А/ я помню/ да//

3. *(мать (М.) и дочь (Д.) говорят о главе администрации их поселка)*

М. *Когда ему выделили одно место/ чтобы поехать учиться бесплатно и потом вернуться сюда работать…/ ну ты же помнишь?*

Д. Ну я помню/ ага//

М. *И вот он предложил тебе//*

Все три выделенные реплики представляют собой имплицитные воспоминания – говорящие не сообщают никакой информации об объекте воспоминания, а лишь подтверждают, что он хранится у них в памяти. Наличие особой, «констатирующей» пропозиции является специфическим признаком компрессированного воспоминания как компонента гипержанра «непринужденная беседа».

При описании компрессированного воспоминания в функциональном аспекте выделяем следующие его функции в беседе: иллюстрация авторских слов, апелляция к памяти собеседника, введение нового тематического фрагмента, а также введение новой подтемы; главной из них, на наш взгляд, является иллюстрирующая функция. Приведем пример:

(подруги О. и М. говорят о планах М., которая после окончания школы собирается уехать в другой город)

О. *Это так страшно/ куда-то ехать в другой город/ мне кажется//* ***Когда я переезжала сюда/ у меня прям депрессия была//***

М. *А мне не страшно/ мне просто интересно//*

Иллюстрирующая функция воспоминания в данном случае необходима для подтверждения той оценки, которую автор воспоминания дает определенному факту: ***страшно*** *ехать учиться в другой город*. При этом воспоминание реализуется в свернутой форме, вероятно, как по причине нежелания О. продолжать рассказ на данную тему, так и по причине отсутствия интереса к нему со стороны М.

Приведем еще один пример:

(друзья Е. и О. беседуют о поездке Е. в Харбин и посещении там телевизионной башни)

Е. *Там тебя/ сзади/ тебе верёвку прицепляют/ и по краю ходишь/ вот вниз смотреть/ вообще прикольно/ мы так прицепили и…/ Вниз смотришь//*

О. *Страшно/ ты что! Я бы умерла//* *(вспоминает об экскурсии «Крыши Петербурга»)* ***У меня на крыше пятого этажа там припадок случился// Пришлось уходить//***

Е. *Припадок?*

О. *Ну я шучу конечно когда говорю «припадок»/ у нас девочки-экстремалки/ говорят/ «пойдемте на экскурсию по крышам»…/ (подробно рассказывает Е. об этой экскурсии)*

Выделенная реплика служит иллюстрацией определенного факта: О. боится высоты. В отличие от предыдущего примера, компрессированное

воспоминание после уточняющего вопроса собеседника в процессе беседы разворачивается в полноценный нарратив.

Еще одной функцией компрессированного воспоминания является функция апелляции к памяти собеседника; при этом говорящий может преследовать различные цели:

1) напомнить собеседнику известный обоим эпизод из прошлого, сделать воспоминание коллективным:

(О. рассказывает подруге А. о своем смешном падении)

О. *У меня до сих пор шрам на ноге остался/ я очень сильно тогда/ полетела//*

А. А помнишь как Ира упала?

О. *Да/ это тоже было страшно//*;

2) вспомнить какое-либо явление действительности, имеющее отношение к прошлому (уточнить забытое название, какой-то конкретный факт и т. п.). Например:

(сестры М. и Л. пытаются вспомнить название кафе)

М. *Ой/ как назывался?*

Л. *Который на Семёновской?*

М. *Возле «Клевер Хауса»//*

Л. *Угу// Возле «Клевер Хауса»…/* ***Куда мы ходили/ после моего диплома?***

М. *«Корица»!*

Функциональный аспект описания компрессированного воспоминания тесно связан с аспектом иллокутивно-структурным, предполагающим анализ данной вариации жанра с точки зрения ее роли в структуре диалога, где компрессированное воспоминание может выступать в качестве как реплики-стимула, так и реплики-реакции. Основной функцией воспоминания как реплики-стимула оказывается функция инициальная, обеспечивающая начало нового тематического фрагмента диалога. Например:

(друзья А., О. и Л. беседуют в кафе; Л. рассказывает о круизе по Волге)

Л. *…Когда мы приехали с Волги там паром затонул/ поэтому…/*

А. *Плохо там где нас нет//*

О. *Угу//*

Л. А я вспоминаю как я Олю с Машей/ на коньках катала// *(обращается к А.)* ***И тебя я тоже на коньках катала//*** *Как твои ноги кстати/ зима скоро/ ты поедешь кататься?*

Посредством первой из выделенных реплик (*А я вспоминаю как я Олю с Машей/ на коньках катала//*), содержащей в себе «свернутое» воспоминание о конкретном событии, в беседу на смену старой теме «Круиз по Волге» вводится новая – «Катание на коньках». К первому воспоминанию по ассоциации присоединяется второе (*И тебя я тоже на коньках катала*), которое и служит стимулом для дальнейшего развития беседы о поездке на каток.

Стоит отметить, что в качестве реплики-стимула компрессированное воспоминание может выступать и в рамках высказывания, принадлежащего одному говорящему. В этом случае его функцией является введение новой подтемы в повествовании рассказчика.

(подруги О. и А. беседуют в машине по дороге с работы; А. рассказывает о том, как несколько лет назад упала на улице)

А. *Такая/ упала/ и так короче как-то страшно больно обидно…//* ***А потом я упала у нас в копи-центре//***

О. *Прям там/ внизу/ в помещении?*

А. *Да/ я короче спускалась…/ И я умудрилась каблуком/ зацепиться за петельку бантика на другом// <…>*

В приведенном фрагменте диалога реплика А. *А потом я упала у нас в копи-центре* служит сигналом окончания одного воспоминания-рассказа и демонстрирует желание начать другой, тематически сходный с первым. Выражение ее собеседницей заинтересованности в этом (*Прям там/ внизу/ в помещении?*) позволяет А. развернуть данное компрессированное воспоминание в целый рассказ.

Компрессированное воспоминание реализуется и в форме реплики-реакции на слова собеседника, в первую очередь – в качестве ответа на прямые вопросы. Приведем пример:

(подруги М. и О. говорят о сменах в лагере, где успела побывать М.)

О. *Какая ты ещё говоришь была смена там?*

М. *«Сильные люди»//*

О. *«Сильные люди»…/ Вот что ты там делала?*

М. На «Сильных людях»/ у нас/ мы ходили в поход на Пидан// Это было ужасно//

О. *Почему?*

М. *Ну потому что/ мы шли с шести утра/ вернулись мы в одиннадцать вечера// <…>*

Отвечая на вопрос собеседницы, М. стремится дать лаконичный ответ, вследствие чего ее воспоминание о походе на гору Пидан реализуется в свернутой форме, «разворачиваясь» в полноценный нарратив лишь после уточняющего вопроса О.

Компрессированное воспоминание оказывается репликой-реакцией и в том случае, когда оно возникает у слушающего в качестве ассоциации на слова говорящего.

(бабушка (Б.) рассказывает внучке (В.) о местном угольном разрезе)

Б. *И значить/ работал вот с пятьдесят девятоγо γода/ разрез этот// В девяносто шестом закрылся разрез/ позакрывалось тоγда уже всё//*

В. Ну я помню как танцевали у нас на закрытии/ разреза// У нас возле клуба был какой-то прям вечер/ праздник//

Б. *Аγа/ хороший праздник/ да? (продолжает рассказывать о работе разреза)*

В данном фрагменте реплика-стимул является частью развернутого воспоминания бабушки; компрессированное воспоминание внучки в качестве реплики-реакции лишь на короткое время прерывает его, не меняя общую тему повествования. Однако возможны случаи, когда высказывание одного из

участников диалога вызывает последовательную смену реплик-реакций его собеседников, приводящую к смене темы. Например:

(сестры Л., М. и их подруга О. говорят о ЕГЭ)

О. *Да ЕГЭ сейчас/ сдать мне кажется/ просто//*

М. *Да/ сейчас же ввели ещё одну часть/ сочинение на четыре с половиной страницы//*

О. Ну мы тоже писали сочинение в школе/ когда выпускались//

Л. Да/ я писала сочинение// Изложение/ краткое/ и сочинение//

М. Я помню как ты писала// (1)

Л. *Мм? (вопросительно смотрит на сестру)*

М. *Я помню как ты изложение писала//**(2)** Когда учительница/ даже не дочитала текст/ оставила книжку и вышла// Это в девятом классе по-моему было// Вы просто списали//*

Каждая из выделенных реплик является одновременно как реакцией на предыдущее, так и стимулом для следующего высказывания участниц беседы; при этом происходит и смена темы – к обсуждению ЕГЭ коммуниканты больше не возвращаются.

Важно отметить, что при выделении жанра воспоминания в составе гипержанра «непринужденная беседа» нередко возникает проблема разграничения компрессированного воспоминания, разворачивающегося в нарратив (в приведенном выше фрагменте – реплика 1) и собственно инициирующего высказывания в воспоминании-рассказе, которое выступает в качестве метатекстового ввода и не является компрессированным воспоминанием (реплика 2). На наш взгляд, основным критерием подобного разграничения следует считать наличие или отсутствие мены ролей «говорящий» – «слушающий». Только при наличии мены ролей, когда слушающий стимулирует говорящего к продолжению рассказа, можно говорить о реализации в диалоге компрессированного воспоминания (причем этот стимул вербально может быть почти не выражен – так, в приведенном фрагменте в его роли выступает только междометие *мм?* и вопросительный

взгляд Л.). В противном случае высказывание одного говорящего следует рассматривать как целостный фрагмент, являющийся развернутым воспоминанием-рассказом.

Обобщая все вышесказанное, можем заключить, что компрессированное воспоминание, реализуясь в составе гипержанра «непринужденная беседа», обладает рядом отличительных признаков:

1) в семантическом аспекте – наличием наравне с традиционно выделяемыми (бытийная пропозиция, пропозиции действия и состояния) особой констатирующей пропозиции;

2) в функциональном аспекте – выполнением четырех функций в рамках беседы: иллюстрации авторских слов, апелляции к памяти собеседника, введения нового тематического фрагмента, а также введения новой подтемы;

3) в структурно-иллокутивном аспекте – реализацией в структуре диалога как в качестве реплики-стимула, так и в качестве реплики-реакции.

Перечисленные признаки в своей совокупности позволяют рассматривать компрессированное воспоминание как особую разновидность речевого жанра воспоминания, являющегося компонентом гипержанра «непринужденная беседа».

Завершая анализ речевого жанра воспоминания как компонента гипержанра «непринужденная беседа», делаем вывод, что по своей иллокутивно-структурной организации он представляет собой элемент целостной структуры диалога, или монологический нарратив, который:

1) является моноэпизодичным, то есть содержит описание отдельного эпизода из прошлого;

2) реализуется в форме отдельной реплики в структуре диалога, формальными границами которой служат реплики партнеров по коммуникации;

3) может быть представлен двумя вариациями:

а) воспоминание-рассказ как фрагментарное описание одной динамически развивающейся ситуации, имевшей место в прошлом;

б) компрессированное воспоминание как свернутая форма нарратива, основу которой составляет лишь одна пропозиция – констатация определенного факта, сохранившегося в памяти.

Таким образом, дифференциальными признаками двух рассмотренных в п. 2.3 вариантов исследуемого жанра являются:

1) полиэпизодичность воспоминания–диалогического нарратива, противопоставленная моноэпизодичности воспоминания–монологического нарратива;

2) обязательное наличие трех структурных элементов в диалогическом нарративе (метатекстовый ввод, корпус нарратива, метатекстовая концовка) и факультативность метатекстового ввода и метатекстовой концовки в монологическом нарративе;

3) единство развернутых речевых партий информанта и реактивно-стимулирующих реплик собирателя в воспоминании–диалогическом нарративе и отдельность речевой партии непосредственного рассказчика в воспоминании–монологическом нарративе.

2.4 Жанр воспоминания в тематическом аспекте

Как известно, тематическое единство является одним из наиболее важных жанрообразующих признаков текста. На значимость данного параметра обращал внимание еще М. М. Бахтин, понимавший под жанрами речи «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин, 1979, с. 237]. В качестве одного из четырех параметров коммуникативной ситуации, определяющих типологию речевых жанров, тема называется и исследователями Московской школы функциональной социолингвистики, в частности, в работах М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова, 1998, 2005]. В контексте нашего исследования тематическая организация также оказывается значимым параметром, обуславливающим дифференциацию двух вариантов жанра воспоминания – воспоминания как компонента гипержанра

«разговор с собирателем» (диалогического нарратива) и как компонента гипержанра «непринужденная беседа» (монологического нарратива).

Рассмотрим в названном аспекте каждый из вариантов жанра воспоминания.

2.4.1 Тематическая специфика воспоминания–диалогического нарратива

Прежде чем приступить к анализу тематической организации жанра воспоминания, являющегося компонентом гипержанра «разговор с собирателем», необходимо обратить внимание на соотношение таких понятий, как «тема» и «диктум». Диктум представляет собой событийную рамку высказывания, это «некий языковой запас, конструирующий высказывание» [Шмелева, 1994, с. 24], состоящий из одной пропозиции или из совокупности пропозиций. Исследуемый нами речевой жанр воспоминания характеризуется полипропозитивным диктумом, что является его типологической характеристикой (см.: [Демешкина, 2000; Гынгазова, 2001; Лагута, 2005]). В качестве жанрообразующего признака текстов воспоминаний исследователями называется «вербализация в нем преимущественно бытийной пропозиции» [Демешкина, 2000; Лагута, 2005]; данный вид пропозиции регулярно обнаруживается и в текстах воспоминаний–диалогических нарративов, находящих воплощение в процессе общения собирателя с информантом: *На Украине такой был порядок/ вот например/ два γектара земли было/ её не отнимали/ и не добавляли; Дорох как таковых вот сейчас не было в Реттихожке/ а были лесные тропы; Денех не хватало/ папиной зарплаты было только на налоγи/ а уже де-то на хлеб на это не было; У нас такие фермы были/ по три тысячи этих животных было* и т. п. Кроме того, в анализируемых текстах обнаруживаются и другие виды пропозиций: пропозиция состояния (*Я оставалась дома γолодная; Папа был инвалид у меня; Словом дядь Миша заболел тифом; Я сильно отстала в росте/ о/ и-и/ потеряла аппетит*), пропозиция движения (*Эти ботиночки мы када в школу*

нес…/ бежали/ мы на плечах йих это/ а бежали босиком; В общем/ ездила я// Весь Советский Союз объехала; А/ потом/ приехала Таня/ сестра моя с Владивостока/ и/ мы с Еγоровым пошли за орехи; Очень мноγо ездила/ де я не была/ прошла и Крым и Рым проехала), пропозиция действия (*Хлеб-то жали серпом// И покажут как сделать пэрэ́весло; И я сутки отработаю эти и дома/ я и постирала/ я и посушила/ и наварила/ и накормила; Били маму сильно; Я той фасоли/ насобирала наверно с кружку*), пропозиция восприятия (*В основном я её (сестру) видела/ знала всеγда/ это штаны мазутные/ робу давали какую-то; Степь/ огромная степь/ далеко очень горы виделися; Чё-то γлянула/ а у меня руки то-олстые!*), пропозиция характеризации (*(Мама) была деликатная такая/ ну барышня и есть барышня; Так они у нас вообще хорошие были/ смышлёные дети; Папа добывчивый был; Ну папа/ был/ как-то знаешь/ более такой вот начитанный*).

Тема понимается нами как более обобщенный относительно диктума предмет речи. Особая коммуникативная установка собирателя, заинтересованного в получении представительного языкового материала, а также отмеченная в п. 2.3.1 полиэпизодичность, являющаяся дифференциальным признаком воспоминаний–диалогических нарративов, соответственно обуславливают и политематичность текстов данного варианта. Анализ материала позволил нам выделить пять основных гипертем, или тематических доминант, организующих тематическое пространство воспоминания как компонента гипержанра «разговор с собирателем»:

1) «Рассказчик и его семья» – включает с себя такие темы, как «Взаимоотношения с родителями», «Взаимоотношения с братьями и сестрами», «Игры в детстве», «Школа» (данные темы образуют единую тематическую группу «Воспоминания о детстве»), «Приезд на Дальний Восток», «Женитьба / замужество», «Рождение детей», «Работа» и т. п.;

2) «Предки и родословная» – характеризуется таким же набором тем, как и предыдущая гипертема, при этом участником воспоминаний оказывается не

сам информант, а предыдущие поколения его семьи – родители, бабушки и дедушки и т. д.;

3) «История и быт села / города» – оказывается представленной темами «Основание села», «Строительство села / города», «Работа местных предприятий», «Работа колхоза», «Местная природа» и т. п.;

4) «Масштабные исторические события» – включает в себя темы «Революция», «Гражданская война», «Раскулачивание», «Великая Отечественная война» и некоторые другие;

5) «Народные традиции» – представлена такими темами, как «Национальные блюда», «Народные промыслы», «Сватовство», «Похороны» и т. п.

Как правило, выбор главной тематической доминанты воспоминания определяется коммуникативной установкой собирателя, выражаемой посредством его стимулирующих реплик: *Нам интересно просто как Вы/ откуда здесь/ какие корни у Вас; Расскажи/ что ты помнишь из своего детства; Ты же знаешь/ откуда вообще пошёл наш род/ вот Войдиловы; Расскажи/ как Реттиховка развивалась/ какие предприятия были здесь; А у нанайцев тоже есть шаманы? Какие-нибудь настоящие обряды приходилось видеть?* и т. п. По нашим наблюдениям, общее количество гипертем в тексте воспоминания, реализующегося в процессе одного коммуникативного события, обычно невелико (2-3), при этом переход от одной тематической доминанты к другой оказывается обусловленным логикой повествования и возникающими у информанта или собирателя ассоциативными связями. Важно подчеркнуть, что гипертемы в тексте воспоминаний–диалогических нарративов обычно не последовательно сменяются, а «включаются» в состав друг друга. Например:

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке, аспиранту-филологу, о своей жизни в годы войны)

А.А. *(вспоминает, как летом 1945 года в их доме на несколько дней останавливались солдаты) Ну в общем када этот Петька плакал вот это ночью*

*всё/ я утром проснулась/ смотрю/ ни одного солдата/ никого нет/ я ɣоворю «мама/ а чё ночью/ вы сидели за столом и Петька плакал»// «Началась война/ ɣоворит/ с Японией»/ ууу// **Оказывается/ ждали-ждали/ вот это первый раз/ в истории России/ тада ещё ɣоворили/ шо/ русские/ сами пошли/ первые/ пошли войной/ ну отоɣнать же их надо/ ауа// И Сталин дал приказ/ ждали-ждали шо они уберут войска с ɣраницы/ всех нас демобилизовать/ по домам/ и Сталин дал приказ наступать/ ну почему ночью/ я не знаю/ наверно шоб врасплох их застать//** <…> И вот двадцать дней шла война и двадцать дней вот эти вот сумки стояли/ мешки/ и даже вот шо мне было уже/ в сорок пятом ɣоду четырнадцать лет/ я уже была большая…/ <…>*

Выделенный фрагмент в приведенном тексте относится к тематической доминанте «Масштабные исторические события», тогда как основное повествование – к доминанте «Рассказчик и его семья». Чаще, однако, именно воспоминания о жизни информанта или его близких «проникают» в состав текстов воспоминаний с иной гипертемой. Это происходит под влиянием «текстовой эгоцентричности», то есть такого свойства разговорного повествования, при котором в центре оказывается «не просто человек, а в первую очередь сам рассказчик» [Гольдин, 2009, с. 5]; по нашим наблюдениям, текстовая эгоцентричность является одной из важнейших, это инвариантная характеристика жанра воспоминания. Приведем пример:

(А.А. рассказывает по просьбе внучки о родословной семьи)

А.А. *(говорит о переселении на Дальний Восток) И вот тут значить они начали корчевать// Вот это де/ (спрашивает у внучки) ты была када-нибудь вот в этой воинской части вот? Ни разу/ да? Там нарно вообще ɣектар двадцать территория вся туда вниз/ **я ишо там када-то работала нормировщиком на территории/ ɣлянула/ «Боже мой/ как же мой дедушка Иɣнат это всё…»/ столетние/ двестилетние дубы/ всё это он корчевал//** <…> Ну и/ де-то к сорока ɣодам/ дед Иɣнат/ мой дедушка/ надорвался и умер/ бабушка осталась вдовой// <…>*

После короткого отступления рассказчицы, представляющего воспоминание «о себе», она вновь возвращается к повествованию о первых годах жизни семьи ее деда в Приморском крае (гипертема «Предки и родословная»).

Нами отмечены случаи, когда сам информант дает авторский комментарий подобным отклонениям от основной гипертемы:

(А.А. по просьбе внучки рассказывает об истории п. Реттиховка; начав рассказ, она постепенно переходит к воспоминаниям о своем детстве и о жизни своей семьи в конце 30-х гг.)

А.А. *Словом/ мы были счастливы// Шо детство вот это вот/ бассейн/ скала/ школа/ беγали/ всё это/ всё-всё мы это// <…> Ну вот/ ну а потом значить/ вот так мы и жили/ вот так мы и работали/ до сорок первоγо γода// Ну/ в сорок первом γоду…/* ***Ну что/ теперь вот начнём про Реттихоwку/ как/ выжимали все соки с неё/ это я просто рассказала тебе о своём детстве/ о своей юности/ такая у нас была юность/ аγа//***

Рассказчица, понимая, что отклонилась от заданной внучкой гипертемы, дает этому объяснение (*Это я просто рассказала тебе о своём детстве/ о своей юности…*), после чего возвращается к первоначальной тематической доминанте (*Ну что/ теперь вот начнём про Реттихоwку…*).

В каждом тексте воспоминания одна и та же тематическая доминанта оказывается представленной индивидуальным набором тем «второго уровня», сменяющих друг друга либо ассоциативно, либо под влиянием стимулирующего вопроса собирателя. Обычно количество «частных» тем, образующих одну гипертему в воспоминании-диалогическом нарративе, достаточно велико: так, в тексте «О Реттиховке» (см. Приложение 3) гипертема «История и быт села» включает в себя 35 частных тем: «Основатель Реттиховки» → «Сопки» → «Наводнение» → «Сопки» → «Название села» → «Улицы» → «Река и бассейн» → «Единоличное хозяйство» → «Школа» → «Единоличное хозяйство» → «Школа» → «Медпункт» → «Сельсовет» → «Сопки и скала» → «Лесные тропы» → «Чистота в селе» → «Раскулачивание»

→ «Колхоз» → «Переселенцы» → «Колхоз» → «Леспромхоз» → «Лесочурка» → «Военные заводы» → «Леспромхоз» → «Бараки для пленных» → «Военлесхоз» → «ЛЗУ» → «Истребление тайги» → «Угольный разрез» → «Разработка месторождения» → «Добыча угля открытым способом» → «Работа разреза» → «Добыча угля открытым способом» → «Добыча угля закрытым способом» → «Добыча угля открытым способом» → «Отвалы» → «Работа разреза» → «Использование угля» → «Строительство поселка» → «Загрязнение реки» → «Зверосовхоз» → «Щебеночный завод» → «Сопки и скала» → «Работа щебеночного завода» → «Истребление природы и запустение поселка». Как видно из представленной цепочки, одна и та же частная тема может возникать в тексте воспоминания неоднократно (например, тема «Сопки» повторяется четыре раза, «Колхоз», «Леспромхоз», «Работа разреза» – два раза).

В случае, когда смена одной частной темы на другую происходит не под влиянием вопроса собирателя, а вследствие ассоциативной связи в сознании информанта, введение новой темы может маркироваться особой репликой, по своей функции являющейся вторичным метатекстовым вводом: *Ну ладно/* ***как дядю Мишу бабушка женила****; Хотелось бы рассказать/* ***как комиссию проходили****// Это было интересно* и т. п. Нами отмечены также случаи своеобразного «тематического анонсирования», предваряющего определенную тему в повествовании рассказчика: *Она защищёна вот от ветра/ от разных бурь/ от всего// Хотя кое-какие события/ были/* ***это я позже расскажу****; Ну* ***дальше я тебе скажу*** *скоко они добывали и что они вытворяли;* ***Это я ещё/ потом/ вернусь/ и*** *про маминых родителей* ***расскажу*** и т. п. Данные реплики в совокупности с другими метатекстовыми показателями (*Ну это я вперёд забежала конечно; Забеүу наперёд*) можно рассматривать в качестве формального свидетельства политематичности текстов воспоминаний, представляющих собой компонент гипержанра «разговор с собирателем».

Как уже отмечалось выше, в состав каждой гипертемы воспоминания-повествования может входить достаточно большое количество самых разнообразных частных тем. В то же время, несмотря на это разнообразие, считаем возможным выделить несколько типичных тем, чаще других возникающих в воспоминаниях наших информантов – жителей Приморского края. Правомерно считать их ключевыми для исследуемого жанра, определяющими его региональную специфику. Собранный материал позволил выделить несколько таких тем, являющихся дальневосточными маркерами речи наших информантов.

Одной из наиболее часто встречающихся в воспоминаниях приморцев оказывается тема, которую условно можно назвать «Переезд на Дальний Восток». Получая в каждом конкретном случае собственное развитие, данная тема проявляется в трех основных вариантах ее содержательного наполнения, которые представлены далее.

1. Рассказ о переселении с Украины в связи со столыпинской реформой в начале XX века (16% из числа текстов на данную тему):

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке о родословной семьи)

А.А. *(говорит о семье прадеда) И в две тыщи/ в тыщу/ девятьсот уже десятом γоду/ тада вот помнишь ещё/ вот по истории/ какой-то Столыпин/ хто он такой был я не знаю/ но знаю шо он был…// Даже бабушка знала/ шо який-то Столыпин/ значить/ переселял людей на Дальний Восток/ корчевать уссурийскую тайγу/ вот эту всю нашу тайγу// О// И вот они приехали сюда значить//*

Приведем еще один пример:

(муж и жена В.К. и Н.В. разговаривают с собирателями (С.))

С. *А вот Вы говорили что вы в Спасске родились/ да? А Ваши родители тоже там всё время жили или как-то переехали откуда-то?*

В.К. *Переехали/ наши родители переехали/ я ж чистокровный укра́инец//*

С. *А/ то есть с Украины видимо тоже…/ А в какое время? Когда вот…?*

В.К. *Ой/ Они переехали ещё при Столыпине…/*

С. *Ещё в начале/ двадцатого века?*

Н.В. *Когда было переселение/ вот/ шло//*

2. Рассказ о переезде семьи информанта в 30-40 гг. прошлого столетия (42% из общего числа воспоминаний):

(М.Д., жительница с. Виноградовка, рассказывает о переезде своей семьи на Дальний Восток)

М.Д. *Мы приехали/ меня привезли семилетней/ я семилетняя приехала сюда/ с Винницкой области// Это в то время как раз переселенцы приезжали/ как сказать/ обживать/ Приморский.../*

С. *В сороковые годы//*

М.Д. *Да// Да/ в сороковые/ в сороковом γоду мы приехали// В сороковом γоду в мае//*

Еще один пример:

(Н.И., жительница с. Веденка, отвечает на вопросы собирателя (С.))

Н.И. *Я в тридцать шестом/ ой…/в тридцать втором γоду мы сюда приехали//*

С. *А откуда?*

Н.И. *Вот// Мы с Новосибирской области приехали// Отец/ сюда поехал на работу/ и-и-и мне было пять лет/ о-от как в Веденку мы приехали/ мне было пять лет/ щас мне восемьдесят четыре//*

3. Рассказ о переезде информантов из других регионов Советского Союза после 40-х годов XX века (42% из общего числа воспоминаний):

(А.А., жительница г. Находки, рассказывает внучке (В.), студентке-филологу, о своей жизни)

А.А. *Вышла замуж и приехала сюда// Я даже не думала приехать на Дальний Восток! Че я там говорю потеряла? А меня туда говорит направляют// И приехали жили в/ гостинице «Золотой Рог»/ Владивосток/ да// А потом оттуда отправили на станцию Угольную/ на «Горизонте»//*

В. *И вы приехали в шестьдесят первом году?*

А.А. *В шестьдесят первом/ по направлению/ деда направили// А потом то в Кузнецово/ то в Романовке/ то в Литовке//*

Еще один пример:

(Е.Ф., жительница г. Владивостока, разговаривает с внучкой (В.), студенткой-филологом)

В. *А откуда вы приехали?*

Е.Ф. *Я с Сибири/ с Алтайского края/ сибирячка//*

В. *А как ты из Алтайского края сюда приехала?*

Е.Ф. *По вербовке/ вербовали/ «святу/ святущий/ Приморский святущий край»//*

Еще одной дальневосточной темой в воспоминаниях приморцев оказывается тема «Взаимоотношения с жителями Китая и Кореи». Одним из вариантов реализации данной темы может оказаться и простое воспоминание о том, что раньше на территории края находились корейские или китайские поселения:

(из воспоминаний М.Д., жительницы с. Виноградовка)

М.Д. *Корейцев выселили/ но это не при нас// Просто жили корейцы/ по полям// Ну фанзы/ токо остались фанзы/ корейцев я са…/ самих не видела//*

(из воспоминаний В.К., жителя с. Верхний Перевал)

В.К. *Здесь посёлок был…/ Здесь китайцы жили/ не доезжая до Верхнего Перевала// Нижние Лужки были/ раньше/ посёлок…/ Нижний Перевал! Там где-то/ один дом есть/ и чуть дальше туда/ там вот были фанзы/ китайские//*

Для воспоминаний о приграничных контактах характерно использование заимствованной из восточных языков (в первую очередь китайского) лексики, изначально находившейся на периферии стандартного варианта национального языка, но активизировавшейся и перешедшей в разряд общеупотребительной (см.: [Оглезнева, 2008, с. 23]). Показательным в приведенных примерах является употребление китайского слова *фанза*, известного приморцам старшего и среднего поколений в значении «небольшой крестьянский дом в Китае и Корее» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 848]. К подобным заимствованиям, употребляемым информантами

старшего и среднего возраста, относятся также слова *каны* (широкие лежанки, используемые для обогрева и приготовления пищи в китайских и корейских жилищах) и *хунхузы* (разбойники из китайских ссыльных и беглых солдат). Например: *А тут/ было у них/ выложены с камней эти/* ***каны*** *что ли/ вот так вот/ поленами какими-то/ повыложены/ а потом замазывали/ и у них знаете как тёпло было!; А у них/ вот эти были/ ихние…/* ***Хунхузы****…/ Своих же выслеживали.*

В ряде случаев темы «Переезд на Дальний Восток» и «Взаимоотношения с жителями Китая и Кореи» пересекаются в пределах одного дискурса. Например:

(Н.И., жительница п. Кировский, беседует с племянницей-филологом (П.))

Н.И. *Ну их/ их ж тут много//* ***Вот наши када приехали/ они вообще здесь/ было ихнее селение//***

П. *Китайское?*

Н.И. *Да// Всё это// Ну пос../* ***поселения ихни были в основном****// Аγа // А/* ***дедушка када приехал/ но он с ними****/ ну/ вообще дед у нас такой был/ и…/* ***дружил/ дружился****// И всё разузнавал как делать/ как это/ они ему доверялися порассказыв…/ сначала осторожничали/ а потом это/ и потом/ про женьшень этот рассказали//*

В процессе исследования тематики рассказов-воспоминаний жителей Приморского края нами были выделены не только общие дальневосточные темы, но и темы, специфические для конкретного населённого пункта. Так, жители сел, в окрестностях которых с 1945 года располагались лагеря для военнопленных, часто вспоминают о своих взаимоотношениях с пленными японцами. В качестве примера приведем фрагмент одного воспоминания:

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке о своей жизни в послевоенные годы)

А.А. *И-и/ мы вроде как знаешь/ молодёжь/ подружились с ними// Здесь γорел лес/ а надо было пасеку охранять/ там ещё/ стоγа/ мы/ вся молодёжь реттихowская/ солдаты/ о/ и-и/ японцы/ военнопленные/ уже без этих/ без*

конво́ирow/ без ничеɣо/ тушили/ этот лес/ и-и/ шобы/ шоб пасека не сɣорела/ шоб сено// И пели! Я помню идем/ девчата/ хлопцы/ наши/ и японцы/ и-и поём все «Катюшу»/ «Выходила на берех Катюша…»//

Еще одной «частной» дальневосточной темой, характерной лишь для определенных населенных пунктов, можно считать тему «Коренные народы Приморья». Например, она обнаруживается в рассказах информантов из Пожарского района Приморского края (в частности, села Верхний Перевал), где живут представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока – нанайцы и удэгейцы. Данная тема имеет достаточно разнообразное содержательное наполнение: об обычаях коренных народов (*У нанайцев и удэгейцев/ у них такие идолы с дерева// Вы знаете/ прям/ в тайге можно увидеть//*), о местных шаманах (*Вот мы слышали с детства/ что «бабка Манхалиха шаманка»// Вот она сидела/ бубен большой/ она сидела вот она с этим бубном/ чё там она по бубну настукивала себе…/*), о традиционной нанайской и удэгейской кухне (*Меня соседка-нанайка долго учила папоротник есть; Все русские знают лин[с/ц]ай*) и др.

Помимо названных выше, к регионально маркированным относим и тему «Дальневосточная природа»:

(из воспоминаний Е.Г., жительницы с. Лазо)

Е.Г. *Стоко было зверя здесь/ потому шо/ зерновые эти самые/ они все…/ Охотники почему-то…/ И они ты знаешь/ почти чуть ли не в Лазо заходили/ эти козочки/ прям по полям ходили/ и/ они не боялись даже и человека// Так было это/ так хорошо было здесь// Ключики были такие/ с…/ с Канхеза// Чистые такие// Уточки эти дикие прилетали сюда поэтому/ по озеркам по этим/ а зимой улетали// Очень хорошо было//*

Характерной особенностью текстов воспоминаний на данную тему считаем употребление неофициальных топонимов, которые информанты используют наряду с официальными названиями определенных географических объектов. Например:

(А.А., жительница п. Реттиховка, рассказывает внучке об истории поселка)

А.А. *Каждая сопка у нас/ они/* ***сопки Сихотэ-Алинь****/ но мы называли своими словами/* ***Синий увал/ Сухая сопка/ Бабина сопка/ Федина сопка****/ ауа// И вот все/* ***Комитет/ Нова жизь****/ все у нас вот это назывались все поля/ все поляны своими именами// А в общем это всё китайское название* ***Сихотэ-Алинь// Сопки Сихотэ-Алинь//***

Кроме того, значимой особенностью воспоминаний информантов старшего возраста на тему «Дальневосточная природа» является противопоставление прошлого и настоящего и выражение сожаления по поводу уничтожения природы и всеобщего запустения:

(из воспоминаний А.А. о поселке)

А.А. *Это уже было заүажено всё/ и все деревья/ и всё это// А скоко было в Реттихowке үрибow! Скоко было/ виноүрад по-за оүородами/ прямо/ не надо было в лес/ в лес идти рвать виноүрад// За оүородом на забор плёлся и всё//* ***И вот эти все предприятия/ заүубили/ всю красоту/ всю красоту Реттихowки// И сейчас всё это бросили/ бросили//***

Приведем еще один пример:

(М.Д., жительница с. Виноградовка, рассказывает собирателю о селе)

М.Д. Вот у нас сколько идут/ лесозаүотowки/ үде тот лес? Сейчас везут/ душа болит// Карандаши! *Знаете какая тут была тайүа красивая? За Ильмакowку зайдёшь// На Стрелку/ там поднимешься токо во так на/ на подъём/ на сопку/ а там! Пройдёшь немножко/ лес/ кедрач/ вот ничего ни кустика ниүде/ токо эта ёлка/ эта/ иула осыпается вот старая/ токо эта иула и шишки/ шишки как чурки!*

В приведенных выше фрагментах воспоминаний встречаются дальневосточные локализмы (лексические единицы, употребление которых наиболее характерно для определенного региона):

сопка – «холмистая возвышенность» в Забайкалье и на Дальнем Востоке [Мурзаев, 1984, с. 515];

увал – гряда с пологим склоном, широким, плохо выраженным гребнем [Там же, с. 571];

тайга – хвойный лес [Там же, с. 539];

кедрач – лес на юге Дальнего Востока, состоящий в основном из корейского кедра с примесью ясеня, березы, бархата и маньчжурского ореха [Там же, с. 268].

Данные локализмы следует считать относительными – они «известны специалистам, включены в специальные словари, но не являются актуальными для жителей других территорий и в силу этого малоупотребительны» [Резвухина, 2014, с. 10]. Отметим также, что выделенные слова (и им подобные) используются в текстах воспоминаний не только на тему дальневосточной природы, но и на другие темы. Объяснить это можно тем, что обозначаемые ими реалии являются частью повседневной жизни приморцев, особенно сельских жителей.

Обобщая всё вышесказанное, можем заключить, что для текстов жанра воспоминания как компонента гипержанра «разговор с собирателем» характерна сложная, иерархически организованная тематическая структура. В тематическом пространстве данного жанра выделяются пять основных гипертем, или тематических доминант («Рассказчик и его семья», «Предки и родословная», «История и быт села / города», «Масштабные исторические события», «Народные традиции»), при этом выбор определенной доминанты зависит от коммуникативной установки собирателя, выражаемой посредством его стимулирующих реплик. Каждая из гипертем включает ряд тем «второго уровня», находящихся с гипертемой в отношениях родо-видового подчинения. Важной особенностью жанра воспоминания является также наличие типичных тем, обладающих региональной, дальневосточной спецификой («Переезд на Дальний Восток», «Взаимоотношения с жителями Китая и Кореи», «Дальневосточная природа»); выделяются и темы, характерные лишь для определенных населенных пунктов («Взаимоотношения с пленными японцами», «Коренные народы Приморья»). В текстах воспоминаний подобной тематики обнаруживаются особые группы лексики: заимствования

из китайского языка, неофициальные топонимы, локализмы, в которых также проявляется региональная специфика исследуемого нами жанра.

2.4.2 Тематическая специфика воспоминания–монологического нарратива

Мы уже отмечали, что одним из дифференциальных признаков, отличающих воспоминание–диалогический нарратив от воспоминания–монологического нарратива, является моноэпизодичность последнего, то есть такая форма организации воспоминания, при которой оно строится на основе описания отдельного эпизода из прошлого; вследствие этого специфическим признаком тематической организации воспоминания–монологического нарратива можно считать и его монотематичность. Приведем пример:

(беседуют друзья Е. и О.; Е. говорит, что никогда не был в Москве)

О. *И правильно/ там нечего делать//*

Е. *Как нечего? На Кремлевской площади побывать// Сделать фотку такую…/*

О. *Я была//*

Е. *Сделала фотку?*

О. *Да у нас…/ <…> у нас есть фотка/ где мы не то что стоим на Красной площади/ мы сидим на Красной площади// Да/ так что…/* ***А мы же/ вообще/ мы экстремалы/ мы полетели на самолете до Москвы/ утром прилетели/ походили весь день по Москве/ а ночью поехали на поезде/ в Питер/ а потом обратно так же ехали// Вот/ и получается/ первый день/ когда мы летели туда/ мы были на Красной площади/ на Арбате/ ну знаешь такой/ туристический маршрут/ а обратно мы ходили на Останкинскую телебашню// И я чуть не умерла от страха//***

Выделенный фрагмент представляет собой воспоминание-рассказ, в котором дается описание одного жизненного эпизода, имевшего место в прошлом; тему данного воспоминания можно определить как «Посещение Москвы». При этом нельзя не отметить, что жанр воспоминания, находящий

воплощение в гипержанре «непринужденная беседа», также характеризуется сложным полипропозитивным диктумом, центральное место в котором занимают пропозиции действия, движения и состояния (исключение составляет компрессированное воспоминание, основой которого всегда является одна пропозиция). Подтверждение сказанному можно найти и в приведенном выше примере воспоминания-рассказа, строящегося из целого ряда пропозиций: *Мы полетели на самолете до Москвы; Походили весь день по Москве; Ночью поехали на поезде/ в Питер; Мы ходили на Останкинскую телебашню// И я чуть не умерла от страха* и др.

Если процесс общения собирателя с информантом обычно строится на основе ряда традиционных вопросов интервьюера – о жизни рассказчика и его семье, о его родословной, о месте, где он живет, об исторических событиях, которым он был свидетелем, или об известных ему народных традициях – то тематический диапазон непринужденной беседы оказывается ситуативно гораздо менее зависимым, вследствие чего представляется невозможным выделить определенные гипертемы и в содержании воспоминания–монологического нарратива. При этом «текстовая эгоцентричность», отмеченная нами в текстах воспоминания как элемента гипержанра «разговор с собирателем», проявляется и в воспоминаниях, составляющих гипержанр «непринужденная беседа», вследствие чего основным участником описываемых событий, как правило, оказывается сам говорящий: *Я помню/ выбирал когда другу (подарок)/ думал чё купить/ смотрю о/ фляжки; У меня со сливами/ тяжелая/ история// Я один раз/ наелась в детстве слив/ которые побрызгали/ какой-то отравой/ немытые; А познакомились (с мужем) вообще/ возле нашей общаги// Я шла/ с ларька/ через дорогу пошла в ларёк/ назад иду и он стоит с пацаном; (об ошибках студентов-иностранцев) А у меня свинец был «сын свиньи»// Мы проходили как раз/ ошибки/ да/ ну то есть я спрашивала/ на экзамене/ а вот это какая ошибка/ говорю/ «а что такое свинец?».*

Таким образом, дифференциальными признаками воспоминания–монологического нарратива, рассматриваемого в аспекте тематической

организации, оказываются его монотематичность, а также невозможность выделения определенных гипертем, характерных для данного варианта жанра. Кроме того, на специфику тематической организации жанра воспоминания, являющегося компонентом гипержанра «непринужденная беседа», оказывает влияние и тот факт, что участниками общения в соответствующем коммуникативном событии могут быть люди, принадлежащие к различным возрастным группам, тогда как в коммуникативном событии «разговор с собирателем» информантами обычно являются представители старшего поколения. Сказанное позволяет нам проанализировать тематическое содержание текстов воспоминаний с точки зрения возрастных различий говорящих. Для этого рассмотрим особую тематическую группу – «Воспоминания о детстве» – которая обнаруживается в текстах воспоминаний как представителей молодого (16-30 лет), так и старшего (55-85 лет) поколений. Отметим, что использованные для анализа тексты воспоминаний о детстве представителей старшего поколения были выделены нами не только в составе гипержанра «непринужденная беседа», но и в составе гипержанра «разговор с собирателем», так как, по нашим наблюдениям, ситуация общения в этом случае не оказывает влияния на содержательное наполнение воспоминаний данной тематической группы.

Проведенное исследование показало, что, в целом, тексты воспоминаний о детстве имеют сходное тематическое содержание, независимо от возраста рассказчика. Наиболее типичны такие темы, как «Игры в детстве», «Школа», «Взаимоотношения братьев и сестер», «Взаимоотношения с другими детьми», «Семейные события» и некоторые другие.

В качестве примера приведем фрагменты из воспоминаний двух рассказчиц – 16 и 76 лет – на тему «Взаимоотношения со старшей сестрой».

Рассказчица 1 (16 лет):

Она меня обижала…/ Если/ она говорила/ «Маша помой посуду»/ я говорю «не буду»/ она мне даст подзатыльник я пойду помою// Если я

начинала плакать и говорила «сейчас позвоню маме»/ она отключала телефон из розетки/ и я не могла его включить//

Рассказчица 2 (76 лет):

А я/ бегала/ за тебя дела делала// Всё меня покупала/ «сказку тебе расскажу»// Ляжем спать// «А ты Надя то́ сделай»// А сама майнёт/ уулять с кем-нибудь// «А ты Надя/ сделай/ а я тебе ска-а-азку!»

Как видно из данных фрагментов, рассказы на указанную тему не имеют существенных различий, зависящих от того, к какому поколению принадлежат информанты: и рассказчица 16-ти лет, и рассказчица 76-ти лет вспоминают о том, как старшие сестры тем или иным способом заставляли их выполнять какую-либо работу.

Однако есть и темы, выполняющие функцию своеобразного маркера возрастной группы, что объясняется социально-исторической спецификой того времени, к которому относится период детства рассказчиков. Так, в рассказах представителей старшего поколения почти не встречается тема «Детский сад», тогда как в воспоминаниях молодежи данная тема возникает регулярно. Например:

(А. (21 год) беседует с друзьями)

А. *Первое мое воспоминание это было уже дунайское/ и по-моему* ***оно было связано с какой-то ясельной группой/ в которую я жутко не хотел идти/ плакал и/ упирался/ потому что я не видел смысла находиться с этими детьми//***

Напротив, есть темы, типичные для воспоминаний именно старшего поколения; одной из них является тема «Еда». В частности, это воспоминания о любимой в детстве еде, например:

(П.К. (85 лет) в беседе с родными вспоминает о детстве)

П.К. Я больше/ любил камсу́// *Селёдки у нас мало настоящей// Рыбы этой/ мало/ камсы́ сколько хочешь//* ***Мы пацанами как было/ в один карман камсы́/ в другой карман пучок лука/ во/ ломо́ть хлеба…/***

Стоит отметить, что подобные рассказы нередко сопровождаются комментарием – объяснением незнакомого слушателям слова:

П.К. *Камса…/ Вот такая маленькая рыбка/ как селёдочка// Вкус/ точно как у селёдки// Почему/ и селёдку и по сей день люблю//*

Кроме того, к данной теме относятся и воспоминания о продуктах (чаще всего, сладостях), которые во времена детства рассказчиков были труднодоступными, например:

(Н.И. (76 лет) беседует с родными)

Н.И. *Сладость люблю из-за того/ что я его ни…/ не съела/ в детстве// А так хотелося/ ужас//* ***Помню/ дядя Костя когда приезжал в гости/ или баба Варя/ привозили вот эти/ орехо-соевые/ в полосочку// А тоже/ выдадут/ норму/ а то спрячут//***

Характерными для представителей старшего поколения оказываются также воспоминания о старинных традициях (*Помню были похороны// И помню что вот эти все…/ Ну раньше ж эти плакальщицы были/ шо там/ плакали/ и так страшно было!*) и о старинных предметах быта (например, об иконах в рушниках, о большой русской печи и домотканных простынях в бабушкином доме, о большом сундуке, на котором спали дети, и т.п.).

В воспоминаниях пожилых людей находят отражение и исторические события, на фоне которых проходило их детство: голод 30-х годов, Великая Отечественная война, тяжелое восстановление страны в послевоенные годы. Примечательно, что в этих воспоминаниях рассказчики уже не позиционируют себя как детей: они вспоминают, как работали наравне со взрослыми, заботились о младших братьях и сестрах. Например:

(А.А. (84 года) вспоминает о жизни в годы войны)

А.А. *Ну в основном уже одиннадцати-двенадцатилетних гоняли в колхоз// Уже я осталась считай старшая/ Валя новорожденная/ мама с темна до темна работала…//*

Такой «взрослый» уровень самосознания, по мнению Я. Л. Коломинского, объясняется тем, что «в детстве не было детства: дети

слишком рано вступали в период взрослости, где основная деятельность уже не игра, а труд» [Коломинский, 1976, с. 52]. По этой причине, на наш взгляд, в рассказах представителей старшего поколения значительно меньше (чем в рассказах молодежи) и воспоминаний о детских играх, тогда как большое место занимает тема «Работа». Приведем пример:

(Н.И. (77 лет) рассказывает о своей жизни)

Н.И. *Вот значить война когда уже была/ я лето была у тёток у в Китай-үороде/ а зиму здесь была ну и так вот/ а трудно ж было/ и хлеба не хватало и всего не хватало/ и нечего было есть нечего было/ вот/ так я значить/ один год работала/ было такой магазин который обслуживал милиционеров/ там и без карточек было и всё/ ну/ так вот я там помоүала//*

Возрастные различия авторов воспоминаний о детстве проявляются не только в наличии определенных тем, маркирующих возраст рассказчиков, но и в их отношении к содержанию своих воспоминаний. Наши наблюдения показали, что даже сходные по тематике воспоминания нередко приобретают различную эмоциональную окраску в речи рассказчиков разных поколений. Так, нами были отмечены случаи, когда, вспоминая о своих играх в детстве, молодежь дает им отрицательную оценку: *У нас в детстве была какая-то* ***дурацкая*** *игра/ называлась телепортом или что-то типа такого; А это ещё помнишь все вечно приставали/ «а ты купи слона»…/ Такая* ***тупость*** *вообще.*

Для воспоминаний о детских играх рассказчиков старшего возраста характерна только положительная оценка, основным средством выражения которой часто оказываются глаголы эмоционального отношения «любить» и «нравиться»:

(А.А. (84 года) беседует с родными)

А.А. *Тоүда ж детей мноүо было…/ Соберемся/ «будем иүрать в «А мы просо сеяли…»?»// Ох мы* ***любили*** *эту иүру!*

Причина подобных различий видится всё в том же разном уровне самосознания детей разных поколений (о чем уже говорилось выше). Помня о тяжелых временах, когда игры нередко заменяла работа, рассказчики старшего

возраста придают бóльшую ценность игре как возможности побыть ребенком, тогда как современная молодежь, детство которой проходило в гораздо более благоприятных условиях, нередко относится к своим детским играм с некоторой долей иронии.

Наблюдаются различия и в эмоционально-оценочном отношении к содержанию воспоминаний на тему «Школа». Для рассказов информантов старшего поколения (многие их них окончили всего несколько классов), характерно исключительно положительное отношение к школе и учителям: *Школа это шо-то было обязательное/* ***святое****/ и/* ***хорошее****/ мы жили дружно/ в школе не дрались; Первая учительница/ Ксения Петровна/ такая* ***добрая/ хорошая****…/ Ну я вот считала/ что* ***она как мама.***

Примеры негативного отношения к учителям в воспоминаниях информантов старшего возраста оказываются единичными. Обращают на это внимание и сами рассказчики:

(Н.Е. (60 лет) беседует с дочерью)

Н.Е. *Вот Иванову я не любила// Она была как та Баба Яга/* ***ну вот одна она такая//***

Напротив, для информантов молодого поколения характерной оказывается тенденция к преобладанию отрицательной оценки, что выражается в активном использовании молодежного жаргона, сниженной лексики, уничижительных прозвищ: *Ну она молодая была и вообще какая-то* ***заполошная****/ у нас на уроках вообще по-моему каждый занимался чем хочет; А до меня* ***Тамарка*** *всё время* ***докапывалась****// Ни одной ошибки а за сочинение четыре.*

Таким образом, проведенный анализ тематического содержания текстов воспоминаний о детстве в аспекте возрастных различий рассказчиков позволяет нам выделить следующие маркеры возраста:

1) наличие специфичных для каждого поколения тем, например, «Детский сад» – для воспоминаний молодежи, «Еда», «Традиции», «Работа» – для воспоминаний пожилых людей;

2) преобладание положительной оценки описываемых событий и фактов (в частности, в воспоминаниях о школе и детских играх) в воспоминаниях представителей старшего поколения, которому противопоставляется возможность иронического или критического отношения к содержанию воспоминаний о детстве представителей молодежи.

Подводя итог описанию речевого жанра воспоминания в тематическом аспекте, делаем следующие выводы:

1) тематическая специфика воспоминания, представляющего собой ключевой жанр в составе гипержанра «разговор с собирателем», определяется такими признаками, как:

а) политематичность текстов воспоминаний;

б) возможность выделения пяти тематических доминант, или гипертем («Рассказчик и его семья», «Предки и родословная», «История и быт села / города», «Масштабные исторические события», «Народные традиции»), возникающих под влиянием стимулирующего вопроса собирателя или по ассоциативной связи в сознании информанта и включающих в себя значительное количество частных тем;

в) наличие тем, обладающих региональной, дальневосточной спецификой, в текстах которых обнаруживаются особые группы лексики – заимствования из китайского языка, неофициальные топонимы и локализмы;

2) воспоминание, находящее воплощение в гипержанре «непринужденная беседа» в качестве жанра-спутника, имеет следующие тематические особенности:

а) монотематичность текстов воспоминаний;

б) отсутствие определенных тематических доминант;

в) возможность проявления возрастных различий в текстах воспоминаний представителей различных поколений.

2.5 Реализация модусных категорий в речевом жанре воспоминания

Как известно, любое высказывание соединяет информацию двух планов: объективной действительности и субъективного мира говорящего. Субъективная информация находит свое воплощение в модусе – «выражении коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [Балли, 1955, с. 44]. В связи с этим целесообразным считаем рассмотрение жанра воспоминания и в аспекте реализации в нем модусных категорий – таких, в частности, как авторизация, персуазивность и оценочность.

2.5.1 Категории авторизации и персуазивности: проблема автора и говорящего

Авторизация, по словам Т. В. Шмелевой, «предполагает квалификацию источника излагаемой информации» – иначе говоря, «автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую» [Шмелева, 1994, с. 32]. Вследствие этого категория авторизации оказывается тесно связанной с оппозицией «свое – чужое», о которой М. М. Бахтин писал: «Всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово» [Бахтин, 1979, с. 268]. Данная оппозиция, в свою очередь, «составляет семантическую основу явления чужой речи» [Максимова, 2005, с. 24], для которой исследователи предлагают различные определения. Так, по В. Н. Волошинову, чужая речь – это «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [Волошинов, 1993, с. 113]. Томский исследователь Л. Г. Гынгазова, опираясь на определение, представленное в «Русской грамматике-80», пишет, что под чужой речью понимается «речь, не принадлежащая говорящему, а лишь воспроизведенная (пересказанная) им, а также речь самого говорящего, если она сопровождается комментарием, характеризующим говорящего как участника диалога» [Гынгазова, 2000, с. 230]. В исследовании М. В. Китайгородской чужая речь определяется как

«текст в тексте», в котором по-разному соотносятся авторский план и план чужой речи [Китайгородская, 1993, с. 65].

В данном контексте обнаруживается проблема соотношения понятий «автор» и «говорящий». Материал, являющийся объектом нашего исследования, указывает на необходимость дифференциации этих понятий. Считаем возможным различать две нарративных линии: говорящего, являющегося рассказчиком, непосредственно участвующим в коммуникативном событии, и автора – того, чьи воспоминания являются диктумной основой повествования. Названные линии могут совпадать, если автором воспоминания является сам говорящий, но могут и находиться в более сложном соотношении, если говорящий не является автором воспоминания, а лишь пересказывает чье-то повествование.

Исследователями уже предпринималась попытка классификации нарративных речевых жанров (в первую очередь, жанра «рассказ») на основе таких параметров, как автор воспроизводимого текста и непосредственный рассказчик (то есть говорящий). Так, И. Н. Борисова различает «три ипостаси» рассказчика, в зависимости от его позиции по отношению к описываемым событиям: 1) как участник (коммуникативный модус «я делал»), 2) как свидетель («я видел»), 3) как реципиент («я слышал», «я читал»). Каждой из этих ролей говорящего соответствуют три вида нарративных речевых жанров: 1) нарратив-воспоминание, или рассказ «о своем», 2) мемуарный нарратив, или рассказ «о чужом», 3) нарратив-пересказ, или репродуктив [Борисова, 2002а, с. 246].

Взяв за основу тип проявления нарративных линий («Говорящий – автор воспоминания» или «Говорящий – не автор воспоминания»), в настоящем исследовании различаем два основных модусных варианта жанра воспоминания: 1) собственные воспоминания и 2) чужие воспоминания. Рассмотрим каждый из вариантов.

1. Собственные воспоминания.

Ситуации, когда автором воспоминаний является сам говорящий, имеют модусную рамку «я делал/ я говорил/ я видел». Апелляция к собственной памяти, являющаяся неотъемлемым показателем воспоминаний подобного типа, чаще всего выражается при помощи глагола *помнить* в форме первого лица единственного числа. Например:

(А.А., жительница п. Реттиховка, вспоминает о своем детстве в годы войны)

А.А. *А я/ голодная/ сижу/ нигде ничего нет/ нигде ничего/* ***я помню*** *весна/ де-то вот это время// Ага// Я пошла по кустам думаю может де-то крапивки/ уже де-то три или четыре дня не ела// И это/ и* ***я помню*** *пошла под речку/ мы жили там на той улице/ пошла под речку/ и смотрю шо-то зеленеет/ ну надо было взять лопатку и покопать/ шо вроде как крапива/ а я ногтями//* ***Помню*** *пришла (соседка)/ а я сижу и ем это/ шо-то такое//*

Как и в любом повествовательном жанре, важную роль в исследуемом нами жанре играет «объект», или «герой» воспоминания (в художественном тексте аналогом данного понятия является *персонаж*). В ситуации, когда автором воспоминания является рассказчик, в качестве героя могут выступать сам говорящий или третьи лица – люди, которых рассказчик хорошо знает и является свидетелем их жизни. Соответственно различаем две вариации собственных воспоминаний: 1) воспоминания о себе и 2) воспоминания о других.

Воспоминания о себе различаются в зависимости от типа коммуникативного события: в условиях разговора с собирателем данная вариация обычно представляет собой подробное и последовательное описание всей жизни рассказчика, в условиях же непринужденной беседы это, как правило, лишь воспоминания об отдельных жизненных эпизодах (события из детства, семейные истории, случаи на работе и т. п.).

Для жанра воспоминания – и воспоминаний о себе, в частности, – характерна передача говорящим чужой речи: своей собственной (как участника воспроизводимой ситуации) и речи других участников описываемых событий. Подобные рассказы, совмещающие в себе два плана

повествования – «сейчас» и «тогда» – О. А. Казакова сравнивает со сценарием спектакля, в котором говорящий «берет на себя роль сценариста, называет происходящие действия, а высказывания участников события становятся репликами спектакля» [Казакова, 2007, с. 127]. Например:

(М. рассказывает друзьям о своей поездке в Сочи)

М. *Вот/ потом мы ещё на Красную поляну там же ходили в поход/ помню/ там можно было поехать на машине/ но мама решила что мы пойдём пешком// Я/ ещё взяла рюкзак маленький на спину/ я помню что я шла мне было очень тяжело/ было очень жарко/ и я всё время говорила* ***«я такая глупая/ какая глупость»****// Папа спросил/* ***«Маша почему ты так говоришь/ ты ж так хотела»// «Вот я и говорю/ какая глупость»//***

По такому же принципу строится рассказ и в другой вариации собственных воспоминаний – <u>воспоминаниях о других</u>. Героями повествования здесь обычно выступают родственники говорящего, его друзья, коллеги, соседи или односельчане, то есть люди, о чьей жизни рассказчик осведомлен (отличие данной вариации жанра воспоминания от жанра «рассказ о человеке» (см. п. 2.2.1) заключается в их различной временно́й отнесенности: воспоминания о других относятся к прошлому, рассказ о человеке – к настоящему). Приведем пример:

(А.А., вспоминая о войне, говорит о жизни одной из своих сестер и ее мужа)

А.А. *Лизына/ конечно/ судьба её/ вот это счастье что* ***она уже была замужем****/ муж офицер/ а Миша/ муж её/* ***он не служил/ он всю войну учил молодых офицеров****/ во-от/ а-а/* ***с Японией он воевал****/ ауа/ када началась война с Японией/* ***Лизу он с этого/ с Лесозаводска привез в Валентином/ с ребёнком/ к нам/ а сам значить на фронт/ там воевал****// А потом/* ***Миша када отвоевал приехал/ его в Себучары****// Это тоже по улавной/ туда за Ружино/* ***в Себучары перевели****/ я у их была//*

При передаче чужой речи, то есть при «разыгрывании» определенного события из прошлого, в воспоминаниях о других на первое место, безусловно, выходит именно чужая речь – речь, не принадлежащая рассказчику. Однако

данная вариация не исключает возможности участия самого говорящего в качестве героя повествования и, как следствие, цитирования его собственной речи. Стоит отметить, что подобная цитация обычно выполняет вспомогательную функцию и служит более точному представлению основного участника описываемых событий. Приведем пример:

(А. рассказывает подруге о своей племяннице)

А. *У меня племянница это вообще просто/ огонь// Она во втором классе/ и у неё недавно/ у тети у другой/ у моей сестры двоюродной была свадьба// Ну как недавно/ год назад/ была свадьба// Вот/ ну и Катя вся такая там красивая/ в свадебном платье/ прическа/ приходит Юля/ все/* ***«Юля/ посмотри какая Катя красивая/ какая прям как принцесса»****// (подражая голосу племянницы)* ***«Катя/ модница-огородница»****// Я думаю/* ***«боже мой/ я представляю/ в свою/ свадьбу такое услышать/ неприятно»****//*

Главным героем в представленном воспоминании является племянница А.; цитирование именно ее речи (*Катя/ модница-огородница//*) оказывается ключевым, иллюстрирующим характеристику, данную ей рассказчицей (*У меня племянница это вообще просто/ огонь//*). Воспроизведение речи (в том числе и внутренней) других участников данного события – гостей на свадьбе и самой А. – служит лишь для более полного представления данной ситуации.

Как показывают наши наблюдения, категория авторизации в текстах жанра воспоминания оказывается тесно связанной с категорией персуазивности. На данный факт обращает внимание и Т. А Демешкина: по мнению исследователя, специфика проявления данной категории связана с участием или неучастием рассказчика в описываемых событиях (см.: [Демешкина, 2000]). Персуазивность понимается как категория, выражающая «уверенность или неуверенность автора в достоверности излагаемой им информации» (см., например, [Шмелева, 1994, с. 33]). С этой точки зрения собственные воспоминания неизменно характеризуются высокой степенью достоверности, так как говорящий, вспоминая события своей жизни, стремится подчеркнуть истинность сказанного. Например:

Вот/ пришли/ в часов десять вечера/ как/ ***я как вот сейчас вижу****/ два солдата/ с ружьями/ забрали этого Ивана Игнатенко/ и всё;*

Тут жила шаманка/ бабка Манхалиха// Помню внешность/ платочком завязанная вот так по самые брови/ сюда вот так/ назад платочком/ вообще лицо/ щёчки опущенные/ глазки маленькие/ ***помню хорошо****/ сгорбленная спинка и ноги абсолютным колесом//* ***Очень хорошо помню*** и т. п.

2. Чужие воспоминания.

Ситуации, когда сам говорящий не является «первоисточником» воспоминаний, имеют модусную рамку «мне говорили / рассказывали». Формальными показателями этого варианта жанра воспоминания служат такие выражения, как *«мама говорила», «это рассказывала бабушка», «дедушка рассказывал»* и т. п. В подобных случаях говорящий пытается несколько отстраниться от описываемых событий, подчеркивая тот факт, что не он является их свидетелем: *Как там они друγ друγа называли* ***я не знаю/ бабушка не γоворила****; Там жили нанайцы/ но* ***я не помню/ со слов бабушки знаю/*** *что там Хазарáжили; Он говорит мне ещё рукой помахал/* ***мне мама рассказывала/ а я ничё не помню/*** *чё там полтора года!;* ***Я ж сильно не знаю/ я всё токо помню по словам мамы/ бабушки/ там шо папа рассказывал****/ и я токо вот это; В каком-то γоду тоже/* ***я не помню/ мама γоворила****/ в каком γоду/ была холера* и т. п. Часто рассказчик акцентирует внимание на том, что он и не мог быть свидетелем того, о чем сейчас говорит, так как случилось это задолго до его рождения: *Дед Васылько жениwся// Во// Ну/ γоворила мама/* ***ещё до моего рождения****/ они сюда приезжали/ шо красивая баба/ у дида Васыльки*; *Он был коммунист/ он был такой/ мама γоворила/ я его не видела!* ***Он умер я ишо не роди́лась када*** и др.

Специфика чужих воспоминаний обнаруживается и в проявлении категории персуазивности. Нельзя не согласиться с Т. В. Шмелевой, отмечавшей, что «за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому «чужая» всегда под некоторым сомнением, отсюда естественность таких комплексных показателей, которые служат одновременно обеим

категориям» [Шмелева, 1994, с. 33]. Высказывания, в которых рассказчик подчеркивает, что не он является автором воспроизводимых воспоминаний, и, как следствие, не может гарантировать их абсолютную достоверность, обнаруживаются и в нашем материале: *Мне/ мой папа рассказывал/* ***но я не знаю насколько это правда//*** *Тетя Галя Уксуменко/ говорили что у неё где-то даже на плече клеймо/ что она девочкой была у кого-то рабыней/ у тех же китайцев; Начнем…/ де-то с конца девятнадцатого века/ ну это по рассказам конечно/ старых-престарых людей// Я через сорок лет/ почти/ токо роди́лась/ вот/* ***я моула забыть****/ потому что это очень давно/ я это слыхала/* ***я это рассказываю своими словами*** и т. п.

«Чужие воспоминания» как один из модусных вариантов исследуемого жанра соотносятся с выделяемым О. А. Казаковой жанром «пересказ» - разновидностью речевого жанра рассказа. Исследователь отмечает, что специфика коммуникативного и событийного времени пересказа заключается в наличии в нем не двух, а сразу трех временны́х планов: времени коммуникативной ситуации (я – здесь – сейчас), времени предыдущей коммуникативной ситуации (я – он – там – тогда) и времени описываемых событий (кто – где – когда) [Казакова, 2007, с. 136]. Данное утверждение оказывается верным и для чужих воспоминаний. В качестве примера проанализируем короткий фрагмент из воспоминаний одного из наших информантов.

(А.А. в разговоре с внучкой вспоминает о том, как ее бабушка участвовала в сватовстве, не зная, что невесте всего двенадцать лет)

А.А. *Ой/ ну бабушка тада уоворит/ «як бэ́ ты диточко знала/ як мэнэ́ было стыдно!» Ауа// «А цэ уоворит така ма́ленька диwчинка/ и мы уоворит приихалы сватать// Мы уоворит вышли/ уже я моwчки [молча]// Я уоворит не знаю як я не провалылась сквозь зэмлю! Ауа// Вышлы силы поихалы»//*

В приведенном примере обнаруживаются три временны́х плана: 1) реальная коммуникативная ситуация (общение рассказчицы с внучкой, в процессе которого она вспоминает о своей бабушке); 2) коммуникативная

ситуация, имевшая место в далеком прошлом (общение рассказчицы с собственной бабушкой, когда она выступала в роли слушателя: *Бабушка тада ɣоворит/ «як бэ́ ты диточко знала…»*), в данном случае проявляется своеобразное «воспоминание о воспоминании»; 3) ситуация описываемого события (эпизод из жизни бабушки рассказчицы), то есть собственно «чужие воспоминания» – воспоминания бабушки рассказчицы о том состоянии, которое она испытывала, оказавшись в неловкой ситуации: *Як мэнэ́ было стыдно! Я не знаю як я не провалылась сквозь зэмлю!*.

При описании коммуникативной ситуации, имевшей место в прошлом, когда рассказчик услышал воспроизводимые им теперь воспоминания, говорящий нередко использует различные приемы передачи чужой речи для придания своему рассказу большей достоверности. Так и в приведенном выше примере рассказчица «разыгрывает» ситуацию общения с бабушкой, для большей достоверности имитируя ее украинскую речь. Нередко к подобному «разыгрыванию» рассказчик добавляет и речь непосредственных участников воспроизводимых событий. Например:

(А.А. пересказывает бабушкины воспоминания о сватовстве сына)

А.А. *Ну зашли/ всё// Батько делае плыту/ хозяин/ аɣа// Ну/ значить/ а якась диwчинка забеɣае/ ну лет двенадцать/ и в подоле кирпичи/ значить/ ссыпала ба́тьку/ и снова побиула// Уɣу// А-а/ мы значить* ***«ну/ значить/ у вас товар/ у нас купэць/ аɣа/ сказалы шо у вас диwка е»****// Батько/ бабушка потом рассказывала/ смеялась/ ɣоворит/ батько кинуw [кинул] печку/ сиw [сел]/ ɣоворит/ руки вытэр/* ***«ɣапка! Иды на суды́»****// Аɣа// ɣапка та заходэ/ вот эта диwчинка/ аɣа//* ***«Ну/ от дывытыся/ люды добры/ ось она диwка// Да дайтэ ж вы ей хоть подрасты! Да куды ж…/ надоилы уже/ надоилы/ по пять телеɣ за дэнь! Ну! Ну дайтэ/ нэхай она хоть вырастэ/ она ж ма́ленька/ ей двенадцать/ куды я за вашеɣо буɣая её замуж отдам!»*** *Аɣа// Бабушка ɣоворит/ я сыжу ɣоворит/ мне сты-ыдно! Я ɣоворит ɣолову пови́сыла/* ***«ну звиня́йтэ/ ну звиня́йтэ як шо»****//*

Выделенные в данном отрывке фразы представляют собой речь непосредственных участников «пересказываемого» события, разыгранного рассказчицей «по ролям». Как отмечает М. В. Китайгородская, основной объем чужого текста в устной речи является не прямо отраженной репродуцированной речью, а лишь речью, определенным образом моделируемой говорящим, степень приближенности которой к первичной зависит от коммуникативных намерений и индивидуальных речевых способностей говорящего [Китайгородская, 1993, с. 68]. Это замечание касается как собственных, так и чужих воспоминаний; можем лишь предположить, что степень приближенности моделируемой речи к имевшей место в реальной ситуации должна быть значительно меньшей в чужих воспоминаниях по сравнению с собственными.

В чужих воспоминаниях важную роль играет также герой повествования. Выделяем два возможных варианта соотношения автора и героя в данном типе воспоминаний: 1) автор = герой и 2) автор ≠ герой. В свою очередь, в ситуациях, когда автор воспоминания не является его героем, он может выступать в двух других ролях: 1) как свидетель описываемых событий или их «второстепенный участник» и 2) как реципиент, то есть человек, слушающий рассказ другого и затем пересказывающий его. Таким образом, чужие воспоминания могут реализовываться в трех вариациях в зависимости от роли, которую в них играет их автор. Рассмотрим подробнее каждую из них.

1. Автор воспоминания одновременно является в нем и главным действующим лицом.

Такая вариация жанра наиболее характерна для рассказов о прошлом людей старшего поколения. Особенностью подобных воспоминаний является повествование от первого лица, то есть соединение говорящего в реальной коммуникации с говорящим в коммуникации удаленного прошлого.

(А.А. пересказывает внучке воспоминания своей матери о том, как та воспитывалась в богатой семье)

А.А. *Они ɣоворит* ***меня*** *взяли/ но не прислуɣой/ ɣоворит/ а как воспитанницей//* ***Я*** *ɣоворит воспитывалась/ очень строɣая мать была/ одинаково* ***нас****/ ɣоворит/ шо свою дочь/ ну сын меньший/ наверно того больше жалели/ а* ***нас*** *ɣоворит наказывала она/ но всё это было// Прислуɣи ɣоворит были/ одевали ту дочь/ одевают ɣоворит и* ***меня****/ всё это//*

Возможны и ситуации, когда реальный говорящий и говорящий из коммуникативной ситуации прошлого отделены друг от друга; в этом случае повествование ведется не от первого, а от третьего лица. Например:

(Б. в разговоре с собирателями вспоминает рассказы своей свекрови о ее переезде с Украины в Приморье)

Б. *Ну* ***она*** *грит/ чё поехала/ дети…/ Вот у* ***нее*** *сын старший в армии был/ а второй сын…/ Совхозы не отпускали/* ***она*** *грит/ куда-то учиться/ говорит не отпускали/ работать заставляли/ колхоз или что там у них на Украине/ Житомирская область// Ну* ***она*** *грит/ чтобы сын пошел учиться/ ну и видимо не знаю/ одна жила/ мож тяжело было/ тут обещали наверно горы// Ну и приехала с детьми//*

2. Автор воспоминания является свидетелем описываемых событий или их «второстепенным участником».

Эта вариация жанра подобна такой вариации собственных воспоминаний, как воспоминания о других. Автор либо вовсе не является героем повествования, выступая лишь в качестве стороннего наблюдателя, либо играет «второстепенную роль» в рассказе о другом человеке. Приведем пример:

(А.А. в беседе с внучкой вспоминает свою мать и ее истории о родственниках)

А.А. *Дед Высыль взял/ толстющую-претолстющую как от та печка/ лениву/ баба Марья// Ну/ тоже ж была диwка/ и её уже не бралы/ ну кому нужна такая// Ела/ ɣоворят/* ***мама рассказывала****/ ела/ ɣоворит/ дид мно-оɣо свинэй держал/ дид Васыль// Аɣа// И вот/ кончится мясо/ вин о-ой/ придэ/ до бабушки/ «ой Анна/ надо ризать свиню/ Марья худая/ Марья худая»//* ***Мама всеɣда хохотала****//*

Выделенные фразы демонстрируют момент передачи воспоминаний от автора к рассказчице – *мама всегда хохотала, когда рассказывала*.

3. Автор воспоминания является реципиентом, то есть пересказывает услышанный от кого-то рассказ.

Именно такое речевое явление имеет в виду О. А. Казакова, отмечая тот факт, что «текст пересказа нередко усложняется за счет того, что пересказываемая речь тоже является пересказом» [Казакова, 2007, с. 136]. Увеличивается в связи с этим и количество временны́х планов, их становится уже не три, а четыре: я – здесь – сейчас, я – он – там тогда, он – кто-то – там – тогда, кто – где – когда. Например: ***Мама ɣоворила/ шо ɣоворил отец*** *то/ череп/ ɣолова надвое раскололась/ прямо колесом*; ***Отец ей (маме) ɣоворил/*** *что…/ ну ей/* ***может она запомнила****/ маме было десять лет када отец умер/ что он/ убежал;* ***Это рассказывала бабушка// А ей/ рассказывала её мама/*** *она была крепостная; Значить/* ***мне рассказывал мой свёкор/ а ему рассказал этот случай машинист паровоза с которым он работал***. Количество подобных «передач» воспоминаний от одного человека к другому может увеличиваться и дальше, в этом случае вариация «чужие воспоминания с автором-реципиентом» превращается в жанр семейной легенды. По нашим наблюдениям, реализация этого жанра более характерна для коммуникативного события «разговор с собирателем».

Сделанные нами наблюдения позволили выделить еще одну, особую разновидность чужих воспоминаний, когда говорящий, не являясь их автором, оказывается при этом героем повествования. Чаще всего, автором воспоминаний в данном случае оказываются родители или другие близкие родственники говорящего, а героем – сам говорящий в раннем детстве. Как показывают наши наблюдения, такая вариация жанра наиболее характерна для воспоминаний молодых людей (обычно – подростков), например:

(М., 16 лет, отвечает на вопрос о том, когда она заинтересовалась музыкой)

М. Я не помню/ мама сказала *что у нас был синтезатор/ Оля/ когда-то начинала играть/ но потом она не стала/ а я тоже захотела/ и меня отвели в музыкальную школу//*

Автором данного воспоминания является мать рассказчицы, а героем – она сама в раннем детстве. Реже факты такого рода обнаруживаются в воспоминаниях информантов старшего поколения:

(А.А. (83 года) рассказывает внучке о жизни своей семьи в период раскулачивания)

А.А. *Мама пекла это (лепешки из молотых желудей)/* ***я не помню****/ кормили меня двухлетнюю/ ауа/* ***ну я не помню как я ела****/ во-о// «****До двух лет» мама говорит «я тебя кормила/ я ж голодная говорит// Пришлось говорит это…»****/ Вот меня кормили/ значить/ опилками/ двухлетнюю//*

Рассмотрев все возможные вариации жанра воспоминания в зависимости от проявления в нем категории авторизации, обуславливающей различное соотношение таких параметров, как говорящий, автор и герой воспоминания, мы обнаружили частое использование цитирования, то есть случаи передачи говорящим чужой речи. В связи с этим заслуживает внимания вопрос о способах введения чужой речи в текст рассказчика, который будет рассмотрен далее.

2.5.1.1 Способы передачи чужой речи в тексте воспоминаний

Традиционно выделяются три основных вида цитирования: 1) прямая речь, в которой авторский план существует отдельно от плана чужой речи и синтаксически с ним не связан; 2) косвенная речь, в которой при отдельности существования обоих планов авторский план синтаксически подчиняет план чужой речи; 3) несобственно-прямая речь, в которой авторский план слит с планом чужой речи [Китайгородская, 1993; Падучева, 1996; Гынгазова, 2000]. В ряде работ мы находим еще один тип – тематическую речь [Седов, 2004; Максимова, 2005]. Наши наблюдения показали, что основным способом введения чужой речи в текстах воспоминаний является прямая речь. Главным маркером ввода чужой речи служат глагольные формы «говорит / говорю»,

наиболее характерные для устной разговорной речи (см.: [Китайгородская, 1993; Максимова, 2005]). Например:

(К. в беседе с сестрой вспоминает, как несколько лет назад с мужем ездила автостопом на море)

К. *И он (машинист)* ***говорит*** *«ладно»/ машинист* ***грит****/ «ладно/ я вас довезу* ***грит****/ до Песчаного/ а там/ до «Бригантины» нужно будет чапать ещё короче там сколько-то километров»// И мы* ***грим****/ «ну хоть так»//*

Приведем еще один пример:

(А.А., рассказывая внучке о своей матери, вспоминает один случай из жизни)

А.А. *Как-то/ это…/ тёть Майя и тёть Валя/ они ж вот/ сёстры мои/ в поселке жили/ аγа/ и/ я чё-то до мамы шла на работу/ зашла// Мама* ***γоворит****/ вот/ «Майя и Валя вот уже неделю не показывают глаз/ неделю»// А как раз была осень/ или весна/ шо вот/ как вот щас/ шо работы особенной нет/ аγа/ и-и/ а я* ***γоворю****/ «мама/ ну они же работают/ они обои учителя/ там надо ж/ и каки-то тетради проверить/и всё/ и на работе полдня/ а потом* ***γоворю*** *а чё делать/ у вас? Чё сейчас делать? Оγородов нет/ ничего/ всё»//*

Н. В. Максимова различает два случая использования глагольной формы «говорит» при передаче чужой речи: «говорит»-вводящее и «говорит»-вводимое. В первом случае это «полнозначный глагол говорения со всеми лексико-грамматическими признаками», который подчеркивает «принадлежность речи не автору, а герою». Во втором же глагольная форма включается «непосредственно в прямую речь, перебивая таким образом чужую речь словами, принадлежащими рассказчику» [Максимова, 2005, с. 70-71]. В исследуемом нами материале регулярно встречаются оба данных типа; так, в двух приведенных выше примерах присутствуют и «говорит»-вводящее (*Машинист* ***грит****/ «ладно…»; И мы* ***грим****/ «ну хоть так»; Мама* ***γоворит****/ вот/ «Майя и Валя вот уже неделю не показывают глаз/ неделю»; А я* ***γоворю****/ «мама/ ну они же работают…»*), и «говорит»-вводимое (*«Ладно/ я вас довезу* ***грит****/ до Песчаного…»; «А потом* ***γоворю*** *а чё делать/ у вас?»*). Как отмечает Н. В. Максимова, независимо от формы вводящего глагола (прошедшее или

настоящее время) для «говорит»-вводимого всегда используется настоящее время. Использование вводимого глагола исследователь называет «одной из регулярных, специфических структур при передаче чужой речи» [Там же, с. 71]. Это же относится и к глаголу «говорю», «разрывающему» ткань повествования в процессе передачи своей собственной речи. называет Такой «говорю»-прием, по словам Н. В. Максимовой, является маркером самого «события рассказывания», «перпендикуляром нарративу», разрывающим ткань повествования постоянными напоминаниями: «это я», «я здесь». В итоге создается «феномен мерцания» – прошлого / настоящего, героя / рассказчика / автора [Там же, с. 73-74].

Аналогом «говорит»-вводящего в текстах жанра воспоминания являются и другие глаголы, такие как *спрашивать, отвечать, писать, думать, хвалить, кричать* и др. Приведем примеры:

«А потом говорю а чё делать/ у вас? Чё сейчас делать? Огородов нет/ ничего/ всё»// Мама ***ответила****/ «за мной ухаживать»*;

Меня моя племянница двоюродная на мой выпускной не могла найти/ я стояла/ ну среди других выпускниц/ а она ходила ей наверно годика четыре было/ и ***кричала*** *«Оля/ Оля/ Оля»*;

Я купила (компьютер)/ всё/ все прям ***хвалили****/ «такой у тебя красивый нетбук»*;

Когда/ в автобусе с острова Русского…/ ко мне подходит девушка и говорит «а я вас знаю»// Я такая ***думаю****/ «ну ладно/ куча мероприятий/ мало ли»*;

Где-то остается уже месяца три/ я такой Тёме ***пишу*** *«блин/ Тёма/ надо что-то делать/ иначе мы не сдадим ничего»//*

В качестве маркера ввода чужой речи также может выступать местоименный лексический актуализатор «такой» (см.: [Русская разговорная речь, 1973, с. 359]), сопровождающий интонационное членение высказывания; его употребление характерно для современной молодежи. Например:

(А. в беседе с подругой вспоминает о том, как она упала)

А. *Упала/ и так короче как-то страшно больно обидно/ я такая/ лежу/ и папа такой/ выбегает из машины/ и* ***такой****/ «Асенька/ Асенька»//*

Кроме того, используется представителями молодого поколения в качестве средства ввода в рассказ чужой речи и жаргонизм *типа*:

(Е. рассказывает о покупке куртки)

Е. *Ну я после этих слов такой сразу/* ***типа*** *«вообще ничё не охота щас мне брать» и всё/ и пошёл//*

В речи информантов старшего возраста такие элементы не встречаются.

Исследователи отмечают, что для передачи прямой речи характерно и полное отсутствие каких-либо специальных показателей, когда чужая речь вводится в повествование лишь посредством фонетических средств – в первую очередь, посредством изменения интонации. Такое средство введения чужой речи широко используется и в текстах воспоминаний. Например:

(Л. рассказывает друзьям о детстве)

Л. *Я помню шикарный случай когда у нас младший ребёнок разбил вазу// Мама стояла ругалась на меня/ меня отчитали/ меня наказали уже/ ребёнок подходит (говорит «детским» голосом)* ***«Мамочка/ ну это я»****/ (меняет интонацию, подражая голосу матери)* ***«ой/ моё солнышко/ иди»****//*

Еще один пример:

(А.А. вспоминает о выходе на пенсию)

А.А. *Пошла на пенсию/ написала заявление ушла на пенсию// На старшего/ нихто не стал// От она (начальница) всё ходила/ (подражает голосу начальницы)* ***«ну када ты уже»****/ (говорит своим обычным голосом)* ***«вот ещё то сделаю/ вот ещё картошку выкопаю/ тада уже пойду»****// Она идёт/ в очередной раз/ а у них же мать жила рядом/ я/ эту/ тыкву чищу/ (подражает голосу начальницы)* ***«ну ты уже всё поделала?»****/ (говорит своим обычным голосом)* ***«да вот тыкву ещё не почистила»****/ о// (говорит резким голосом, «изображая» начальницу)* ***«Да када уже ты почистишь/ бросай ты эту тыкву/ выходи на работу!»****//*

Реже в текстах воспоминаний используется еще один способ ввода чужой речи – косвенная речь. Например:

(М. отвечает на вопрос, когда она впервые поехала в лагерь)

М. *После четвертого класса// В Океан только/ вот в этом возрасте и берут/ а до этого* ***мама говорила что рано в лагеря/ маленькая ещё//***

(К. вспоминает об отдыхе на море)

К. *Там прям открытое море/ там даже яхта вдалеке была* ***все говорили что это этого яхта****/ владивостокский там главный короче//*

Как отмечают исследователи, в устной некодифицированной речи возможно оформление чужого высказывания средствами подчинительной связи – при помощи универсального союза *что*, но при этом формы лица глагола, местоимения, само высказывание строится по нормам прямой речи [Китайгородская, 1993, с. 70-71]. Л. Г. Гынгазова называет конструкции подобного типа «смешанной речью» [Гынгазова, 2000, с. 231]. Проанализировав тексты воспоминаний, мы пришли к заключению, что данная конструкция характерна, в основном, для носителей народно-просторечного типа речевой культуры.

Приведем примеры:

(Н.И. вспоминает историю китайского мальчика, после гибели отца оставшегося жить в одном из сел Приморья)

Н.И. *И вот так он/ это самое/ а потом он/ уже согласился/ ему* ***стали уговорить шо/ «сватать тебя будем/ в Шетуху»//***

(А.А. вспоминает о своей жизни в годы войны)

А.А. *Уже де-то три или четыре дня не ела/ мама уже всем соседям* ***уговорила шо/ «наверно/ вот эта у меня наверно/ помрет скоро»//***

Единичны в исследуемом нами материале случаи использования говорящим тематической речи, которая «передает исходное высказывание неизбежно переоформлено, свернуто»; важно, что при этом сворачивании «происходит взаимодействие, взаимопроникновение чужого и своего» [Максимова, 2005, с. 39]. Например: ***Она рассказывала/ как она/ жила***

значить// Как она это/ замуж она вышла в шестнадцать лет*/ тада рано выходили.*

Не было обнаружено в нашем материале случаев использования говорящими несобственно-прямой речи, при которой авторский план полностью сливается с планом чужой речи. Это можно объяснить стремлением говорящего всегда четко разграничивать «свое» и «чужое», и именно поэтому чужая речь в воспоминаниях информантов выделяется так же четко, как отделяются от собственных чужие воспоминания.

Таким образом, анализ категорий авторизации и персуазивности, реализующихся в текстах воспоминаний, позволяет выделить два модусных варианта исследуемого жанра: собственные и чужие воспоминания. Введение такого параметра, как «герой воспоминания», в свою очередь, дает возможность говорить о конкретных вариациях жанра: воспоминания о себе, воспоминания о других, чужие воспоминания с автором-героем, чужие воспоминания с автором-свидетелем, чужие воспоминания с автором-реципиентом, а также чужие воспоминания с героем-рассказчиком. В силу того, что центральное место в каждой из данных вариаций занимают цитирования, в качестве основных способов введения чужой речи в текст воспоминания выделяются прямая речь, косвенная речь и смешанная речь.

2.5.2 Категория оценочности в жанре воспоминания

Комплексная характеристика жанра воспоминания невозможна без анализа входящих в его состав оценочных высказываний, так как сама природа непринужденной разговорной речи обуславливает ее особую эмоциональность и экспрессивность. Оценочность традиционно рассматривается исследователями в качестве особой модусной категории. Так, по определению Е. М. Вольф, оценка представляет собой «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф, 2002, с. 11]. Особое место изучению природы оценки отводится в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1985, 1988, 1999];

исследователем выделяется эмотивный план модуса (модус эмоционального состояния и отношения), выражающий оценку содержания высказывания с позиции говорящего. Оценочность в качестве квалификативной модусной категории, семантика которой «сводится к выражению авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию в целом или к какому-то из его элементов», определяет и Т. В. Шмелева [Шмелева, 1994, с. 34].

Как отмечает Е. М. Вольф, «в основе оценочной модальности лежит формула *ArB*, где *A* представляет собой субъект оценки, *B* ее объект, а *r* оценочное отношение, которое имеет значение «хорошо / плохо» [Вольф, 2002, с. 12]. Такое же понимание оценочной модальности обнаруживается и в работах М. В. Ляпон, выделявшей в модели оценочной ситуации три компонента: объект оценки, оценочное средство и оценивающий субъект [Ляпон, 1989, с. 31]. Все три названных компонента представляются нам значимыми для характеристики категории оценочности в жанре воспоминания.

Важнейшей особенностью оценки, по мнению Е. М. Вольф, является постоянное присутствие субъективного фактора, взаимодействующего с объективным: причем подчеркивается, что «всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть предмет или явление, к которому оценка относится» [Вольф, 2002, с. 22]. Поскольку воспоминание, как и любой жанр разговорной речи, является продуктом индивидуальной речевой деятельности, субъектом оценки в нем всегда выступает отдельная личность. По этой причине даже в высказываниях с одинаковым диктумным содержанием нередко обнаруживается различное эмоционально-оценочное отношение каждого из говорящих к одному и тому же объекту оценки. Например:

(друзья О. и Е. обсуждают станции метро в Москве и Санкт-Петербурге)

Е. *Ну/ мне* ***мама говорила/ что в Москве станции самые красивые//***

О. *Ну знаешь/ я бы не сказала/ мне вот/ по крайней мере где я была/* ***мне вообще кажется/ такой колхоз****// В Питере есть…/ Маяковская/ например//*

«Индивидуальность» оценочных суждений в воспоминаниях обуславливает такой их специфический признак, как возможность совмещения отрицательной оценки содержания высказывания и общего положительного вывода. В этом случае для автора воспоминания, объективно оценивающего определенный факт из прошлого как отрицательный, гораздо важнее оказывается его личное положительное восприятие: *Помню одевались/ пацаны все в ба́тьковых* ***старых*** *телоүрейках/* ***драных****/ но всё равно мы были* ***счастливые*** *советские дети; Вот такое было наше детство/* ***ободранное****/ но мы действительно были* ***счастли́вы****/ были* ***счастливые.*** Отрицательная оценка, которая в данных примерах дается определенным фактам из прошлого, сохранившимся в памяти (*в старых телоүрейках/ драных; ободранное детство*), оказывается гораздо менее значимой, чем личное восприятие собственного детства как счастливого (*но всё равно мы были счастливые советские дети; но мы действительно были счастли́вы*). Подобное совмещение отрицательной и положительной оценки, по нашим наблюдениям, наиболее характерно для воспоминаний пожилых людей:

(М.Д. (76 лет) в разговоре с собирателем вспоминает свою молодость)

М.Д. Очень тяжелое время было/ очень*/ щас вот подумаешь/* ***как тяжко жили****/ боже мой/ но не считали что это тяжко// Никто не обижался/ никто не жаловался/ считали что это в порядке вещей/ то война/ то после войны не лучше было/ чем в войну// <…>* ***Самые лучшие времена были****/ была юность/ была молодость//*

Отметим, что категория оценочности в жанре воспоминания неразрывно связана с категорией авторизации. По этой причине в роли субъекта оценки в собственных воспоминаниях обычно выступает сам говорящий (***Я помню*** *она приезжала/ маленькая была// Такая была шумная девочка;* ***У нас*** *преподаватель была исключительная* и т.п.), тогда как в чужих воспоминаниях эта роль отводится их непосредственному автору: ***Мама***

уоворила *шо он был очень красивый мужчина;* ***По словам отца Иннокентия/*** *уоворит была очень красивая/ красавица была* и т.п.

Если в качестве субъекта оценки в исследуемом жанре обычно выступает автор воспоминания, то объект оценки оказывается представлен гораздо бóльшим количеством разновидностей. Особое место среди них занимает оценка воспоминания в целом, например: ***Это самое светлое воспоминание****/ Малыш; Вообще на самом деле со временем все плохое обычно забывается/ почему* ***в данной истории все плохое запомнилось****/ это интересно* и др. Кроме того, объектом оценки в жанре воспоминания может являться определенное событие из прошлого (*На «Сильных людях»/ у нас/ мы ходили в поход на Пидан//* ***Это было ужасно//***), ситуация, возникшая в процессе данного события (*У меня в отряде в основном шли девочки/* ***было смешно*** *когда мы открыли сумки а у нас только косметички а никакого снаряжения*), а также какой-либо предмет или место (*Все прям хвалили/ «такой у тебя* ***красивый нетбук****»; Он наверно тут обследовал все эти/ местности/ и облюбовал Реттихоwку// Нашу* ***красавицу Реттихоwку****// Реттихоwка она стоит/ как в сопках…/* ***Красивы сопки***). Однако главным объектом оценки в воспоминаниях являются люди (*Ну вот эти* ***Ли-Су-Лины*** *были с нами/* ***очень хорошие;*** *Такие* ***люди были дружные/ хорошие были люди;*** *Мужчины/ это Боря и Петя/* ***все прекрасны мужья были***), причем чаще всего – отдельная личность, вызывающая у рассказчика симпатию или антипатию: *Но* ***командир*** *оказался/ настолько* ***умница*** *там; Саша/* ***хороший мужик;*** ***Он*** *такой же был* ***доставучий*** и т. п.

Характерной чертой оценочных высказываний в жанре воспоминания является совмещение субъекта и объекта оценки, то есть проявление самооценки. Как отмечает Л. Г. Гынгазова, характер высказываний эксплицитной самооценки определяется внутренними установками автора: не быть нескромным, не хвастаться, не выставлять себя в слишком выгодном свете, не преувеличивать, стремиться к объективности, не нарушать принятых норм поведения [Гынгазова, 1998, с. 44]. По этой причине для исследуемого

нами жанра в большей степени характерна негативная самооценка с оттенком самоиронии: *В каждую дырку я была затычка// Очень любопытная была; Я хулиганкой была в детстве/ я пацанкой была// Была оторва еще та* и т. п.

Наконец, весьма широким оказывается и комплекс оценочных средств, формирующих оценочную модальность высказываний в текстах воспоминаний. Основным средством выражения оценки является лексика, характеризующаяся различной частеречной принадлежностью; в первую очередь, это прилагательные и слова категории состояния. Важно отметить, что в исследуемом жанре обнаруживаются как общеоценочные, так и частнооценочные высказывания. Первые реализуются посредством прилагательных и предикативов *хороший / плохой, хорошо / плохо*, а также их синонимами различных стилистических и экспрессивных оттенков, например: *Хозяйство наше развивалось/ было очень* ***хорошим; Хороший*** *папа был; Было конечно* ***хорошо****; Я когда уехала/ ой/ мне так было* ***плохо*** и т.п. В свою очередь, частнооценочные высказывания содержат единицы, имеющие в своем значении коннотативные оценочные семы, например: *Ой я помню как мы ездили на Штыковские пруды и ваш папа рассказывал в машине* ***интересные*** *истории тоже;* ***Некрасивая*** *тёть Катя была/ ой* ***некрасивая;*** *Мама была* ***очень чистоплотная****; Я* ***любопытна*** *была вообще; Она сильно была* ***трусливая*** и т.п.

Кроме прилагательных и слов категории состояния функцию средств выражения оценки в жанре воспоминания выполняют глаголы оценочного отношения *любить, нравиться, ненавидеть* и т.п. (*Он мне сразу* ***не понравился****; И вот мы ходили с ней в Русский музей/ ну* ***очень понравилось;*** *Ох мы* ***любили*** *эту игру; Папа* ***ненавидел*** *это*), а также существительные, обозначающие сам объект оценки (*Все говорили шо Демьян/ Золотько фамилия/* ***пройдоха****; Я была* ***оторва*** *ещё та; Бабушка* ***красавица*** *была*). Как отмечает Л. А. Капанадзе, субъективность говорящего по отношению к выражаемому в разговорной речи часто передается посредством метафор-оценок, гипербол и литот [Капанадзе, 1988, с. 152]. Реализация оценочных

высказываний, содержащих различные образные средства, характерна и для жанра воспоминания; основными образными средствами, выделенными нами в текстах воспоминаний, являются: метафоры (*И нас послали к такой* ***курице;*** *По крайней мере где я была/ мне вообще кажется/ такой* ***колхоз***); сравнения (*Я была* ***здоровая****/ извините/* ***как бык****; Дед Васыль взял/* ***толстющую-претолстющую как от та печка****/ лениву/ баба Марья; Она была* ***как та Баба Яга****; Ну я вот считала/ что* ***она как мама***); устойчивые выражения (*Он был* ***в каждую дырку затычка****; Подполковник сибиряк/* ***дай бог ему здоровья***).

Из сказанного следует, что лексика является основным средством выражения оценки в текстах воспоминаний; нередко его дополняют фонетические средства, в частности, особая интонационная оформленность высказывания. Например:

(А.А. вспоминает о своем односельчанине, которого подозревали в службе у немцев в годы войны)

А.А. *А потом приехал Фёдор Тимофеич/ тоже с плена/ м-м/ (говорит медленно, делая акцент на каждом слове)* ***белый/ раскормленный/ раска́ханный/*** *ауа/* ***красивый****/ прическа…/ Это/ это вообще//* *(делает паузу)* ***Расхо-оленный/ таки́й//***

Описывая «благополучный» внешний вид героя своего воспоминания, рассказчица выражает свое негативное отношение к нему именно посредством особой интонации, растягивая и выделяя голосом каждое из данных ею определений.

Как уже было отмечено в п. 2.2.1, одним из жанрообразующих признаков, характерных для воспоминания как компонента гипержанра «разговор с собирателем», является противопоставление двух временны́х планов – прошлого и настоящего, «раньше» и «теперь». Как правило, в вышеназванном противопоставлении «раньше» имеет положительную оценку, «теперь» – отрицательную. При этом в качестве объекта оценки выступают различные бытовые предметы, явления окружающей природы, уклад жизни и т. п., например:

(П.К. беседует с племянницей)

П.К. *А чай/ такой ароматный был/ ёлки зелёные/ вот то как чай заварят/ ёлки зелёные/ заходи/ в любую хату/ как будто хороших духов или оди…/ одеколона какого/ запах/ а щас это чё/ вот/ заварка/ а никакого запаха// Абсолютно//*

(А.А. рассказывает внучке об истории села)

А.А. *Выкошено было всё/ вот как ты сейчас идёшь/ кругом трава кругом заросли/ а тада всё было кругом чистота/ порядок/ красиво/ вот/ не было вот этих разных/ вот/ му́соров/ разных пластмассовых бутылок мы их в глаза не видели/ не было вот этих/ эти вот мешочки целофановы/ ничё/ кругом была чистота//*

Таким образом, категорию оценочности следует признать в качестве одной из ключевых модальных категорий, реализующихся в текстах жанра воспоминания. Выражая отношение автора воспоминаний к определенному объекту, личности или самому себе посредством различных оценочных средств, данная категория демонстрирует важнейшую особенность исследуемого жанра – вовлеченность в сферу личных эмоциональных переживаний, без которой его реализация была бы практически невозможна.

Подводя итог описанию модальных категорий жанра воспоминания, можем сделать следующие выводы:

1. Категория авторизации, смысловой основой которой является оппозиция «свое – чужое», обуславливает возможность выделения двух основных модусных вариантов жанра воспоминания: собственных воспоминаний (нарративные линии автора и непосредственного рассказчика совпадают) и чужих воспоминаний (нарративные линии автора и непосредственного рассказчика не совпадают). Дальнейшая типология жанра строится в зависимости от такого параметра, как герой воспоминания, позволяющей выделить следующие вариации: 1) воспоминания о себе, 2) воспоминания о других, 3) чужие воспоминания с автором-героем, 4) чужие

воспоминания с автором-свидетелем, 5) чужие воспоминания с автором-реципиентом, 6) чужие воспоминания с героем-рассказчиком.

2. Категория персуазивности, дополняющая категорию авторизации, проявляется в характеристике вариантов жанра с точки зрения их достоверности; соответственно, собственным воспоминаниям свойственна высокая степень достоверности, чужим – более низкая.

3. Тексты жанра воспоминания неизменно включают в себя элементы цитирования говорящим «чужой речи»: своей собственной (как участника воспроизводимой ситуации) и речи других участников описываемых событий. Основным способом введения чужой речи в текст воспоминания является прямая речь, кроме того, используются приемы косвенной, смешанной и тематической речи.

4. Характерной особенностью текстов воспоминаний является значительное количество оценочных высказываний. Как особая модальная категория, оценочность содержит три взаимосвязанных компонента: субъект и объект оценки, а также оценочное средство. В качестве оценивающего субъекта в исследуемом жанре выступает автор воспоминаний, объектом может быть как само воспоминание в целом, так и отдельные события, ситуации, предметы, места и люди, а также сам говорящий. Основным оценочным средством в текстах жанра воспоминания является лексика, характеризующаяся различной частеречной принадлежностью, образные средства, а также особая интонационная оформленность.

Выводы по Главе 2

1. Специфика функционирования жанра воспоминания в разговорной речи определяется его принадлежностью к одному из двух гипержанров – «разговор с собирателем» и «непринужденная беседа», являющихся формой текстовой реализации соответствующих коммуникативных событий, – и проявляется в трех аспектах: функциональном, иллокутивно-структурном и тематическом.

2. Анализ жанра воспоминания в функциональном аспекте позволяет выделить два его варианта в зависимости от ведущего типа коммуникативной мотивации участников общения. Потребность собирателя в получении определенной информации предопределяет ключевую функцию жанра воспоминания, дополняемого в составе соответствующего гипержанра рядом жанров-спутников – таких, как: рассказ о себе, рассказ о человеке, рассказ о месте, объяснение, беседа на общие темы, рассуждение. Доминирующая интенция участников непринужденной беседы – удовлетворение потребности в общении – обуславливает тот факт, что в данном гипержанре воспоминание выполняет функцию жанра-спутника, сопровождающего ключевой жанр «беседа на общие темы».

3. Иллокутивно-структурный аспект анализа жанра воспоминания тесно связан с аспектом функциональным, вследствие чего воспоминание как ключевой жанр в составе гипержанра «разговор с собирателем» и воспоминание как жанр-спутник, находящий воплощение в гипержанре «непринужденная беседа», характеризуются различной формой текстовой организации.

Воспоминание как компонент разговора с собирателем по своей формальной организации представляет собой диалогический нарратив трехчастной структуры, основными признаками которого являются:

1) полиэпизодичность, то есть включение в целостный текст воспоминания ряда логически связанных воспоминаний-эпизодов;

2) обязательное наличие трех структурных элементов:

а) первичного и вторичного метатекстового ввода (функцию первичного метатекстового ввода неизменно выполняет инициирующий вопрос собирателя, функцию вторичного могут выполнять как новые стимулирующие вопросы собирателя, так и реплики информанта, указывающие на смену темы);

б) корпуса нарратива, строящегося из развернутых речевых партий информанта и кратких реактивно-стимулирующих реплик собирателя, связанных как на смысловом, так и на формально-грамматическом уровнях;

в) метатекстовой концовки, подводящей итог воспоминанию рассказчика и способной находить воплощение в репликах каждого из коммуникантов.

В составе гипержанра «непринужденная беседа» воспоминание находит воплощение в форме отдельного элемента целостной структуры диалога (монологического нарратива), характеризующегося такими признаками, как:

1) моноэпизодичность – описание одного определенного эпизода из прошлого;

2) ограниченность речевой партии непосредственного рассказчика репликами партнеров по коммуникации;

3) факультативность метатекстового ввода и метатекстовой концовки в монологическом нарративе (при их наличии – неизменная реализация в составе реплики одного коммуниканта).

4. Варианты жанра воспоминания – диалогический нарратив трехчастной структуры (в функции ключевого жанра) и монологический нарратив как элемент целостной структуры диалога (в функции жанра-спутника) – реализуются в конкретных вариациях. Вариациями воспоминания–диалогического нарратива являются: 1) воспоминание-повествование, реализующееся в форме диалогического взаимодействия собирателя и одного информанта; 2) коллективное воспоминание, корпус нарратива к котором усложняется за счет появления второго плана диалогических отношений (информант – информант). К вариациям воспоминания–монологического нарратива относим: 1) воспоминание-рассказ как фрагментарное описание одной динамически развивающейся ситуации, имевшей место в прошлом; 2) компрессированное воспоминание как свернутая форма нарратива, основу которой составляет лишь одна пропозиция – констатация определенного факта, сохранившегося в памяти.

5. Тексты воспоминаний, находящих воплощение в составе гипержанра «разговор с собирателем» и гипержанра «непринужденная беседа», различаются по своей тематической организации. Первый вариант исследуемого жанра характеризуется политематичностью, в нем можно выделить пять основных тематических доминант («Рассказчик и его семья», «Предки и родословная», «История и быт села / города», «Масштабные исторические события», «Народные традиции»), каждая из которых включает в свой состав большое количество частных тем «второго уровня»; особое место среди них занимают темы, обладающие региональной, дальневосточной спецификой – «Переезд на Дальний Восток», «Взаимоотношения с жителями Китая и Кореи», «Дальневосточная природа». Характерными признаками второго варианта – воспоминания как жанра-спутника в составе непринужденной беседы – являются монотематичность, а также невозможность выделения определенных тематических доминант.

5. Речевой жанр воспоминания характеризуется особым проявлением трех модусных категорий: авторизации, персуазивности и оценочности.

Категория авторизации, основывающаяся на оппозиции «свое – чужое», обуславливает возможность выделения двух модусных вариантов жанра: 1) собственных воспоминаний, характеризующихся совпадением нарративных линий автора и непосредственного рассказчика, и 2) чужих воспоминаний, в которых автор и говорящий оказываются разными субъектами. В зависимости от параметра «герой воспоминания» данные варианты оказываются представленными различными вариациями (воспоминания о себе, воспоминания о других, чужие воспоминания с автором-героем, чужие воспоминания с автором-свидетелем, чужие воспоминания с автором-реципиентом, чужие воспоминания с героем-рассказчиком). Тесно связанной с категорией авторизации оказывается категория персуазивности, позволяющая оценивать вышеназванные варианты с точки зрения степени достоверности излагаемой в них информации.

6. Особой модальной категорией, посредством которой выражается эмоциональное отношение рассказчика к содержанию воспоминаний, является категория оценочности. Она содержит три взаимосвязанных компонента: 1) субъект оценки (автор воспоминаний), 2) объект оценки (воспоминание в целом, отдельные события в рамках одного воспоминания, ситуации, предметы, места и люди, а также сам говорящий), 3) оценочное средство (лексика различной частеречной принадлежности, образные средства, особая интонационная оформленность).

Заключение

Теория речевых жанров как одно из актуальных направлений современной антрополингвистики ставит перед исследователями множество задач, к числу которых относится и монографическое описание отдельных жанровых форм национального русского языка. Неотъемлемой частью языкового существования каждого человека является репрезентация прошлого опыта – как собственного, так и чужого, вследствие чего значимое место среди всего жанрового многообразия речи отводится объекту настоящего исследования – речевому жанру воспоминания. Понимание жанра речи как вербально-знакового оформления типических ситуаций социального взаимодействия людей позволило нам исследовать особенности функционирования жанра воспоминания в условиях реализации конкретных коммуникативных событий, представляющих собой ограниченный в пространстве и времени, мотивированный и целостный процесс речевого общения. В контексте нашего исследования актуальность приобретают два принципиально различных коммуникативных события – «разговор с собирателем» и «непринужденная беседа», текстовой реализацией которых являются одноименные гипержанры. Находя воплощение в составе каждого из них, жанр воспоминания оказывается представленным двумя вариантами, специфику которых определяют как экстралингвистические, так и собственно языковые признаки.

Экстралингвистическими признаками воспоминания как компонента гипержанра «разговор с собирателем» являются следующие:

1) цель коммуникации – получение собирателем определенной информации (представительного языкового материала); данной целью обусловлена ключевая роль воспоминания в составе гипержанра: являясь центральным жанром, воспоминание дополняется такими жанрами-спутниками, как рассказ о себе, рассказ о человеке, рассказ о месте, объяснение, беседа на общие темы, рассуждение;

2) временна́я характеристика коммуникации – отсутствие дефицита времени, большая временна́я протяженность, невысокая частотность;

3) пространство коммуникации ограничивается, как правило, домом информанта и территорией, прилегающей к нему;

4) партнеры коммуникации – собиратель (чаще всего исследователь-лингвист) и информант (представитель старшего поколения, чаще – сельский житель);

5) тематическая специфика заключается, во-первых, в политематичности текстов воспоминаний; во-вторых, в иерархической организации темы (в тематическом пространстве жанра выделяются пять основных гипертем – «Рассказчик и его семья», «Предки и родословная», «История и быт села / города», «Масштабные исторические события», «Народные традиции», которые включают частные темы «второго уровня»); в-третьих, в проявлении региональной окрашенности (типичными для воспоминаний дальневосточников оказываются темы «Переезд на Дальний Восток», «Взаимоотношения с жителями Китая и Кореи», «Дальневосточная природа» и нек. др.).

Данный вариант жанра воспоминания обладает и рядом собственно лингвистических характеристик:

1) форма его текстовой организации – диалогический нарратив, представляющий собой смысловое и формально-грамматическое единство развернутых речевых партий информанта и кратких реактивно-стимулирующих реплик собирателя;

2) структура нарратива включает три обязательных элемента: а) метатекстовый ввод, инициирующий воспоминание или его новый тематический фрагмент; б) корпус нарратива, несущий в себе основное диктумное наполнение жанра; в) метатекстовую концовку, подводящую итог воспоминанию информанта;

3) текст обладает полиэпизодичностью, то есть целостное повествование построено из ряда логически связанных воспоминаний-эпизодов;

4) в тексте воспоминания противопоставлены два временны́х плана: прошлое и настоящее, выражающиеся лексически и грамматически;

5) рассказчик позиционирует себя как принадлежащего определенному коллективу, что выражается в использовании форм множественного числа глаголов, а также личного местоимения «мы».

Таким образом, в составе гипержанра «разговор с собирателем» реализуется вариант жанра воспоминания, который может быть определен как диалогический нарратив трехчастной структуры в функции ключевого жанра. Названный вариант представлен двумя конкретными вариациями: 1) воспоминание-повествование и 2) коллективное воспоминание. Основным параметром их дифференциации служит количество информантов, принимающих участие в разговоре с собирателем (один / два или более). Наличие нескольких рассказчиков приводит к усложнению корпуса нарратива, в котором к диалогическим отношениям «собиратель – информант» прибавляется второй план отношений (информант – информант).

Второй вариант жанра – воспоминание как компонент гипержанра «непринужденная беседа» – обладает следующими экстралингвистическими признаками:

1) цель коммуникации – удовлетворение потребности в общении – определяет функционирование воспоминания в качестве жанра-спутника, дополняющего ключевой жанр «беседа на общие темы»;

2) основно́й временно́й характеристикой коммуникации является высокая частотность;

3) пространство коммуникации не является ограниченным;

4) партнеры коммуникации – близко знакомые друг с другом люди (члены семьи, друзья, соседи, коллеги и т.п.); при этом не исключены и ситуации непринужденного фатического общения незнакомых людей;

5) тематическая специфика заключается в монотематичности текстов воспоминаний и невозможности выделения в них конкретных гипертем.

Собственно лингвистическими характеристиками данного варианта жанра воспоминания являются следующие:

1) форма текстовой организации – монологический нарратив, представляющий собой отдельную реплику в структуре диалога, ограниченную репликами партнеров коммуникации;

2) факультативны в монологическом нарративе такие элементы, как метатекстовый ввод и метатекстовая концовка (при их наличии реализуются только в реплике рассказчика);

3) текст моноэпизодичен, то есть содержит описание отдельного эпизода из прошлого.

Следовательно, вариант жанра воспоминания, получающий реализацию в составе гипержанра «непринужденная беседа», может быть определен как монологический нарратив – элемент целостной структуры диалога в функции жанра-спутника. Он также представлен двумя конкретными вариациями: 1) воспоминание-рассказ и 2) компрессированное воспоминание. Их главным дифференциальным признаком является степень развернутости нарратива (последовательность нескольких пропозиций / одна пропозиция).

Выделение названных вариантов (и их вариаций) позволяет решить проблему определения исследуемого жанра как монологического или диалогического. Проведенный в настоящем исследовании комплексный анализ текстов воспоминаний показал, что данный речевой феномен имеет двойственную природу, то есть воспоминание может находить воплощение как в монологической, так и диалогической форме в зависимости от условий реализации.

Специфика реализации в жанре воспоминания категории авторизации позволяет выделить еще два варианта данного жанра – модусных. В зависимости от типа соотношения двух нарративных линий – автора воспоминания и непосредственного рассказчика – различаются собственные воспоминания и чужие воспоминания. Собственные воспоминания, автор которых одновременно является и рассказчиком, характеризуются высоким

уровнем достоверности; в чужих же воспоминаниях, когда непосредственный говорящий оказывается лишь реципиентом, пересказывающим чей-то рассказ, уровень достоверности снижается – это свидетельствует о специфическом проявлении в названных вариантах жанра воспоминания категории персуазивности. Собственные и чужие воспоминания также реализуются в конкретных вариациях, различающихся в зависимости от особенностей представления героя воспоминания.

Все возможные варианты жанра воспоминания с их конкретными вариациями представлены с помощью схемы в Приложении 4.

На основании признаков, регулярно проявляющихся в конкретных вариациях исследуемого жанра, можно говорить об инварианте жанра воспоминания. К таким инвариантным признакам относятся:

1) психологическая обусловленность жанра (воспоминание как особое состояние сознания – «мнемическое переживание» прошлого опыта, происходящее в процессе произвольного извлечения информации из памяти);

2) «текстовая эгоцентричность» воспоминаний, заключающаяся в выдвижении на первый план самого рассказчика;

3) нарратив как форма текстовой организации жанра;

4) полипропозитивность текстов воспоминаний (исключением является лишь компрессированное воспоминание, строящееся на основе одной пропозиции);

5) определенный набор собственно языковых жанрообразующих признаков:

а) наличие особого метакомпонента, или «имени жанра» – глаголов *помнить*, *вспоминать*, *запомниться*;

б) наличие разнообразных средств репрезентации прошлого (временны́е формы глаголов; специальные дейктические средства – наречия *раньше, тогда, когда-то, как-то, еще*; сложноподчиненные предложения с временны́ми отношениями; конструкции со значением возраста; приблизительные или точные даты);

в) использование средств пространственной локализации воспроизводимых событий (топонимы, а также сложные предложения с пространственными отношениями, содержащие отсылку к определенному месту);

6) значимость категорий авторизации и персуазивности, предопределяющих реализацию особых модусных вариантов жанра;

7) постоянное использование в авторском нарративе чужой речи, способами ввода которой в текст воспоминания являются прямая, косвенная, смешанная и тематическая речь;

8) эмоциональная окрашенность, выражающаяся посредством различных оценочных средств (оценочная лексика, образные средства, особая интонационная оформленность).

Таким образом, выделенные признаки позволяют определить жанр воспоминания как вербальный процесс мнемических переживаний прошлого опыта, организованный в нарративной форме, содержащий эмоциональную окраску и репрезентирующий воспроизводимые события как происходящие в определенное время и в определенном месте. Сложная природа жанра обусловлена, во-первых, его включенностью в контекст двух различных коммуникативных событий, обуславливающих функциональную, иллокутивно-структурную и тематическую специфику вариантов жанра; во-вторых, особым проявлением в текстах воспоминаний модусных категорий – в частности, авторизации и персуазивности.

Перспективными представляются следующие возможные направления исследования данной темы: исследование текстов воспоминаний как жанра живой речи в сопоставлении с художественными текстами (мемуарной литературой); коммуникативно-прагматический анализ жанра в контексте функциональной лингвистики текста; изучение жанра воспоминания в контексте онтолингвистики (проблема формирования речежанровой компетенции применительно к отдельному жанру); исследование взаимодействия жанров-спутников в структуре нарратива.

Названные возможности дальнейшего изучения жанра воспоминания подчеркивают научную ценность данного объекта.

Список литературы

1. Аванесов, Р. И. Очерки по русской диалектологии. Часть 1. / Р. И. Аванесов. – М. : Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. – 340 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции / Н. Ф. Алефиренко // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 50-63.
3. Алефиренко, Н. Ф. Речевой жанр, дискурс и культура / Н. Ф. Алефиренко // Жанры речи. – Саратов : Изд-во «Наука», 2007. – Вып. 5. – С. 44-55.
4. Алпатов, В. М. Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 5. – С. 108-126.
5. Алпатов, В. М. Вопросы лингвистики в работах М.М. Бахтина 40-60-х годов / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 2001. – № 6. – С. 123-136.
6. Алпатов, В. М. Проблема речевых жанров в работах М.М. Бахтина / В. М. Алпатов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 92-104.
7. Алпатов, В. М. Стратификация языка в работах М.М. Бахтина / В. М. Алпатов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 145-156.
8. Анисимова, Т. В. К вопросу о типологии жанров речи / Т. В. Анисимова // Языковая личность: жанровая и речевая деятельность. – Волгоград : Перемена, 1998. – С. 4-6.
9. Арутюнова, Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке / Н. Д. Арутюнова // Филологические науки. – 1970. – № 3. – С. 44-55

10. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.
11. Арутюнова, Н. Д. Об объекте общей оценки / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1985. – № 3. – С. 13-24.
12. Арутюнова, Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50-64.
13. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
14. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 52-56.
15. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 136-137.
16. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Слово о диалоге / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М. : Изд-во «Индрик», 2010. – С. 5-9.
18. Архипова, Н. Г. Современные амурские говоры и фольклор: из опыта полевых наблюдений / Н. Г. Архипова, Е. А. Оглезнева, Г. М. Старыгина // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – С. 8-19.
19. Байкулова, А. Н. Семейная беседа / А. Н. Байкулова // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 151-163.
20. Бакланова, И. И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей (на материале русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа) / И. И. Бакланова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 3 (23). – С. 35-39.

21. Балашова, Л. В. Жанры «внелитературной речевой культуры в зеркале метафоры» / Л. В. Балашова // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – Вып. 5. – С. 21-44.
22. Балашова, Л. В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке / Л. В. Балашова // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2009. – Вып. 6. – С. 59-79.
23. Балаян, А. Р. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога / А. Р. Балаян // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971. – Т. 30. – № 4. – С. 325-331.
24. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
25. Баранникова, Л. И. Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке / Л. И. Баранникова // Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М. : КомКнига, 2005а. – С. 68-78.
26. Баранникова, Л. И. О месте разговорной речи в функциональной парадигме русского языка / Л. И. Баранникова // Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М. : КомКнига, 2005б. – С. 79-91.
27. Баранникова, Л. И. Просторечие как особый социальный компонент языка / Л. И. Баранникова // Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М. : КомКнига, 2005в. – С. 92-105.
28. Баранов, А. Г. Когниотипичность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А. Г. Баранов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 4-12.
29. Баранов, А. Г. Двукомпонентность когниотипа в жанровой специфичности / А. Г. Баранов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 49-55.
30. Баранов, А. Г. Концепт в дискурсивной деятельности (уровни реализации) / А. Г. Баранов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 77-84.

31. Баранов, А. Г. «Значимость» и «личностный смысл» в когнитивно-культурологической модели жанра / А. Г. Баранов, Л. Н. Мирошниченко // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – Вып. 5. – С. 123-131.
32. Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84-99.
33. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979а. – С. 237-280.
34. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979б. – с. 281-307.
35. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : NEXT, 1994. – 509 с.
36. Бацевич, Ф. С. Речевой жанр и коммуникативный смысл / Ф. С. Бацевич // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 113-123.
37. Беликов, В. И. Полевые методы в лексикографии [Электронный ресурс] // II международный симпозиум по полевой лингвистике. Институт языкознания РАН, 23—26 октября 2006 года. Тезисы докладов. – М. : 2006. – Режим доступа: http://www.argotism.ru/works/belikov-06.htm
38. Беликов, В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
39. Богданов, В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленин. гос. унта, 1990. – 88 с.
40. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации / Г. И. Богин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 12-23.

41. Бонецкая, Н. К. М. М. Бахтин и традиции русской философии / Н. К. Бонецкая // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 83-93.

42. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 81–96.

43. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Ирина Николаевна Борисова. – Екатеринбург, 2001. – 17 с.

44. Борисова, И. Н. Нарратив как диалогический жанр / И. Н. Борисова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002а. – Вып. 3. – С. 245–262.

45. Борисова, И. Н. Режимы диалоговедения и динамические типы разговорного диалога / И. Н. Борисова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2002б. – № 24. – С. 245-261.

46. Борисова, И. Н. Непринужденная коммуникация в пространстве диалогического общения / И. Н. Борисова // Вопросы культуры речи / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2007. – С. 170-185.

47. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

48. Борисова, И. Н. Речевая практика в аспекте прагматической системности / И. Н. Борисова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014а. – № 2. – С. 214–229.

49. Борисова, И. Н. Речевой поступок как единица коммуникативной практики / И. Н. Борисова // Вестник Гуманитарного университета. – 2014б. – № 4 (7). – С. 88-97.

50. Бородина, И. В. Реализация речевого жанра воспоминания во время юбилеев работников образования / И. В. Бородина // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 1. – С. 155-158.
51. Брызгунова, Е. А. Диалог / Е. А. Брызгунова // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. Энциклопедия, 1979. – С. 74-75.
52. Бубнова, И. А. Жанры речи как аспект психолингвистических исследований человека / И. А. Бубнова, В. В. Красных // Жанры речи. – Саратов ; Москва : Изд-во «Лабиринт», 2012. – Вып. 8. – С. 52-60.
53. Букринская, И. А. Опыт анализа нарративных диалектных текстов / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения : сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Флинта : Наука, 2012. – С. 42-51.
54. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
55. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка : учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко. – СПб : ИЦ «Гуманитарная академия» ; Изд-во Евр. ун-та, 2004. – 336 с.
56. Вежбицкая, А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 99-112.
57. Вежбицкая, А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 116 -138.
58. Вежбицкая, А. Дискурс и культура / А. Вежбицкая, К. Годдарт // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 118-156.
59. Векшин, Г. В. Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) / Г. В.

Векшин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во «Наука», 2009. – Вып. 6. – С. 21-40.

60. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
61. Винокур, Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи / Г. О. Винокур // Ученые записки МГУ: Труды кафедры русского языка. – М. : 1948. – С. 257-300.
62. Винокур, Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи / Т. Г. Винокур // Исследования по грамматике русского литературного языка : сб. статей. – М. : 1955. – С. 342-355.
63. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993а. – 172 с.
64. Винокур, Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993б. – С. 5-29.
65. Винокур, Т. Г. Диалогическая речь / Т. Г. Винокур // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998а. – С. 135.
66. Винокур, Т. Г. Монологическая речь / Т. Г. Винокур // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998б. – С. 310.
67. Волошина, С. В. Информативные речевые жанры в диалектной коммуникации / С. В. Волошина // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека : матлы междунар. науч. конф., посв. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во ТГУ, 2006. – С. 351-358.

68. Волошина, С. В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования / С. В. Волошина // Вестник Томского государственного университета. – 2008а. – № 308. – С. 11-14.

69. Волошина, С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Светлана Владимировна Волошина. – Томск, 2008б. – 26 с.

70. Волошина, С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) / С. В. Волошина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 2 (10). – С. 5-10

71. Волошина, С. В. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) / С. В. Волошина, Т. А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2012. – № 3(19). – С. 14-20.

72. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – М. : Лабиринт, 1993. – 201 с.

73. Волошинов, В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии / В. Н. Волошинов // Риторика. – 1995. – № 2. – С. 9-30.

74. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

75. Гайда, С. Жанры разговорных высказываний / С. Гайда // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 103-112.

76. Гловинская, М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи / М. Я. Гловинская // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. – М. : Наследие, 1998. – С. 14-29.

77. Голованов, И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст / И. А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. – С. 89-92.

78. Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997а. –Вып. 1. – С. 23-34.

79. Гольдин, В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде научного доклада, представленного на соискание уч. ст. д-ра филол. наук: 10.02.01 / Валентин Евсеевич Гольдин. – Саратов, 1997б. – 52 с.

80. Гольдин, В. Е. Проблемы жанроведения / В. Е. Гольдин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С.4-6.

81. Гольдин, В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения / В. Е. Гольдин // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 2002. – С. 58-64.

82. Гольдин, В. Е. Повествование в диалектном дискурсе / В. Е. Гольдин // Известия Сарат. ун-та. Нов. сер. – 2009. – № 9. – С. 3-7.

83. Гольдин, В. Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 5–17.

84. Гольдин, В. Е. Текст и знание в диалектной коммуникации / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Материалы и исследования по русской диалектологии. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 2008. – Кн. 3 (9). – С. 398-413.

85. Городские социолекты: Пермская городская речь: звучащая хрестоматия / Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Е. И. Грачёва. – Пермь-Бохум, 2000. – 172 с.

86. Городское просторечие: Проблемы изучения / под. ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. – М. : Наука, 1984. – 189 с.

87. Граудина, Л. К. Варианты языковые / Л. К. Граудина // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – С. 61-63.

88. Григорьян, Е. Л. Скрытая диалогичность нарратива и синтаксические структуры/ Е. Л. Григорьян // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М. : Изд-во «Индрик», 2010. – С. 74-81.

89. Гынгазова, Л. Г. Жанр оценки в языке личности / Л. Г. Гынгазова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 40-48.

90. Гынгазова, Л. Г. Чужая речь в языке диалектной личности / Л. Г. Гынгазова // Актуальные проблемы русистики. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 230 – 238.

91. Гынгазова, Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) / Л. Г. Гынгазова // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1-3 декабря 1997 года). – Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 167-174.

92. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997а. – № 1. – С. 109-121.

93. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997б. – Вып. 1. – С. 34-44.

94. Дементьев, В. В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 31-46.

95. Дементьев, В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 18-39.

96. Дементьев, В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – Вып. 5. – С. 5-21.

97. Дементьев, В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык: жанры речи и… язык речи? / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2009. – Вып. 6. – С. 59-79.

98. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

99. Дементьев, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров : учебное пособие / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. – 107 с.

100. Дементьев, В. В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности / В. В. Дементьев, В. В. Фенина // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 5-34.

101. Демешкина, Т. А. Бытийная модель в говоре. Потенциал и реализация / Т. А. Демешкина // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 49-53.

102. Демешкина, Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Т. А. Демешкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.

103. Дённигхаус, С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики / С. Дённингхаус // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 104-117.

104. Дмитриева, Е. Ф. Повседневность и воспоминания как речевой жанр / Е. Ф. Дмитриева // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8. – С. 53-58.

105. Долинин, К. А. О функциях речевых жанров / К. А. Долинин // Материалы 27-ой межвуз. научно-метод. конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 13. Секция общего языкознания. 16-22 марта 1998 г. : тезисы докладов. – СПб., 1998а. – С. 24-27.

106. Долинин, К. А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина / К. А. Долинин // Русистика: лингвистическая парадигма конца 20 века : сб. статей в честь проф. С. Г. Ильенко / РГПУ им. А. И. Герцена – Филологический факультет СПбГУ. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998б. – С. 35-45.

107. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.

108. Доценко, Т. И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания / Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева // Вестник пермского университета. – 2010. – Вып. 2 (8). – С. 144-155.

109. Дубровская, О. Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О. Н. Дубровская // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 97-102.

110. Дубровская, О. Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках : дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Николаевна Дубровская. – Саратов, 2001. — 240 с.

111. Дубровская, О. Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике / О. Н. Дубровская // Вестник АГТУ. – 2005. – № 5. – С. 129-136.

112. Дубровская, О. Н. Сложные речевые события как средство формирования социокультурной идентичности / О. Н. Дубровская // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 3. – С. 45-52.

113. Елизаветина, Г. Г. Жанровые особенности автобиографического повествования (Герцен, Руссо, Гёте) / Г. Г. Елизаветина // Герцен – художник и публицист. – М. : Художественная литература, 1977. – С.4-20.

114. Еременко, В. И. Воспоминание и знание как формы переживания прошлого : автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Виктория Игоревна Еременко. – М., 2007. – 26 с.

115. Ерофеева, Т. И. Социолект в стратификационном исполнении / Т. И. Ерофеева // Русский язык сегодня : сб. статей. Вып. 1. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : «Азбуковник», 2000. – С. 85-91.

116. Ерофеева, Т. И. Об определении статуса разговорной речи / Т. И. Ерофеева, Л. К. Королева // Живое слово в русской речи Прикамья : межвузовский сборник научных трудов. – Пермь : Пермский ун-т, 1978. – С. 12-17.

117. Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – 212 с.

118. Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – 300 с.

119. Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – 318 с.

120. Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – 440 с.

121. Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – 440 с.

122. Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – 440 с.

123. Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – Вып. 7. Жанр и языковая личность. – 351 с.

124. Жанры речи. – Саратов ; Москва : Изд-во «Лабиринт», 2012. – Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. – 390 с.

125. Живая речь дальневосточников : тексты : хрестоматия / сост. Ю. А. Гунько, О. В. Лыс, Т. И. Петрова, А. Е. Цесарская. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2013. – 142 с.

126. Живая речь уральского города. Тексты. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1995. – 206 с.

127. Журавлев, А. Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи / А. Ф. Журавлев // Разновидности городской устной речи. –М. : Наука, 1988. – С. 84-150.

128. Захарова, Е. П. Коммуникативная норма и речевые жанры / Е. П. Захарова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 80-85.

129. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988а. – С. 5-44.

130. Земская, Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи. –М. : Наука, 1988б. – С. 234-240.

131. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

132. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312с.

133. Иванцова, Е. В. Изучение диалектной языковой личности в Томской лингвистической школе / Е. В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2006. – № 291. – С. 5-11.

134. Иванчикова, Е. А. Монолог / Е. А. Иванчикова // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. энциклопедия, 1979. – С. 146.

135. Изотова, Н. В. Диалог и монолог как формы речи: сравнительная характеристика / Н. В. Изотова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 1. – С. 60-67.

136. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

137. Казакова, О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Анатольевна Казакова. – Томск, 2005. – 23 с.

138. Казакова, О. А. Стратегии речевого поведения диалектной языковой личности в монологе / О. А. Казакова // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека : мат-лы междунар. науч. конф., посв. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во ТГУ, 2006. – С. 398-404.

139. Казакова, О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте / О. А. Казакова. – Томск : Изд-во ТПУ, 2007. – 200 с.

140. Казаковская, В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый – ребенок» / В. В. Казаковская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 448 с.

141. Капанадзе, Л. А. О жанрах неофициальной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988а. – С. 230-234.

142. Капанадзе, Л. А. Способы выражения оценки в устной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988б. – С. 151-156.

143. Капанадзе, Л. А. Развитие речевых жанров в русском языке / Л. А. Капанадзе // Л. А. Капанадзе. Голоса и смыслы: Избр. работы по русскому языку / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : РАН. Ин-т русск. яз. им. В. В. Виноградова, 2005. – С. 290-304.

144. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.

145. Карасик, В. И. Коммуникативная тональность / В. И. Карасик // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – Вып. 5. – С. 81-94.

146. Касаева, З. Е. Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) / З. Е. Касаева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2014. – № 2. – С. 60-68.

147. Касаткин, Л. Л. Фрагмент языкового портрета донской казачки / Л. Л. Касаткин // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. – М. : Язык славянской культуры, 2007. – С. 231-240.

148. Кибрик, А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы) / А. Е. Кибрик. – М. : Издательство Московского университета, 1972. – 183 с.

149. Китайгородская, М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста / М. В. Китайгородская // Разновидности городской устной речи. – М. : Наука, 1988. – С. 156-182.

150. Китайгородская, М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) / М. В. Китайгородская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 65-89.

151. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : 1995. – 129 с.

152. Китайгородская, М. В. К вопросу о жанровой стратификации разговорной речи / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании : тезисы докладов междунар. конф. – М., 1998. – С. 50-52.

153. Китайгородская, М. В. «Вещный мир» человека: коммуникативно-жанровый аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык сегодня. Вып. 1 : сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: «Азбуковник», 2000. – С. 170 – 181.

154. Китайгородская, М. В. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М. : Наука, 2003. – С. 103-126.

155. Китайгородская, М. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Научный мир, 2005. – 493 с.

156. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 496 с.

157. Кожина, М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) / М. Н. Кожина // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 52-61.

158. Коломинский, Я. Л. Беседы о тайнах психики / Я. Л. Коломинский. – М. : Молодая гвардия, 1976. – 208 с.

159. Колядич, Т. М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) : дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / Татьяна Михайловна Колядич. – М., 1999. – 441 с.

160. Косиков, Г. К. Нарратив / Г. К. Косиков // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. – М. : Культурная революция, 2009. – С. 159-160.

161. Кощеева, О. В. Становление структуры речевого жанра «разговор» в детском дискурсе / О. В. Кощеева // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 4 (36). – С. 85-90.

162. Кощеева, О. В. Речежанровая компетенция: возрастной аспект (на материале гипержанра «разговор») / О. В. Кощеева // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011а. – Вып. 7. – С. 279-287.

163. Кощеева, О. В. Становление речежанровой компетенции в онтогенезе (на материале речевых жанров «рассказ», «бытовой разговор», «ссора») / О. В. Кощеева // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. – Вып.14. – Ч. III. – Саратов, 2011б. – С. 102-110.

164. Кощеева, О. В. Речежанровый аспект становления коммуникативной компетенции в онтогенезе : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Валерьевна Кощеева. – Саратов, 2012. – 19 с.

165. Краузе, М. Опыт перцептивной оценки жанровых различий в устных текстах: сказка и свободный монолог / М. Краузе, К. Саппок, Т. Шерстинова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 194-213.

166. Краузе, М. Уж это я помню! Диалогичность и верификационные стратегии в нарративах диалектоносителей русского языка / М. Краузе // Актуальные проблемы русской диалектологии : м-лы междунар. конф. (Звенигород, 23–25 октября 2006 г.) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. – М., 2006. – С. 106–107.

167. Краузе, М. Позиционирование говорящих в автобиографических нарративных интервью (на материале диалектных записей) / М. Краузе // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения : сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Флинта: Наука, 2012. – С. 230- 242.

168. Культура русской речи : учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1999. – 560 с.

169. Лагута, Н. В. Бытийные предложения в русских говорах Приамурья: структура, семантика, функционирование : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Нина Владимировна Лагута. – Томск, 2004. – 9 с.

170. Лагута, Н. В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) / Н. В. Лагута // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – С. 86-101.

171. Лагута, Н. В. Жанровое наполнение диалектной речи Приамурья / Н. В. Лагута // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. – Благовещенск : АмГУ, 2007. – С. 138-144.

172. Лагута, Н. В. Информативные и оценочные речевые жанры в речи современной носительницы амурских говоров / Н. В. Лагута, М. А.

Панасенко // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 11. – Благовещенск : АмГУ, 2014. – С. 169-175.

173. Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М., 1976. – 397 с.

174. Левонтина, И. Б. Время для частных бесед / И. Б. Левонтина // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 71-75.

175. Левонтина, И. Б. Особые события в современном русском языке (о названиях жанров времяпровождения вечеринка и событие) / И. Б. Левонтина // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2009. – Вып. 6. – С. 231-239.

176. Лукиных, Т. И. Особенности монолога в диалоге / Т. И. Лукиных // Структурно-функциональный анализ языковых единиц : сб. науч. трудов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – С. 71-84.

177. Ляпон, М. В. Оценочная ситуация и словесное самомоделирование / М. В. Ляпон // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 24-33.

178. Макаров, М. Л. Языковой дискурс и психология / М. Л. Макаров // Язык и дискурс: когнитивные и коммуникативные аспекты. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1997. – С. 34-45.

179. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

180. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / М. В. Максимова. – М. : Издательство РГГУ, 2005. – 317 с.

181. Максимова, Н. В. «Чужая речь как коммуникативная стратегия» : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Наталия Викторовна Максимова. – СПб, 2006. – 41 с.

182. Мамонова, М. А. Живая история в речевом жанре мемората / М. А. Мамонова, М. В. Векессер // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. научн. статей. – 2015. – Т. 6. – № 6. – С. 58-67.

183. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

184. Матвеева, Т. В. К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи / Т. В. Матвеева // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 44–51.

185. Мережинская, А. Ю. Мемуарно-автобиографическая проза 70-х годов (Проблематика и поэтика) : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Анна Юрьевна Мережинская. – Киев, 1981. – 21 с.

186. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.

187. Милехина, Т. А. Светская беседа / Т. А. Милехина // Хорошая речь. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 131-151.

188. Москвин, В. П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» / В. П. Москвин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 63-77.

189. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М. : «Мысль», 1984. – 653 с.

190. Мызникова, Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» / Я. В. Мызникова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. - № 4 (28). – С. 66-72.

191. Николина, Н. А. Поэтика автобиографической прозы / Н. А. Николина. – М. : Флинта, 2002. – 424 с.

192. Нуркова, В. В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования / В. В. Нуркова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. - № 1. – С. 79-90.

193. Оглезнева, Е. А. Тематическое своеобразие жанра «воспоминание» в русских говорах Приамурья / Е. А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-

диалектологический альманах. Вып. 2. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – С. 62-68.

194. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный регионолект русского языка: особенности формирования / Е. А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – Вып.16. – С.119-136.

195. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный регионолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 10. – Благовещенск : АмГУ, 2013. – С. 27-37.

196. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

197. Орлова, Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Александровна Орлова. – Омск, 2004. – 24 с.

198. Орлова, Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра / Н. В. Орлова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 51-56.

199. Орлова, Н. В. Жанр и тема: об одном основании типологии / Н. В. Орлова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 83-92.

200. Падучева, Е. В. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы / Е. В. Падучева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1995. – Т. 54. – № 3. – С. 39-48.

201. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

202. Петрова, Т. И. Структурные особенности инсценированного квазидиалога в сравнении с собственно диалогом / Т. И. Петрова // Ребенок как партнер в диалоге : труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. второй. – СПб., 2001. – С. 95-120.

203. Петрова, Т. И. Жанровая специфика инсценированного квазидиалога в детской речи / Т. И. Петрова // Жанры речи. – Саратов ; Москва : Изд-во «Лабиринт», 2012. – Вып. 8. – С. 245-250.

204. Попова, Е. А. О лингвистике нарратива / Е. А. Попова // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 87-90

205. Попова, Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Елена Александровна Попова. – Елец, 2002. – 41 с.

206. Привалова, И. В. Речевые жанры сквозь призму культурных изменений / И. В. Привалова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во «Наука», 2007. – Вып. 5. – С. 55-63.

207. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Щубик. – СПб. : Наука, 2000. – 346 с.

208. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб. : Наука, 2003. – 398 с.

209. Прокуровская, Н. А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска / Н. А. Прокуровская. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1996. – 228 с.

210. Разновидности городской устной речи : сб. науч. трудов / АН СССР. Ин-т рус. яз. / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М. : Наука, 1988. – 262 с.

211. Резвухина, Ю. А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Юлия Александровна Резвухина. – М., 2014. – 21 с.

212. Резвухина, Ю. А. Колымские регионализмы переходной эпохи (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века): словарь / Ю. А. Резвухина. – Магадан : СВГУ, 2014. – 39 с.

213. Рогачева, Н. Б. О «вторичности» речежанровой компетенции / Н. Б. Рогачева // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – Вып. 7. – С. 59-87.

214. Романенко, А. П. Общефилологические основания советской жанровой системы / А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 62-75.

215. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 709 с.

216. Русская деревня в рассказах ее жителей / под. ред. Л. Л. Касаткина. – М. : АСТ-Пресс, 2009. – 512 с.

217. Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 484 с.

218. Русская разговорная речь. Тексты / АН СССР. Ин-т рус. яз. / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. – М. : Наука, 1978. – 306 с.

219. Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1983. – 237 с.

220. Русская речь спонтанная коми-пермяков: звучащая хрестоматия / Н. В. Боронникова, Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Е. В. Овчинникова, И. А. Угланова ; науч. ред. Т. И. Ерофеева. – Пермь, 2007. – 72 с.

221. Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район : звучащая хрестоматия / Н. В. Боронникова, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, К. В. Пунько, Д. Ш. Тимганова ; науч. ред. Т. И. Ерофеева. – Пермь, 2010. – 100 с.

222. Русская устная речь. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – 284 с.

223. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. – М. : Наука, 1999. – 207 с.

224. Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995) / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.

225. Рытникова, Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Яна Таральфовна Рытникова. – Екатеринбург, 1996. – 11 с.

226. Рытникова, Я. Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения / Я. Т. Рытникова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 177–188.

227. Салимовский, В. А. Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи / В. А. Салимовский // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 65-80.

228. Салимовский, В. А. Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики? / В. А. Салимовский // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 52-62.

229. Самойленко, Т. В. Жанр «Воспоминание» в речи диалектной личности / Т. В. Самойленко, Н. В. Лагута // Вестник Амурского государственного университета. – 2011. – Вып. 54: Сер. Гуманитар. науки. – С. 126-132.

230. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – С. 221-237.

231. Седов, К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики: Человек и текст. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – Вып. 27. – С. 9-20.

232. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999а. – Вып. 2. – С. 13–25.

233. Седов, К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Константин Федорович Седов. – Саратов,1999б. – 442 с.

234. Седов, К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция / К. Ф. Седов // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001а. – С. 107-117.

235. Седов, К. Ф. Жанры повседневного общения и хорошая речь / К. Ф. Седов // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001б. – С. 118-131.

236. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 40-51.

237. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

238. Седов К. Ф. Жанры «празднореченой» коммуникации: болтовня, светская беседа, разговор по душам / К. Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2006. – Вып. 6. – С.85-97.

239. Седов, К. Ф. Разговор / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007а. – С. 220-231.

240. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007б. – С. 124-136.

241. Седов, К. Ф. Языковая личность и речевые жанры / К. Ф. Седов // Основы психолингвистики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – С. 145-154.

242. Седов, К. Ф. Речежанровая идентичность и социализация личности / К. Ф. Седов // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2009а. – Т. 9. – Вып. 8. – С. 85-89.

243. Седов, К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во «Наука», 2009б. – Вып. 6. – С. 23-40.

244. Седов, К. Ф. Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – Вып. 7. – С. 25-46.

245. Сибирякова, И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога : дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Геннадьевна Сибирякова. – Екатеринбург, 1996. – 230 с.

246. Сибирякова, И. Г. Тема и жанр в разговорной речи / И. Г. Сибирякова // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 56-66.

247. Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 143 с.

248. Сиротинина, О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О. Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 28-33.

249. Скребнев, Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.

250. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – 184 с.

251. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. – Благовещенск : АмГУ, 2005. – 236 с.

252. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2006. – 179 с.

253. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2007. – 224 с.

254. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном

зарубежье / сост. и ред. Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : АмГУ, 2008. – 200 с.

255. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2010. – 280 с.

256. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2011. – 212 с.

257. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2013. – 252 с.

258. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 11 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : АмГУ, 2014. – 293 с.

259. Слышкин, Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа / Г. Г. Слышкин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. – С. 34-50.

260. Солнцев, В. М. Вариантность / В. М. Солнцев // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – С. 60-61.

261. Степанова, М. М. Структурно-семантические особенности устных текстов-воспоминаний (на материале говоров немцев красноярского края) : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Марина Михайловна Степанова. – Барнаул, 2006. – 18 с.

262. Стернин, И. А. Речевой жанр «общение на отдыхе» / И. А. Стернин // Жанры речи. – Саратов : ИЦ «Наука», 2009. – Вып. 6. – С. 265-271.

263. Сухотерина, Т. П. Речевой жанр «народные мемуары» в повседневной коммуникации / Т. П. Сухотерина // Язык и культура (Новосибирск). – 2012. – № 3. – С. 38-42.

264. Сухотерина, Т. П. Графико-пространственная характеристика воспоминаний как речевого жанра / Т. П. Сухотерина, Е. Ф. Дмитриева // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 12-1 (67). – С. 122-126.

265. Типы наддиалектных форм языка / отв. ред. М. М. Гухман. – М. : ИЦ «Наука», 1981. – 312 с.

266. Троцук, И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2004. – № 6-7. – С. 56-74.

267. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997а. – № 5. – С. 102-120.

268. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997б. – Вып. 1. – С. 66-87.

269. Харре, Р. Вторая когнитивная революция / Р. Харре // Психологический журнал. –1996. – № 17(2). – С. 3-15.

270. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

271. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. А. А. Кибрик. – М. : Наука, 1992. – 281 с.

272. Шведова, Н. Ю. К изучению русской диалогической речи / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 67–83.

273. Ширяев, Е. Н. Структура разговорного повествования / Е. Н. Ширяев // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М. : Наука, 1982. – С. 106-122.

274. Ширяев, Е. Н. О структуре разговорного диалога / Е. Н. Ширяев // Третьи Шмелевские чтения. – М., 1998. – С. 114-115.

275. Ширяев, Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога / Е. Н. Ширяев // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 132-147.

276. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. – 47 с.

277. Шмелева, Т. В. Речевой жанр: опыт общефилологического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1995. - № 1. – С. 57-71.

278. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 88-99.

279. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

280. Щерба, Л. В. Восточно-лужицкое наречие / Л. В. Щерба. – Петроград, 1915. – 272 с.

281. Эйсмонт, П. М. Семантика и синтаксис спонтанного нарратива (экспериментальное исследование на материале русского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Полина Михайловна Эйсмонт. – СПб., 2008. – 21 с.

282. Ягунова, Е. В. Спонтанный нарратив у детей и у взрослых / Е. В. Ягунова // Проблемы онтолингвисики-2012 : материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летия со дня рождения А. Н. Гвоздева (24-26 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). – СПб. : Златоуст, 2012. – С. 360-368

283. Ягунова, Е. В. Структура спонтанного нарратива: мультимедийность исходного дискурса и его отражение в текстах детей и взрослых / Е. В. Ягунова // Санкт-Петербургская школа онтолингвистики: К юбилею доктора филологических наук профессора С. Н. Цейтлин : сб. научных статей. – СПб. : Златоуст, 2013. – С. 144-158.

284. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / Отв. ред. д. ф. н. А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1986. – С. 17- 57.

285. Labov W., Waletzky J. Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // Special Volume of a Journal of Narrative and Life History. – 1997. – Vol. 7. – Pp. 12-44.

Приложение 1.

Воспоминание как компонент гипержанра «разговор с собирателем»

М.Д. – Меланья Даниловна, пенсионерка, 76 лет.

С.1 – собиратель-филолог, преподаватель вуза, 50 лет, жительница г. Владивостока.

С.2 – подруга С.1, 50 лет, жительница г. Владивостока.

Место записи – с. Виноградовка Анучинского района Приморского края; сентябрь 2009 года.

С.1 просит рассказать М.Д. о жизни в селе Виноградовка.

Текст	Жанр
М.Д. Я/ в школу пош…/ э-э/ на работу пошла небольшая ещё// А ты знаешь/ у нас раньше/ это теперь вот/ пять километров это сильно мноγо/ да? **С.1. Да/ да//** **М.Д. А раньше/ четырнадцать ничего было// Э-э-э// А раньше и четырнадцать было немного// *(нрзб)* Ну/ на работу заγоняли туда/ а там месяцами жили// Ну а там месяцами жили/ никто…/ А-а/ школа/ ну и жили мы в этой школе// Ночевали…/ днем на работе/ а ночью ночевали там// Школа была обыкновенная большая/ ну приблизительно/ приблизительно как вот этот дом длинный// Ну приблизительно/ он не такой был// Э-э-э/ был пониже и был попроще// И-и-и/ что я помню/ на-а/ на два/ вот/ раздéлено было/ помещение было раздéлено// А-а/ что я помню хорошо/ что парты даже стояли/ под этой школой// Ещё парты неубранные были// Коγда они убиралися/ я не знаю// Када…/ када эта школа действовала/ я не знаю/ но тоγда она не действовала/ потому что там γрит корейская школа была// И почему/ что запомнилося хорошо/ наши парты-то были в школе черные/ а там были рыжие//** **С.1. Деревянные?** **М.Д. Светло-светло коричневые// Точно такие же парты как и у нас/ токо что были светло-коричневые// Вот// Вот под школой были сложенные// А так/ школу я не помню// Фанзев было мноγго//**	**Воспоминание**
С.1. А фанзы это…? **М.Д.** А фанзы это было…/ Какие они были/ я в них внутри нéбыла/ а уже/ **уже когда мы были/ по полям ходили/ по полям ходили/ мы же/ поля убирали/ пололи//** Всё// Так/ фанзы были/ просто камни/ нагруженные *(нрзб)* такие места были/ *(нрзб)* Каменные/ наружные// **С.1.** Это фанзы//	Объяснение **Воспоминание**

М.Д. Вот/ были там по полям// И γоворили/ что там многο корейцев жило// Колодец был/ это тоже помню// И-и/ было там не токо…/ там была школа/ там был/ амбар/ там была хатёнка/ там была/ э-э/ конюшня// Конюшня была…/ помещение было такое…/ ну/ как бы сказать/ ветхое/ *(нрзб)* и стоял паровик на другом берегу//	**Воспоминание**
С.1. А паровик это…? **М.Д.** А паровик…/ **С.1.** Котельная? **М.Д.** Да/ вот/ щас она котельная называется/ а тада паровик// Называли паровик//	Объяснение
С.2. А что/ оно там отапливало эту деревню? **М.Д. Не-ет/ что оно делалося я не знаю/ что там делалось…/** **С.1. Это же про корейцев?** **М.Д. Это что…/ корейцы там по-видимому и русские жили/ потому шо я знаю что/ здесь было/ две фамилии/ Красных//** **С.1. Ну Крас…/ да/ это ж конечно фамилия русская//** **М.Д. Да/ две фамилии было Красных/ γоворили что они жили на Четвёртом…/ А-а/ как почему γоворили/ я/ с этих Красных/ их отцοw забрали в то время вот када забирали/ да/ а семьи поостáвалися// Так от/ из них я с одной девочкой дружила/ мы приехали в сороковом γоду/ и-и/ она немножко постарше от меня/ и…/** **С.1. А Вы приехали…/ Меланья Даниловна/ а приехали Вы откуда?** **М.Д. Э-э/ мы приехали…/ Меня привезли семилетней/ я семилетняя приехала сюда// С Винницкой области//** **С.1. Винницкая область//** **М.Д. Угу// Это в то время как раз/ переселенцы…/ приезжали/ как сказать/ обживать/ Приморский…/** ***(смеется)*** **С.1. В сороковые годы/ да?** **М.Д. Да// Не в сороковые годы…/ Да/ в сороковые/ в сороковом γоду мы приехали/ в сороковом γоду в мае/** вот я/ уже скоко живу здесь в Виноγрадοwке/ видите/ состарилась/ выросла…/ **С.1.** Выросла…/ **М.Д.** …и состарилася/	**Воспоминание** Рассказ о себе
и уже/ сейчас у меня дочка живёт на Сахалине/ и так меня просит шоб я туда приехала…/	Рассказ о человеке
А я собрáлася ехать/ но токо в гости…/ **С.1.** Только в гости// **М.Д.** Так…/ Вчера пошла вот за речку…/	Рассказ о себе
Ходили када ещё были молодые/ там так *(нрзб)*/ а щас всё позарастало/ так…/ Жалко…/ Так время бежит быстро//	**Воспоминание** Рассказ о месте

С.1. Быстро? **А вот в деревню эту Виноградовку когда приехали она была маленькая?** **М.Д. Она была маленькая/ она была небольшая/ Виноградowка/ дорογи не было/ бездорожье/ вот щас как заезжаешь в Виногγрадowку/ мы жили на самом краю/ домик там сделали по-быстрому/ набросали в сороковом γоду это…/ Отец приехал/ мы приехали в сороковом γоду/ да/ в сорок первом γоду война на́чалася/ и вот так по-быстрому по-быстрому потому шо в сороковом γоду нас очень многο сюда приехало/ в Виногγрадowку/ ну/ они все разъехалися/ вот/ и-и мы жили на самом краю/ у нас/ деревня закрывалася/ вот щас смотришь кино/ жерди открывают/ кони выезжают…/** ***(смеется)*** **С.1. Правда? Это было вот так/ да?** **М.Д. Да/ да/ закрывалася деревня/ за…/ было заγорожено/ ворота были/ и вот так кому надо уезжает закрывает на этот…/** **С.1. Тогда чужих не пустили бы/ да?** **М.Д. Нет/ нет…/** **С.1. Нет? Чужой может…?** **М.Д. Не-ет/ и чужой мох/ зайти/ но тада никто не ходил/ никто не…/ никто не ходил/ техники было мало/ в основном на лошадях/ даже на быках…/** **С.1. Быки были//** **М.Д. Да/ даже на быках ездили// Ну такое…/ Да// Я сейчас посмотрю/ конечно/ щас всё…/** **С.1. Правда?** **М.Д. …правду γоворят/ цивилизованно/ а тада было/ чище/ тада было…/ Наверно потому что мы были** ***(нрзб)…/*** **С.1. Да//** **М.Д. …и вода была чище/ и воздух был чище/ дождь пройдёт/ тут только дорογа/ лошадями ездили/ а тут/ было чистенько/ дождь пройдёт/ а мы/ босяком и γоляком** ***(нрзб)/*** **так лу-упишь по этой воде//** ***(смеется)*** **С. И школа была в Виноградовке?** **М.Д. Была школа/ школа была здесь/ вот γде сейчас…/ м-м-м…/ γде у нас садик сейчас/ щас он тоже не рабочий…/** **С.1. Там двухэтажное/ да? Мы еще подумали/ что это нарно школа…/** **М.Д. Не-ет/ это не школа это садик/ а школа была…/** ой/ ты меня хоть не фотογрафируй/ я/ така/ страшна…/ **С.1.** Не надо// **М.Д. Это…/ был садик/ это садик сделали/ это уже современное здание// Школа была вот здесь γде живёт сейчас Шушин/ у нас директор школы/ но только/ это не школа была/ это уже…/ уже…/ как сказать/ при моей бытности/ в то время как я уже работала уже взрослая совсем взрослая была это построили для учителей**	**Воспоминание**

дома/ а школа стояла үде у него оүород/ вот оүород/ а школа стояла как сказать…/ какая школа была…/ Обыкновенное вот такое помещение/ токо што оно было сделано/ э-э/ ну вот так дом был/ и вроде как пристроечка небольшая была/ а потом уже/ уже при колхозе достроили/ достроили и сделали буквой «эл»// А там в школе…/ школа была у нас на-а/ четыре класса только/ и было разде́лено/ ну вот/ обыкновенных старых две комнаты/ и вот в одном классе учились/ в одной половине учился первый и третий класс/ а во второй половине учился/ второй и четвёртый// Вот// Постоянно два…/ два класса…/ А ученики тоже были/ один большой один маленький…/ **С.1. Разновозрастные…/** **М.Д. Да/ потому что…/** **С.1. Так/ а вот та школа про которую Вы говорите то корейская/ да?** **М.Д. То корейская//** **С.1. Корейская//** **М.Д. Корейская//** **С.1. Так пустая она была что корейцев куда-то выселили?** **М.Д. Корейцев выселили/ но это не при нас/ я не…/** **С.1. Это ещё раньше раньше?** **М.Д. Это раньше но/ наверно недалеко раньше/ наверно мы приехали в сороковом/ а-а/ работать я үде-то пошла в сорок четвёртом сорок пятом/ потому что…/**	
С.1. А Вы говорите «на четвёртом»/ это что/ «на четвёртом»? **М.Д.** Четвёртый лух это/ назывался «Четвёртый лух»…/ **С.1.** Это где-то за Виноградовкой? **М.Д.** Четырнадцать километроw үоворят от Виноүрадowки// **С.1.** Так там и села никакого не было просто…/ **М.Д.** Не-ет…/ **С.1.** …четвёртый луг и всё//	Объяснение
М.Д. Не-ет/ села не было никакого/ просто/ жили корейцы/ по полям/ в фанзах// Ну фанзы токо осталися фанзы/ корейцев я самих не…/ не видела// А эта стояла уже/ на.../ так на увальчику/ вот школа стояла и так…/ эти постройки что я…/ захватила// Школа/ хатёнка была/ небольше́нька/ и/ амбар/ был…/ и-и/ конюшня/ была…/ и-и…/ **С.1. И паровик вот этот//** **М.Д. И паровик вот этот стоял на береүу/ вот потом…/ как/ как сказать/ увал был…/**	**Воспоминание**
ну это/ слеүка на сопочку поднимаешься если…/ **С.1.** Угу/ вот это увал/ да? **М.Д.** Это увал называется//	Объяснение

И вот када выезжаешь с увала/ на увал выезжаешь уже сюда γде это всё стояло/ и он стоял по праву сторону на береγу// Ну/ это еси б сейчас уже взрослую заинтересовало/ а то стоит железная машина да и стоит// Вот/ а γде она делася я не знаю// Скоко я…/ вот/ скоко я помню/ потому шо нас/ подросткоw/ заγоняли туда месяцами держали не отпускали…/ **С.1. Тёть Меланья/ а здесь в Виноградовке люди жили откуда/ вот Вы приехали с Украины/ а здесь/ люди в основном с Украины были/ или нет/ или из других мест?** **М.Д. Нет/ мы приехали с Украины/ вот это сороковой γод…/** **С.1. Сороковой//** **М.Д. …вот эта укра́инская улица она вся застраивалась…/** **С.1. Поэтому и назвали её…?** **М.Д. Да/ да/ она вся застраивалась…/ в сороковом γоду она на́чала застраиваться// А потом конечно/ какой дом снесли/ какой…/ и нужно было снести/ сейчас там уже всё//** **С.1. А вот дома на этой улице…/** **М.Д. Хотя есть ещё/ хотя есть ещё/ аγа/ есть той постройки…/** **С.1. А вот эти постройки отличались например от вот этого дома?** **М.Д. Вот этот дом…/ И вот тут еще был дом…/** **С.1. Похожие?** **М.Д. Э-э/ это были братья/ братьями/ строились…/ строились эти дома// Это тоже/ я уже не захватила этих братьев/ не знаю…/ но…/ всё равно/ это же люди старые оставалися/ которые…/ а их вроде как повыслали// Вот этот дом и вот этот/ и вот здесь стоял дом/ это братьями строилось/ а вот здесь вот γде…/ токо не этот дом/ он стоял прям почти на дороге/ ма-аленький такой амбарушечка/ маленький…/ то/ отца был…/** **С.1. А-а/ вот этих братьев//** **М.Д. Да/ то отец был/ это братья были/ а то отец был// А вот здесь вот была постройка/ вот её снесли наверно γода два или три/ э-э/ это амбары были/ йихни к этим домам/ амбары/ были/ и тоже был…/ были сделаны как-то буквой «гэ»/ амбары/ а потом/ было открыто помещение/ это йихня конюшня была/ и/ сюда/ амбар был/ по-видимому раньше жили/ сбруя была/ если лошади были то и сбруя была/ всё/ вот это такой амбар был/ а тот зерновой амбары были/ так…/ капитально сделали/ сделаны были/ там такой лес был мощный// Раньше ж лес выбирали/ на лошадях возили/ это теперь техника а тада ж на лошадях выволакивали ево// Построили// Так это жил/ это одного хозяина/ одного// Короче отец жил в малюсеньком домике а сыны/ жили…/ Они еще может и не успели пожить даже//** **С.1. А за что их выселили?** **М.Д. А хто их знает/ в то время…/**	**Воспоминание**

С.1. В тридцатые годы…/ **М.Д. Да/ в то время…/ не тридцатые наверно уже тридцать с лишним…/** **С.1. К концу/ туда перед войной/ да?** **М.Д. Да/ это к сороковым γодам ближе//** **С.1. Тогда и не знали за что//** **М.Д. Да/ да/ вот та подружка кото…/ с которой я/ не знаю живая она нет/ она де-то во Владивостоке/ с которой я дружила/ их было…/ по-моему семь человек/ или/ шесть/ это…/ э-э/ γруня/ Марья/ Наташа/ Маша/ Татьяна/ Eγор…/ вроде бы всех посчитала/ пять человек/ шесть/ и мама седьмая была/ вот их…/ ихнего отца забрали// Вот// Потом они вроде бы искали его/ это Красных/ потом они его искали/ но они его/ не-на-шли// Сказали что вроде бы как умер что ли…/ Сын искал/ потому что он был у них как…/ у них все девчонки были/ один/ сын// А/ другой Красных/ это йих два…/ я не знаю братья они были/ или чужие/ почему…/ Тада же боялися и γоворить/ родня ты мне или нет…/** **С.1. Да да// Да// Так это те Красных которые на том хуторе с корейцами жили/ да?** **М.Д. Да/ да// А вот Красных…/ э-э/ а второй Красных/ вот этот вот/ не вернулся/ а второй Красных вернулся/ он жил…/** *(спрашивает у С.1)* Ты сама с Крайтопа? **С.1.** Катя с Крайтопа// **С.2.** Я с Крайтопа// **М.Д.** Ка-атя/ Катя с Крайтопа// А у вас w Крайтопе жил/ кто/ Павел? **С.2.** Красных был/ да/ Павел/ да// я вот сейчас сижу и думаю/ а не является ли тот наш Красных…/ **М.Д. Красных Павел/ Иван…/ Вот они/ Иван должен был…/ он у них был самый меньший/ вот Иван и Павел…/** **С.2.** По-моему Павел у нас жил/ Паша/ да-да-да// **М.Д.** Да? **С.2.** Да// Но они как-то у нас появились/ позже чем…/ **М.Д. Не-ет/ да они появились/ я знаю когда они появились…/** **С.1. Откуда они появились?** **М.Д. Они отсюда…/** **С.2. Из Виноградовки поехали в Крайтоп?** **М.Д. Они с Виноγрадowки переехали в Анучино/ это мама йихняя уже переехала в Анучино/ но они уже были взрослые/ вот у них самый меньший был Иван//** **С.2.** Но Павел он в леспромхозе работал в нашем…/ **М.Д.** А Павел/ Павел был старше меня/ не знаю/ живой он или нет…/ **С.2.** Ну они не знаю/ то ли уехали…/ Я окончила школу уехала и уже в общем как-то не отслеживала там что происходит…/ **М.Д. Правильно/ правильно/ правильно правильно// Вот/ так вот этот Афанасий вернулся/ Иван не вернулся/ Иван Красных был**	

и-и/ Афанасий Красных был/ так вот Иван не вернулся/ а Афанасий вернулся/ они жили…/ э-э/ ну там уже друγая история// Он вернулся у него уже была друγая семья/ потом дети нашли/ дети обнаружили што он живой/ и дети нашли и вернули его маме/ а мама жила в Анучино/ и вот он/ там ещё борьба была между этими женщинами// Мама…/ вернули маме/ и-и/ они жили…/ А жили они…/ по Сплавной…/ **С.1.** В Анучино Сплавная? **М.Д.** В Анучино…/ **С.2.** У вас тоже есть Сплавная/ да? Это она из Кировки/ родом…/ **М.Д.** Я Кирowку не знаю…/ **Это/ жили они по Сплавной/ γде-то напротив напротив…/ вот как чайная раньше была/ и там недалеко/ двухэтажный/ такой домик был/ как скворечник/ и вот они в том домику жили// Так/ я ночевала у них тада/ а нас сильно…/ Ой/ это судьба уже друγая/ а то я уже начну…/** **С.1.** Так всё интересно/ это ж всё жизнь/ правда/ тёть Меланья? **М.Д.** Жи-изнь/ деточка/ жизнь/ я ж γоворю что вчера пошла за речку/ а у меня деда нет уже/ это уже десять лет// **А мы были/ дед был и-и/ моя/ золowка/ с мужем/ нас двое и йих двое/ и мы поехали за речку/ заехали за речку/ там орешина была така небольшая/ мы на полянке на буγорку сидели// Было воскресенье/ такой день/ ясный день был/ тёпленький/ мы в холодочке сидели/ ну отмечали просто/ сидели не…/ ну/ хорошо//**	Рассказ о себе **Воспоминание**
А вчера пошла/ вот така трава по колено/ орешина эта оγромная/ я постояла коло этого/ на этом буγорку/ ну почему так быстро время уходит? Почему? Почему молодые люди не дорожат/ жизнью? **С.1.** Да/ тёть Меланья// **М.Д.** Почему/ почему это так всё быстро? Вроде как недавно/ и всё-таки это уже давно/ давно уже/ потому что…/ уже никого нету/ и не вернёшь уже/ всё уже ушло…/ Вот так и это//	Рассуждение
Вроде бы недавно/ вспоминаешь/ очень тяжелое время было/ очень/ щас вот подумаешь/ как тяжко жили/ Боже мой! Но не считали/ что это тяжко// Никто не обижался/ никто не жаловался/ ни…/ Считали/ что это в порядке вещей/ то война/ то после войны не лучше было чем в войну// Ой/ так// А теперь старость уже// **С.1. Так это и были самые хорошие времена/ да? Молодость?** **М.Д. Да// Да// Самые лучшие времена были/ была юность/ была мо…/ молодость/ да я/ мне кажется/ её у меня и не было/ молодости той// Я кажется сразу/ состарилась…/ Коγда-то была передача/ коγда-то приезжало телевидение/ и мне γоворит/ «γоворят Вы были красивые молодыми»/ я γоворю «не-ет детка/ я себя красавицей не считаю/ спасибо тому кто так сказал/ но я**	**Воспоминание**

красавицей себя не считаю»// Не в чем было быть красивому/ и некоγда//	
Я щас посмотрю/ я так люблю молодых// Наряжены/ накрашены/ ну куда…/ ну γлянешь как цветочки/ а мы что видели? **С.2.** Да молодость она сама по себе/ сама по себе красивая…/	Рассказ о себе
М.Д. Лапти/ лапти видели// Вот/ лето/ лапти…/ Дед у нас тут/ не один/ даже два деда/ плели лапти// Это на покос/ на…/ на эту/ на уборочную…/ А лапти тоже по ноγе должны быть/ а они вот такие вот *(показывает руками размер)*// А/ таскала…/ *(смеется)* таскала ко́пы на лошадях/ ой/ γоре!	**Воспоминание**
С.1. А копы это/ эти…/ **М.Д.** Копы это сено/ сено скирдовали/ и-и/ стоγа/ мужики в стоγа ложат/ а дети…/ **С.2.** Так подкладываешь на вилы…/ **М.Д.** Нет/ какой на вилы/ лошадью! **С.1.** Копы это большая…/ **М.Д.** Это мужики уже на вилы подхватывают// Копы это большие//	Объяснение
А ты на…/ на лошади подъезжаешь/ там такая штука/ поддеваешь эту копу́/ затяγиваешь верёвкой вокрух/ и снова вот до этого/ до хомута подвязываешь/ и тянешь *(смеется)*/ а кочки были по колено *(нрзб)*// Конь/ конь в этот лапоть встанет/ падаешь…/ Таскали/ таскали…/ И всё равно было хорошо// **С.1. Всё равно хорошо//**	**Воспоминание**
М.Д. А сейчас подумаю если б даже/ это я была не знаю скоко нарно лет тринадцать больше и не было/ на лошадях работала/ теперь заставь/ двадцатилетнего/ он коня не запряγёт// Он эту копу не потянет/ он не подденет/ потому шо он не видел! **С.1.** Конечно// **М.Д.** Они ничего не видят/ ни-че-го// Раньше работали/ и пацаны не пили…/ **С.2.** И тем более не курили всякую траву…/ **М.Д.** И не курили! А траву даже понятия не было…/	Беседа на общие темы
С.1. А коноплю сажали? **М.Д. Здесь не сажали// Один раз/ один-единственный γод/ садили коноплю на верёwки/ э-э/ вот/ на Украи́нской/ как на Украи́нскую зайдёшь туда к концу деревни/ я знаю что один γод…/** **С.1. Украи́нцы садили/ да? Вот те…/** **М.Д. Не-ет/ сowхоз/ колхоз посадил/ колхоз посадил на верёwки/ а почему я запомнила потому что маме дали наряд/ мама выбирала эту коноплю// Но тут она конопля была небольшая кака-то/ небольше́нька//** **С.1. А её для чего садили?** **М.Д. На верёwки!** **С.1. А-а/ на верёвки//**	**Воспоминание**

М.Д. Верёwки// У нас здесь очень мноγо лошадей было// И-и/ и телеги/ и сани/ всё было// На верёwки садили// Ну верёwки нужны были// А-а/ а так не садили/ у нас коноплю…/ у нас конопля появилась/ я скажу коγда/ вот де-то в пятидесятых γодах/ в пятидесятых γодах/ но она редко-редко/ откуда она/ я знаю шо солдаты у нас стояли/ на-а/ на Ильмакowке/ даже/ даже не в пятидесятых уже в шестидесятых// Потому шо солдаты стояли/ а солдаты у нас в сорок девятом γоду/ вот эта Ильмакowка образовалась в сорок девятом γоду// **С.1. М-м/ это уже советское…/** **М.Д. Да// Да да// И она была не-е/ Ильмакowка а…/ Гарнизон/ потому шо её военные осваивали// И вот/ ферма у нас была на этом/ туда/ к Ильмакowке/ э-э/ и они вот шарят и шарят по траве/ шарят и шарят/ и понятия не имели что это…/** **С.2. Угу// Чё они там шарят//** **М.Д. Чего они там шарят?** **С.1. А-а/ это уже…/** **С.2. Ну коноплю собирали//** **М.Д. Да-а//** **С.1. Так это уже вот/ недавно//** **М.Д. Да-а/ да-а/ конечно/ конечно//** **С.1. Узнали наверно что когда-то было…/** **М.Д. Там никоγда её не было/ откуда она взялась я не знаю/ там её никогда не было// Там…/** **С.1. Может её посеяли?** **М.Д. …была тайγа там был лес// Потому что телят мы пасли…/ телят пасли//** **С.2. Так её же садят просто// Наркоманы её садят//** **М.Д. Это теперь// Это теперь// А тада её никто не садил/ никто не садил//** **С.1. Просто искали где вдруг/ есть//** **М.Д. Да-а/ конечно// А потом/ кто знает/ может кто-то и бросил/ для этого ж/ раз…/ раз они искали может они сами завезли и бросили/ потому шо солдаты были стройбат…/ Ой// Вот/ и так// Вот/ у нас тада…/ А потом так изредка/ потихонечку слышно то тот собирает…/ «да он говорит лазит коноплю собирает»/ а теперь это без стеснения? Без стеснения даже сеют и садят и…/ Пошёл в лес нашёл/ нашёл корешок…/ Мой дед корешок тоже искал/ я знаю как ищут корешок// *(нрзб)*** **С.1. А Ваш муж за женьшенем ходил да тёть Меланья?** **М.Д. Да//** **С.1. Вот в эту тайгу?**	
М.Д. *(нрзб)* А старожилов здесь…/ старожилов здесь уже мало/ потому что/ щас люди…/ Я вот/ я редко хожу в деревню/ пойду я уже многих людей не знаю даже/ потому что щас уже свежие люди…/	Рассказ о себе

С.1. А в деревне встречаетесь наверно в магазине/ да? **М.Д.** Да-а// *(смеется)* **С.1.** А где можно встретиться…/ **М.Д.** Нет/ встретиться можно/ встретиться/ при желании можно встретиться…/ **С.1.** Нет/ конечно// **М.Д.** Но не встречаемся почему/ да потому что с одной стороны времени нету/ с другой стороны…/ как-то/ даже не знаю…/ Придёшь/ того не знаешь/ а того знаешь у него…/ он своим занят и своей…/ свои заботы/ а ты уже себя чувствуешь/ думаешь «и мне некогда»/ а почему? Почему некоγда? Потому что я раньше и на работу было и хозяйство было и дети были и управлялася кругом/ а теперь я ничё не делаю/ о/ лист не собираю/ а я и не успеваю// *(смеется)* Честно//	
С.1. А смеётесь Вы по-молодому как/ тёть Меланья/ так что/ то что Вы любите молодых не случайно// Когда человек молод душой…/ **М.Д.** Душа-а/ душа-а деточка/ душа молодая/ душа/ другой раз летит…/ **С.1.** Замечательно/ и смех у Вас такой// **М.Д.** И песня/ и песня же есть/ «а душа душа тем и хороша/ что всё летит куда-то крыльями шурша»// **С.1.** Какая песня хорошая/ я не знаю…/ Да/ что-то припоминаю…/ **С.2.** Если бы мелодию услышала я может быть и вспомнила// **М.Д.** Да/ песня вот такая есть// **С.1.** Тёть Меланья это у Вас не яблоня? Не цветёт? Это которое большое такое дерево// **М.Д.** Не-ет/ это груша// **С.1.** Груша/ ну вот я вижу что что-то// Цветёт красиво весной? **М.Д.** О-ой/ что ты!	Беседа на общие темы
Умирать надо/ а я же ещё всё сажу/ я же ещё всё хочу чтобы выросло//	Рассказ о себе
С.1. Пусть растёт/ конечно// **М.Д.** А я же еще ой-ой-ёй…/ **С.1.** А здесь сирень/ над калиткой? **М.Д.** Это сирень…/ **С.1.** Сирень красивая// **М.Д.** А то этот/ ой…/ **С.2.** Калина наверно// **М.Д.** Нет/ не калина/ у калины мелкие…/ Ой/ скажи мне…/ Жасмин// **С.1.** Жасмин! Так весной здесь красота необыкновенная! **М.Д.** Необыкновенная/ у меня всё лето што-то цветёт/ с весны как начинается/ всё лето что-то цветёт/ то калина/ он был хоть красивый куст/ но/ с той стороны ёлка/ а с той стороны γруша/ и его задавило// Ну у меня вот дворе там растёт калина// **С.2.** А вот это под чем Вы сидите? **М.Д.** А это тополь//	Беседа на общие темы

С.1. Тополь? Вот это тополь? **М.Д.** Да// **С.1.** Какой/ интересный/ тополь// **С.2.** Что-то/ изогнулся весь// **М.Д.** А это изоγнулся/ его можно было спилить/ его трактором тут ободрали/ лечили его перевязывали…/	
Этот тополь садили в семидесятом γоду/ сын в армию/ ушёл/	**Воспоминание**
а сын у меня уже седой/ уже на пенсии// Вот//	Рассказ о человеке
Сын в армию ушёл и посадили// И/ γоворит/ «чё не спилите этот тополь?»/ я «а он кому мешает?»// **С.2.** Да/ зачем/ такая/ памятная дата// **С.1.** Конечно// **С.2.** Он же не просто сам по себе…/ **М.Д.** Да/ да// **А тут две ёлки садили то…/ у нас был внук маленький/ то…/** **С.1. Ровесники внука/ да?** **М.Д. То/ дед посадил ёлки/ да//**	**Воспоминание**
С.2. А сколько внуку уже? **М.Д.** А внуку уже двадцать шесть// **С.1.** Ну и ёлки на двадцать шесть лет как раз выглядят/ да/ ещё такие/ не совсем…/ **М.Д.** Двадцать шесть лет внуку уже//	Рассказ о человеке
Вот/ а это ясень/ это тоже дед посадил// **С.1.** Ясень? Это вот/ вот это ясень? **М.Д.** Да// **С.1.** А/ вот/ ясень/ а я всё хотела узнать/ какой же ясень? **М.Д.** Это семена у него тёмные// **С.1.** Тёмные семена ясеня//	Беседа на общие темы
А/ тёть Меланья/ а вот вяз и ильм/ я Катю спрашивала…/ Это разные? Это же одно и то же? Вяз/ и ильм// **М.Д.** Вяз/ и ильм/ наверно разные…/ но я не знаю// **С.1.** Ну а Вы какое из этих/ ильм знаете/ слово? **М.Д.** Да/ ильм/ ильмак у нас называется// **С.1.** Ильмак/ ильмаки// ну я ильмак тоже слышала// Так Ильмаковку может и назвали по этим деревьям/ наверно// **М.Д.** Да/ Ильмакowку потому шо там ильмака было мноγо/ вот Ильмакowка её и назвали//	Информативный диалог
А вообще она сразу называлась Гарнизон/ говорили Гарнизон// **С.1. М-м/ Гарнизон//** **М.Д. Там…/ её в эту…/ в Ильмакowку в сорок девятом γоду солдаты…/ солдаты переименовали/ и вот они вот так…/** Вот у нас	**Воспоминание**

сколько идут/ лесозаγотовки/ γде тот лес? Сейчас везут/ душа болит// Карандаши! **Знаете какая тут была тайγа красивая? За Ильмаковку зайдешь…/ Там называли Стрелка// На Стрелку/ там поднимешься токо вот так на…/ на подъем на сопку/ а там..! Пройдешь немножко/ лес/ кедрач/ вот ничего ни кустика ниγде/ токо эта/ ёлка/ эта…/ иγла осыпается вот старая/ токо эта иγла и шишки/ шишки как чурки!** **С.1. И маслята/ да?** **М.Д. О-ой/ в то время маслята…/ смотрели шишки *(смеется)*/ а шишки почему/ потому что…/ копеечка была// И пешком на себе всё носили//** **С.1. Так это в сороковые/ в пятидесятые?** **М.Д. Это уже в пятидесятые/ это уже в начале шестидесятых ещё…/** **С.1. А носили тёть Меланья/ в Анучино?** **М.Д. В Анучино…/ нет/ не в Анучино/ хто как мох/ в Арсеньеw/ а тада называлася Семёновка…/** **С.1. Арсеньев это Семёновка?** **М.Д. Семёновка//** **С.2. А Анучино/ как назывался?** **М.Д. Анучино так и было Анучино//** **С.1. Анучино прям так и назвали?** **М.Д. Анучино и было// А-а Арсеньеw было Семёновка// С Семёновки/ во время войны/ с Семёновки пешком приходили/ в Виноγрадовку/ и меняли/ хто что/ хто что// Хто платья какие-то старенькие…/ короче всё всё всё что можно/ что у кого было…/** **С.1. А меняли на что?** **М.Д. А меняли на что? На еду// А еда какая была када сами γолодные были как собачата// Меняли даже на картофельные шулупайки/ вы можете себе представить?** **С.1. Картофельные шу…/** **М.Д. Да// Вы можете представить?** **С.1. Трудно представить сейчас// Да//** **М.Д. Да// Отруби/ на отруби/ на эти шулупайки/ на это вот…/ во время/ летом када уже мёдосбор/ так во время мёдосбора мёд в семь…/ семь…/ у нас здесь было семь пасек/ колхоз был боγатый вообще…/ Колхоз был/ как сказать/ да/ колхоз был боγатый потому что…/ Здесь/ поля были/ что γде моγли корчевали/ а теперь они все позарастали// Вот здесь склады были/ так дороγа была/ вот так пыль была/ машины/ во время уборочной/ γосударству возили зерно…/ Вот// И-и/ ой…/** **С.1. То есть и хлеб сажали/ выращивали/ да?** **М.Д. Хлеб выращивали/ выращивали хлеб/ выращивали картошку/ выращивали помидоры/ и огурцы/ и тыкву/ и арбузы/ всё/ выращивали/ потому что…/**	

С.2. Земля хорошая// **М.Д. …здесь земли хорошие/ и росло всё очень хорошо//**	
А теперь вот посмотришь/ ну γоворят у нас там прирост какой-то/ прибыль/ не знаю откуда она прибыль та/ не знаю// Прибыль/ если/ если она и есть прибыль то токо может вот с γаза да с нефти/ вот и единственное/ а так…/ Если оно так везде как у нас вот/ так с чего ж эта прибыль/ када…/	Рассуждение
раньше/ и я считаю что это так/ раньше такие маленькие…/ маленькое ж село было/ было маленькое/ люди я ж γоворю што заγонят всех на Четвёртый вот/ по деревне никого нету/ там все/ в деревне токо старики/ а то все там/ на полях/ на полях// Один γод/ по…/ полеγло зерно вот в сплошную/ ковром полеγло// Такое зерно было боγатое/ и всплошную полеγло/ ходили вот/ лентой/ комбайн идёт лентой вот…/ как идёт на скоко *(нрзб)*/ вот стоко захватывает/ идут впереди/ поднимают/ специально такие палки поделали/ поднимаешь/ на…/ в обратную чтоб комбайн захватил чтоб зерно не оставалося/ комбайн идёт следом/ не одна я/ нас очень мноγо/ и вот по всему/ через всё поле// Подняли/ прошёл комбайн/ вторую полосу/ а теперь…/ теперь бы не поднимали…/ А тада вот такое делали// Ну/ всякое было/ молотили…/ На молотилке/ када-то за деревней/ вот уже в марте/ сою молотили/ овёс молотили// Подскирдовали/ не успевали комбайном/ не успевали// Возили/ скирдовали/ возили/ а потом молотили/ на-а/ уже на стационар молотилку поставили потому что комбайн идёт а молотилка-то не шла/ вот// Всякое было/ и тяже…/ тяжело было/ тяжело работали/ работали тяжело/ но жили/ жили бедно// Жили бедно но как-то люди были всё равно лучше//	**Воспоминание**
А теперь посмотришь/ живут хорошо…/ **С.1.** Да// И неизвестно что лучше/ да? **М.Д.** Не знаю/ доброты нет…/ **С.1.** Доброты//	Рассуждение
Ой/ Вы наверно замерзли/ тёть Меланья// **М.Д.** Да нет! **С.1.** Замёрзнете/ давайте// **М.Д.** Я-то…/ За старожилов спрашивали/ за старожилов…/ я-то уже забыла// Тебе/ назвать по фамилиям/ старожилов? **С.1.** Ну/ по именам можно или по фамилиям// Вы/ про Виноградовку/ да? **М.Д.** Про Виноγрадовку/ больше я/ ничего…/ **С.1.** Мне всё интересно/ всё что Вы сказали интересно/ я работаю в университете/ и мы студентам часто…/ щас студентам тоже интересно/ я им читаю лекции…/ **М.Д.** Да/ да/ деточка…/	Беседа на общие темы

С.1. Студентам очень интересно/ они…/ И это радует/ что наши студенты/ молодёжь/ интересуются историей родного края…/ **М.Д.** Слушай/ это студентам/ студенты сейчас вот это/ если студенту сказать/ то студент щас не поверит/ пусть…/ Не поверит/ но пусть он и не верит/ пусть он и не верит…/ **С.1.** Так пусть он знает это…/ **М.Д.** Пусть ему будет/ хорошо/ им и сейчас/ пусть ему будет еще лучше/ но пусть он знает/ пусть он всё-таки хотя бы приблизительно знает/ потому что…/ У нас/ у нас не надо далёко/ у нас своя молодёжь/ она…/ ничего не знает// **С.1.** Конечно// Конечно// Так вот я вижу/ что им интересно узнавать о крае/ потому что они этого не знают// **М.Д.** Да/ да// **С.1.** Так это сколько интересного//	
М.Д. Да// Здесь было/ здесь было очень/ очень интересно/ здесь был…/ э-э/ вот сорок девятый/ пятидесятый/ здесь сплаw был/ речка была большая/ сплаw был/ здесь лесу стоко было наγружено/ вот эта поляна вся была лесом/ штабеля такие леса лежали/ потом по речке/ плава…/ плавили// А теперь уже на лесовозах/ такие машины/ такая техника/ на лесовозах возят/ да везти нечего/ карандаши возят…/ **С.1.** Везти нечего/ всё вырубили// **М.Д.** Всё вырубили…/ Дак с сорок девятоγо года/ γде они еще и так его берут/ этот лес/ я не знаю//	**Воспоминание** Беседа на общие темы
Вот/ так/ детки// Учите своих/ ученикоw…/ **С.1.** И спасибо Вам что вот это всё помните/ и рассказываете…/	Пожелание Благодарность
М.Д. Помню/ да ты знаешь/ что было тоγда всё всё всё…/ Другой раз проснуся ночью/ стану перебирать…/ А сейчас пришла в кладоwку/ «зачем же я пришла?»// Стояла думала думала…/ **С.2.** Надо выйти и вернуться назад// **М.Д.** Вернулася/ вернулася пришла/ вернулася…/ а лёд мне нужен! А то что было/ что было…/	Рассказ о себе
Провожали в армию/ всё помню/ мы жили на самом краю/ у нас самый крайний домик был/ провожали в армию/ э-э/ всех помню/ по именам всех помню/ как кого провожали/ это ж война на́чалася их пачками пачками пачками пачками/ почистили деревню// А потом приγнали солдат/ деревня осталася γолой/ деревня небольшая а поля-то большие всё равно для этой деревни/ солдат приγоняли/ солдат приγоняли для себя/ для армии копать картошку/ а земля-то уже мерзлая/ они там видно надолбаются…/ Ой/ а мы были совсем еще дети/ и идут строем/ идут строем/ до деревни подходят/ ворота́ открывают/ «запевай!»/ идут/ молча/ «за-апевай!»/ командует/ э-э/ начальник/ третий раз ка-ак рявкнет/ и они начинают/ «с юγа	**Воспоминание**

до Урала ты со мной шаγала»/ песню помню/ «с юγа до Урала ты со мной шаγала»// Я и щас думаю/ γосподи/ бедные солдаты// Это я была маленькая а солдаты-то были уже взрослые/ их…/ наверно и нету//	
А щас посмотрю/ в орденах…/ такие нарядные/ нарядные такие/ а сами еще хоть жени их…/ Да какие же вы…/ какие же вы ветераны/ какие же вы служаки/ γде ж вы воевали/ а? Да/ может ваши/ как сказать/ э-э/ родственники/ их дивизия/ я не понимаю в этом/ в этих не разбираюся/ и воевала/ но если бы ты воевал/ ты такой молодой бы еще не был//	Рассуждение
Вот так вот/ девчата/ девочки/ всего/ всего вам хорошего// **С.1.** Спасибо Вам/ тёть Меланья// Спасибо что рассказали столько интересного/ Вам здоровья// **М.Д.** Спасибо/ спасибо/ за здоровье спасибо// Я…/ здоровье-то надо// Здоровье всем надо// Ученикоw тебе хороших/ студентов/	Пожелание Благодарность
у меня дочка тоже учит/ но она в Арсеньеве/ в филиале/ от Владивостока// **С.1.** А средняя дочь? **М.Д.** На Сахалине дочь у меня// У меня трое/ сын здесь/ а-а/ одна дочка на Сахалине одна в Арсеньеве// Ну дети уже тоже все…/ У меня уже правнуки…/ **С.1.** Какая Вы богатая// **М.Д.** Да-а/ я боγатая/ и я насчет этого боγатая/ я γоворю/ я наверно в одном счастли́ва…/ Я во всём счастли́ва// Я считаю/ хоть и/ время было тяжёлое…/ Замуж я вышла очень молодой/ детей нарожала молодою// Дети повыросли/ повыучились/ работают/ здоровенькие слава Боγу/ не жалуются мне// Мне не жалуются/ может что-то и болит конечно/ потому шо уже тоже γода// Внуков мне нарожали// Теперь мои внуки уже…/ внуки все тоже хорошие/ не курят/ не пьют// Теперь мои внуки/ все γрамотные/ мне уже правнуков рожают// Вот у меня уже Танечка маленькая/ три месяца ей/ Илья/ уже пять лет…/ **С.1.** Это сколько правнуков? **М.Д.** Трое уже// Три правнучка/ Танечка…/ Два мальчика и девочка// Вот// И чё надо/ бабе для счастья? Мне кажется/ всё// <…>	Рассказ о человеке
Ну так вот// Щас вот/ ничего у меня нет/ раньше было хозяйство/ а теперь/ одна собака/ но она меня любит! И куры/ и всё// Oγород// Целое лето в oγороде// **С.1.** Уже убрали? **М.Д.** Можно сказать что убра́ла/ можно сказать что нет// Вот собралась ехать/ а у меня/ неубранная/ капуста/ репа/ и щас кукуруза/ еще зеленая/ убирать рано/ и я сказала/ всё равно поеду// <…>	Рассказ о себе
С.1. Спасибо Вам большое! **М.Д.** Не за что/ ученикоw тебе удачных! **С.1.** Спасибо!	Благодарность Пожелание

Приложение 2.

Воспоминание как компонент гипержанра «непринужденная беседа»

Т. (23 года), О. (24 года), Л. (23 года) – подруги.

Место записи – г. Владивосток, кафе; январь 2014 года.

Текст	Жанр
<…> **Л.** Я уже/ Олечке похвасталась/ просто сказали/ про диету/ у меня/ коллеги сделали подарок/ мне подарили мультиварку// **Т.** Ух ты/ молодцы! Ну как/ ты впечатлена? Ты/ рада? **Л.** Я теперь в ней готовлю/ всё-всё-всё/ у меня вот *(показывает фотографии)* пирог/ мясо/ овощи…/ <…> *(читают меню)* **Л.** Я так и не определилась/ что я хочу пить…/ **Т.** Кто хочет со мной чай? **О.** Я наверно да/ возьму/ чай…/ **Т.** *(обращается к О.)* А ты/ имей в виду// **О.** Да? **Т.** Кофе надо пить с пониженным давлением// **О.** Ну я пью/ да// **Т.** Не/ я вообще говорю// **О.** А кстати/ я читала/ что/ в зелёном чае больше…/ **Л.** Кофеина// **О.** …кофеина/ чем в кофе// **Т.** Но…/ но/ не в чёрном// **Л.** Там не кофеин/ там на «тэ» как-то называется…/ **Т.** Ну тоже…/ **Л.** …какая-то составляющая кофеина// Я же у нас тётя! *(показывает фотографию племянницы)* И мы растём// **Т.** М-м-м/ спит// **Л.** Спит// **Т.** Малюсенький ребёнок…/ **Л.** Это девочка// **Т.** Малюсенькая лялька// **Л.** Ну она/ у меня бывает что не только спит// *(показывает другую фотографию)* Я говорю/ вот это я утром/ я так же просыпаюсь в кровати и не хочу идти на работу// *(смеется)* **Т.** А это кто? **Л.** Это/ моя/ крёстная/ мама/ старшая сестра моей мамы// Старшая сестра моей мамы// Тоже Ольга// **Т.** Они похожи// **Л.** Ну конечно/ бабушка и внучка// Ребёнок такой…/ **Т.** Вообще// **Л.** Мне попа так нравится/ у неё прям…/	Беседа на общие темы

О. Ты сказала про попу я вспомнила/ в «Друзьях»/ это/ песня про попку/ помните/ пел/ Росс своей дочке/ у него когда родилась дочка.../	**Воспоминание**
Т. Ну я не помню саму песню/ я помню что он пел…/	**Воспоминание**
Л. У него по-моему сын был/ нет?	**Воспоминание**
О. Нет/ у него была дочка Эмма/ вы что/ я пересматриваю регулярно// **Л.** *(показывает другую фотографию)* А это папа этой ляльки// **О., Т.** *(одновременно)* О-ой/ маленькая какая! **Л.** *(возвращается к начатой ранее теме)* Мультиварка очень простая/ пароварка/ а ниже…/ вот этот вот котёл…/ **Т.** Я поняла// **Л.** …то есть/ вари что хочешь//	Беседа на общие темы
О. Лёлечка/ а какая фирма? **Л.** *(задумывается)* Господи…/ Фирма/ считается очень хорошей/ «Рэдмонт»…/ **О., Т.** А-а// **Л.** У меня на работе у четверых такие/ все довольны//	Информативный диалог
<…> **О.** *(замечает, что Т. замерзла)* Хочешь я тебе дам/ платок// **Т.** Да/ хочу/ спасибо// Когда-нибудь я себе куплю тоже такой платок// Так вкусно пахнет// **О.** «Ив Сен Лоран»// Благодаря лёшиному подарку// **Т.** А/ Лёша подарил? **О.** Ну он мне подарил карту/ вот/ и я…/ **Л.** Духи себе купила? **О.** Да// **Л.** Я просто не чувствую/ до меня не доходит…/ **Т.** Это платок пахнет// *(даёт Л. понюхать платок)* **Л.** Вкусные! **О.** Ну вот мне тоже очень понравилось/ я вообще шла за другими духами…/	Беседа на общие темы
Л. А много отдала? **О.** За духи? Ну они вообще стоили четыре/ и получается…/ ну/ я переплатила просто тысячу рублей/ с карты//	Информативный диалог
<…> **Л.** *(говорит Т.)* Тебе платок идёт/ мне нравится// **Т.** Да? Хорошо// Буду знать// *(отвлекается на телефонный звонок)*	Комплимент Благодарность
<…> **Л.** Духи вкусные…/ А ты где покупала? **О.** В «Иль де ботэ»// <…> Видишь ещё/ я пошла/ и в тот день была акция/ ты покупаешь/ на две тысячи рублей и тебе дают карту подарочную на пятьсот рублей/ вот/ и получается я купила/ за четыре тысячи рублей…./ **Л.** А ты когда ходила?	Информативный диалог Рассказ о недавних событиях

О. Ой/ это было/ по-моему на выходных после моего дня рождения/ то есть…/ **Л.** Моего ещё дня рождения не было// **О.** Да// Но там часто такое кажется/ так что…/ Вот// И получается мне дали две карточки на тысячу рублей/ и получается я себе купила/ ещё одни духи/ которые хотела купить/ за которыми я шла/ собственно говоря// **Л.** И какие ещё? **О.** Марк Джейкобс «Хани»// Они/ такие/ знаешь/ мне кажется я ими щас не пользуюсь/ ну и не буду/ потому что они больше такие/ весенне-летние/ там/ мё-ёд/ груша/ апельсин/ ну знаешь/ что-то полегче…/ А эти они такие тёплые/ там ваниль/ ну как бы такие согревающие больше// **Л.** А как ты их попробовала? **О.** А я пошла за вот этими/ за Марком Джейкобсом/ и остановилась возле стенда/ ко мне подошла девушка/ «мож вам помочь?»/ я говорю «ну вообще-то я/ ну/ вот за этими духами»/ и тут она говорит «ну они/ грит/ весенне-летние/ ну/ не зимний аромат/ давайте я дам…/ дам попробовать другие»// Там одни другие третьи дала/ и потом вот Ив Сен Лоран/ «вот говорит новые вышли/ «Манифесто»/ давайте говорит ещё эти попробуем»/ я «ну давайте»/ и там прям вообще/ я говорю «ой вот это классный аромат»/ вот/ я короче сначала купила их/ а потом уже/ эти карточки ещё не действовали которые мне дали/ потом вот вернулась/ через несколько дней/ купила ещё вот эти Марк Джейкобс/ за которыми я шла собственно говоря//	Рассказ о недавних событиях
Т. *(заканчивает телефонный разговор)* Ты в смысле себе двое купила? **О.** Да// **Т.** Про Марка Джейкобса я не знаю// **О.** Так вот/ они «Хани» называются/ у них ещё такая…/ такой флакон оригинальный/ прозрачный с такими как/ пятнышками белыми и такие две такие пчёлки сидят одна на…/ **Т.** А-а/ я видела! Да// **О.** Есть такие/ как под божью коровку сделаны красные с чёрным/ но они/ тяжёлые/ знаешь мне кажется/ для меня/ а эти/ ну такие/ лёгкие// **Т.** Ты вообще продума́н/ в духах/ я вообще не разбираюсь/ я там знаю несколько…/ **Л.** У меня двое просто щас есть/ однозначно/ у меня еще несколько бутылочек стоит которыми я не пользуюсь/ у меня «Леопард Кензо» и «Арманд Баси» стоит// Кензо это…/ Ой/ господи/ «Кензо» раньше/ «Лакост»!	Беседа на общие темы
Это у Нечаевой были раньше…/ ***(вспоминает об общей подруге)***	**Воспоминание**

О. А я как-то не знаю/ мне кажется тоже раньше/ менее продуманной была в этом плане/ а сейчас/ может с возрастом/ я стала различать/ зимние духи/ знаешь/ летние духи…/ **Т.** Нет/ я не сказать что я не ощущаю/ я просто как бы в марках не разбираюсь/ то есть я/ ну/ знаю некоторые марки/ и как бы…/ Ну скажем так/ запах я чувствую/ но в марках не разбираюсь просто// Я вот поняла что у меня давно не было таких духов/ прям полностью мне подходящих// <…> Мне больше нравятся когда и цитрусовые/ и фруктовые/ какие-то такие// **О.** Знаешь какие мне нравились/ тот прям цитрусовый/ я хочу себе на лето ещё такие купить/ «Амор Амор Саммер»// Они/ такой оранжевый флакон/ прям это/ они прям цитрусовые/ они очень лёгкие// Потом/ у меня тоже/ от духов от тяжёлых постоянно как бы голова болит/ всё/ а от этих вообще/ они очень легко…/ **Т.** У меня мама любит/ ну/ ей нравятся ароматы потяжелее чем мне/ явно/ намного тяжелее/ но еще ей нравится/ как/ ну/ вы знаете/ называется «запах свежести»//	Беседа на общие темы
Я в детстве никогда не могла понять/ ну почему «свежести»? Ну для меня это не свежесть// Ну/ это травянистые такие/ оттенки// **Видимо я это воспринимала/ это же просто название/ да/ определённых ноток в духах/ для меня это было не свежесть/ я всегда говорила/ «мама/ ну какая свежесть?»**	**Воспоминание**
Л. А мне вот нравятся ароматы зелёного чая/ бамбука…/ **Т.** Знаешь/ какие мне понравились очень духи/ вот у «Ив Роше» есть всякие «Зелёный чай»/ «Бамбук»/ и у них очень классные духи «Вербена»/ вот из этой серии// **Л.** Вербера? **Т.** Вербена// **Л.** Вербена? **Т.** Да//	Беседа на общие темы
Помнишь/ всё в этом/ вербена…/ ***(вспоминает сериал, где часто упоминалась вербена)*** **О.** Угу// Да// **Т. Так вот/ я когда увидела/ думаю/ «ну понюхаю/ что это такое»/ оказалось так вкусно пахнет…/**	**Воспоминание**
О. Надо будет мне попробовать там посмотреть/ что это за аромат// **Т.** И там такие зелёные/ высокие/ ну/ коробочки в них/ ёмкости/ вот эти с духами…/ И у них есть там «Бамбук»/ «Зелёный чай»…/ **Л.** «Бамбук» я пробовала// Он у меня есть дома// **Т.** …а есть «Вербена»//	Беседа на общие темы
Я помню в школе вот у меня был «Бамбук» и мне очень нравился//	**Воспоминание**
О. А у меня/ был «Зелёный чай» в школе/ там тоже/ зелёный флакон/ мне очень нравились/ ну/ они такие свеженькие//	**Воспоминание**

Ну это же по-моему/ ну/ туалетная вода просто/ они/ не очень стойкие// **Т.** Да/ они не стойкие/ но мне кажется для подростка/ например/ самое то// **Л.** Я у нас всегда подросток// **Т.** Я тоже//	Беседа на общие темы
Я сегодня стояла/ на остановке очень долго/ больше получаса…/ **О.** Где? **Т.** Ну на Русском/ ждала двадцать девятый/ чтоб сюда приехать/ думаю/ «сэкономлю-ка я время»// Угу/ сэкономила// Вот// И там…/ Ну/ сегодня очень тепло/ и на земле/ валялись эти мои любимые собаки/ которых мне всегда жалко// Они спали/ их было три/ две такие молодые-премолодые/ и одна постарше/ может это их мама// Ну как бы те/ выросли/ такие годовалые где-то// Какие они смешные! Спят/ прижавшись друг к другу/ одна/ другой на морду положила ногу/ та хоть бы проснулась/ так и спали/ с ногой на голове// Потом короче они проснулись/ видимо/ подошло время когда выходит…/ выходят люди на остановку и видимо их кто-то кормит/ потому что я потом увидела что женщина вынесла еду/ ну мне кажется разные люди периодически их кормят/ просто заканчивается рабочий день вот этот стандартный/ в пять часов// Ну/ пятый час был/ даже ещё пяти не было// И-и/ они проснулись/ стали ходить/ и стали/ короче эти две…/ две спали отдельно/ которые молодые/ они стали эту мамашу допекать// Она от них ушла/ они за ней// И давай/ знаете/ выкатываться/ в земле/ как коты-ы так делают/ кверху брю-юхом/ и потя-ягиваются…/ там так смешно/ и та-ак/ и та-ак/ одна лежит вот в такой позе и лежит…/ Ну они такие смешные/ я хотела сфотать/ не успела/ потому что пришла эта тётка с едой/ и они к ней ринулись// И я так умилялась//	Рассказ о недавних событиях
Л. Жалко их// **О.** Ну щас/ скоро…/ **Т.** Потеплеет// **О.** …лето/ да// **Т.** Они худые конечно/ но не совсем замученные/ и/ вид у них/ вот/ не несчастный/ конечно их жалко/ но их видимо подкармливают// Ну/ как бы/ посмотришь так вроде бы они весёлые/ ну/ я постоянно если их вижу то кто-нибудь их кормит на остановке// В принципе/ я вообще такой человек/ к этому всему неравнодушна//	Беседа на общие темы
<…> **О.** Лёля/ ты же математик! **Л.** *(смеется)* Да ладно/ я/ математик? **О.** Ну/ в смысле/ ну ты экономист/ ты считать умеешь// Вчера/ позвонила моя тётя с просьбой помочь решить задачу для племянницы/ четвёртый класс…/	Рассказ о недавних событиях

Т. В прошлый раз/ я помню/ твоя задача ничего не имела общего/ с математикой…/	**Воспоминание**
Л. Четвёртый класс// **О.** Короче/ тема такая/ ты мне хотя бы принцип/ какой// Стоят мужик и собака/ да/ мужик пошёл/ прошёл/ ой/ четыреста метров/ собака побежала за ним// Известна скорость мужика/ семьдесят метров в минуту// Известна скорость собаки/ сто пятьдесят метров в минуту// Вопрос/ через сколько минут собака догонит мужика// **Т.** Не/ ну это же классическая задача/ из пункта А в пункт Б вышли два пешехода…/ **О.** Да-а/ но я поняла что я не помню как решать такую задачу! Т. Я тоже// *(смеется)* **О.** Я/ решала решала/ говорю/ «я не могу»// Я поняла что…/ **Л.** Ну нужна ручка…/ **О.** У меня/ нет// **Л.** Там высчитывается всё просто/ там высчитывается на каком расстоянии/ или во сколько раз быстрее собака движется/ чем человек…/ **О.** Ну/ если мы посчитаем во сколько раз она быстрее движется…/ **Л.** Ну/ в два раза/ ну они в районе…/ **Т.** А тебе что нужно посчитать? **О.** Через сколько минут собака догонит мужика// **Л.** А на сколько раньше он вышел? **О.** Там не сказано на сколько раньше/ он/ прошёл четыреста метров/ и она побежала// **Л.** И она побежала за ним// Вот видишь/ тут вопрос на самом деле филологии/ как сформулирована задача/ если сказано что он уже прошёл/ и она побежала/ то он уже стоит на месте// **О.** Не-ет/ в смысле/ он идёт/ как бы/ просто она побежала его догонять// **Л.** На каком моменте? **О.** Когда он прошёл уже четыреста метров// **Л.** Четыреста метров// **Т.** Он идёт/ она сидит/ а потом она/ «ой/ он ушёл!»// **О.** «Он же уже ушёл»// Да// **Л.** Сто пятьдесят…/ **О.** Нет/ смотри/ у неё скорость…/ у него семьдесят…/ **Т.** Значит нужно посчитать сколько…/ **Л.** Две минуты/ она где-то будет его догонять/ две с половиной она будет его догонять/ за две с половиной минуты этот человек/ за семьдесят километров в час он пройдёт ещё рас…/ **Т.** Там сказана его скорость/ семьдесят метров в минуту// **Л.** Ну/ Оля/ больше пяти минут// **О.** Ну я просто сказала/ «решайте сами»// **Т.** *(смеется)*	Информативный диалог

Л. Короче по идее/ теоретически/ тебе нужно посчитать сколько он пройдёт за определённое время/ и сколько она/ если он уже прошёл четыреста метров/ ты считаешь/ за сколько времени собака преодолеет четыреста метров/ потом смотришь сколько времени прошло для её преодоления/ считаешь сколько мужик за это время прошёл…/ **О.** Ну он-то/ если она пробежит/ это расстояние/ ещё пройдёт…/ **Л.** Вот/ я тебе о чём и говорю/ пока/ она бежала/ ты считаешь сколько там/ две с половиной минуты/ я вот прикинула/ то есть прибавляются еще две с половиной минуты/ ещё там…/ и ещё это же расстояние смотришь…/ **О.** Ну вот я пробовала так/ у меня чё-то ничё не получилось…/ Короче/ я сказала/ чтобы ко мне обращались только с русским языком и литературой/ ну максимум с историей//	
Л. Ну ничё/ я к тебе обращалась/ с сестрой…/ ***(вспоминает о том, как обращалась с просьбой помочь сестре)*** **Т.** А зачем? **Л. У сестры было задание по русскому языку…/**	**Воспоминание**
Т. А/ я думала по математике// Я вообще профан в русском языке/ я недавно поняла что я все правила забыла// И я забыла таблицу умножения// **Л.** Таблицу умножения/ я скачала себе программу/ на телефон/ там на скорость/ и я сижу/ тренируюсь//	Беседа на общие темы
Т. Я ещё помню как я её учила//	**Воспоминание**
О. Угу/ я тоже помню хорошо//	**Воспоминание**
Т. Причём я выучила всё/ а на девять мне уже там лень было учить/ я помню девять это была каторга учить// **Л.** А девять если ты всё выучила/ у тебя остаётся только девять на девять/ и всё// **Т.** Девочки/ вы думаете я учила так? **Я учила как считалочку/** и до сих пор/ вы думаете…/ Ну конечно я понимаю почему так/ по это потом в моём мозгу срослось/ а **во втором классе у меня была считалочка/ так же как я свой/ телефон выучила//**	**Воспоминание**
О. А для меня/ я помню/ я хорошо выучила до шести/ и на девять/ ну/ хорошо/ а вот семь и восемь это была для меня проблема/ я помню я сидела на кухне и плакала…/	**Воспоминание**
Т. *(проливает чай на платье)* М-м-м// Новое платье/ первый раз платье надела// **О.** Обновила// Т. Хорошо/ на тёмную клеточку попало// **Я вспомнила как…/** Вообще/ вот Нечаева бы сейчас вообще не удивилась ни разу// **О.** М-м? Что Нечаева? **Т.** Щас бы не удивилась тому что я что-то пролила/ потому что/ ну/ как бы/ **я же с ней жила/ и она была свидетелем/ я каждый раз/ когда я ем/ я всё проливаю//** *(смеется)* <…>	**Воспоминание**

Приложение 3.

Тематическая организация воспоминания–диалогического нарратива

А.А. – Анна Александровна, пенсионерка, 83 года.

В. – внучка А.А., аспирант-филолог, 23 года, жительница г. Владивостока.

Место записи – п. Реттиховка Черниговского района Приморского края; июль 2013 года.

Текст	Тема	Гипертема
А.А. Ты γоворила/ что про Реттихowку тебе надо…/ **В.** Да/ расскажи/ как Реттиховка развивалась/ какие предприятия были здесь// **А.А.** Ну/ начнём…/ де-то с конца девятнадцатого века/ ну это по рассказам конечно/ старых-престарых людей и очень давно/ после/ того события я родилась де-то токо через сорок лет поэтому я с рассказов людей/ во-от// Почему называется Реттихowка/ потому что в Буянках де-то поселился/ какой-то ученый/ фамилия его бы́ла Артюх/ Артюхов…/ **В.** Ты неправильно рассказываешь// **А.А.** Почему? **В.** Ну потому что это неправда/ я знаю историю/ он не был ученым/ он был военным/ и занимался переселением крестьян из Украины на Дальний Восток…/ **А.А.** Вот/ и для меня он был ученым// **В.** …и он был не Артюхов/ фамилия его была Ре́ттих/ между прочим…/ **А.А.** Или Ре́ттих/ да? **В.** …ну никак не Артюхов// **А.А.** Ну вот по…/ поэтому я тебе и γоворю/ что через сорок лет/ почти/ токо роди́лась/ вот/ я моγла забыть/ потому что это очень давно/ я это слыхала/ я это рассказываю своими словами/ шо это был такой человек/ ну то шо ты меня поправила хорошо/ но я всё равно потом/ забуду/ и буду помнить и рассказывать по-своему// Во-от// Так// Это немножко ты меня перебила// Он поселился в Буянках/ и потом значить раз в Буянках/ он наверно тут обследовал все эти/ местности/ и облюбовал Реттихowку// Нашу красавицу Реттихowку//	«Основатель Реттиховки»	«История и быт села»

Реттихowка она стоит/ как в сопках/ в сопках/ вот даже и ты сама видишь/ вкрyговую сопки/ а она вроде как в низинé/ о// Она защищёна вот от ветра/ от разных бурь/ от всего// Аγа//	«Сопки»	
Хотя кое-какие события/ были/ это я позже расскажу/ в Реттихowке/ такие вот знаешь/ приключения/ наводнение было сильное/ даже на лодках плавали// Вот//	«Наводнение»	
Значить/ красивы сопки// Сопки эти называются/ назывались в то время/ щас не знаю/ может чё переделали/ сопки Сихотэ-Алинь/ китайские названия/ потому шо раньше када-то тут преобладали китайцы// Так рассказывали// Во-от//	«Сопки»	
И/ внутри этого села/ ну в общем село это назвали в честь того/ человека вот который поселился/ ну может там переделали/ не Артюхов/ а как-то чуть-чуть по-другому/ но назвали в честь его Рет-ти-хowка/ с двумя «тэ»/ она пишется Реттихowка с двумя «тэ»//	«Название села»	
Значить/ и всего расстояние/ вот допустим в ширину де-то примерно килóметра два/ вот та улица у нас/ Увальная/ и вот эта Железнодорожная/ вся Реттихowка// Во-от// Длинной конечно она продолжается килóметра четыре/ а в ширину она вот эти вот две улицы и всё//	«Улицы»	
И посредине протекала/ када-то протекала река/ хорошая река// Бассейн был/ мы тада дети/ этот бассейн за это вот/ перекрывали/ и делали γромадный γромадный γлубокий бассейн/ мы в основном вот скоко я в детстве помню/ мы дети с того бассейна не вылазили// Как свободна минута/ так значить и в бассейн// Во-от//	«Река и бассейн»	
Ну в общем/ в каком-то γоду/ это де-то уже наши родители сюда/ моя значить прабабушка со своими сыновьями в десятом/ папе моему уже было десять лет/ дедушка Иγнат вот уже был женатый на бабушке/ вот/ и переселились в Реттихowку//	«Переселение семьи»	«Предки и родословная»
Жили единолично/ и корчевали/ лес/ лес эти вот дубы столетние/ всё/ корчевали/ γотовили себе каждый/ значить/ а уже здесь было/ рассказывала мама γоворила шо были/ жил какой-то очень боγатый зажиточный/ потом в	«Единоличное хозяйство»	«История и быт села»

тридцать каком-то ɣоду его раскулачили вообще отсюда выɣнали/ с Реттихowки// Жили единолично/ всё/		
вот я знаю/ своего дедушку я не помню/ потому шо папе было де-то лет пятнадцать-шестнадцать дедушка умер/ де-то ему около сорока лет было он уже/ он был надорванный/ изработанный/ а дедушкиных братьев я знаю/ дедушку Васыля́/ дедушку Миколу/ Николая/ аɣа// Я их видела/ они были/ де-то им не было по сорок лет они были сɣорбленные старики/ так они тяжело мантулили//	«Дедушкины братья»	«Рассказчик и его семья»
Ну де-то в двадцатых ɣодах построили уже школу/ тут/	«Школа»	«История и быт села»
уже Советская власть была/ но ищо в таких это/ может ɣде-то свои порядки уже Советская власть там наводила/ но в Реттихowке жили де-то до тридцать второɣо ɣода жили единолично/ каждый занимался своим делом/	«Единоличное хозяйство»	
папа/ папин брат/ дядя Петя/ они охотники были/ тут же была непроходимая тайɣа/ я уже помню/ и зюбрей папа бил/ всё это де-то в тридцать каких-то ɣодах/	«Охотники»	«Рассказчик и его семья»
и-и/ де-то в двадцатых ɣодах построили школу/ дети…/ но токо четыре класса/ до четырех классов/ вот/ и так как всех надо было/ в советское время/ ну как/ Ленин значит такой клич/ дал/ что/ учиться/ учиться/ но четыре класса это считались очень ɣрамотные люди/ аɣа//	«Школа»	«История и быт села»
Даже бабушка рассказывала шо у их на Украине/ аɣа/ буw [был] в йихнем селе/ это/ как же он назывался/ село/ ну деревня ихня/ и был одын ɣрамотей/ он моɣ писать письма/ дэ шо надо было написать дэ что/ и все шли до этоɣо ɣрамотея/ ну может у этого ɣрамотея был один или два класса/ или шо-нибудь//	«Грамотей»	«Предки и родословная»
Так что и мы/ ходили здесь в школу/ аɣа/ и дети ходили/ плохо одеты/ босиком/ уже я в тридцать каком-то восьмом ɣоду пошла в первый класс/ я помню одевались/ пацаны все в батьковых/ старых телоɣрейках/ драных/ идут/ рукава по полу это/ но всё равно мы были счастливые советские люди/ дети верней/ аɣа/ и даже/ я хорошо помню с первого класса/ стихотворение/ «мы дети колхозов и пашен/ нам	«Ободранное детство»	«Рассказчик и его семья»

наша дорογа ясна/ за детство счастливое наше/ спасибо/ родная страна»/ вот такое было наше детство/ ободранное/ но мы действительно были счастли́вы/ были счастливые//		
Позже мы вступали в комсомол/ уже позже када мне было де-то лет пятнадцать/ аγа/ нас тут парторх/ Колька/ ну это я вперёд забежала конечно/ Колька Ивченко возил в Черниγowку/ и мы там/ в райкоме комсомола вступали в колхоз/ он нас подучил/ сказал/ мы клялись всё отдать за советскую родину и если понадобится/ потребуется/ даже и жизнь//	«Вступление в комсомол»	
И между прочим я и сейчас/ мне восемьсят два γода я осталась при своём мнении/ всё за свою/ уже как за Россию/ уже не за Советский Союз/ Советский союз прозевали/ вот/ а за Россию б я отдала бы и жизнь и сейчас/ вот/ я свои слова назад не беру/ ту клятву/ вот/ потому шо мы были советские счастливые дети/ во/ в школу мы беγали босы/ вот/ позже я помню нам/ покупали/ всем/ детя́м/ привозили сюда/ не маγазин а лавка называлась/ в лавку ботиночки/ все как-то/ разорились родители/ все своим детя́м покупали ботиночки/ но эти ботиночки мы када в школу нес…/ бежали/ мы на плечах йих это/ а бежали босиком/ аγа/ а уже перед школой мы обувались/ уже в школу заходили в ботинках/ счастливы́/ жизнерадостны/ уγу// И так же само со школы/ вышли/ ботинки значить на плечо и пошёл// Аγа// И даже один раз выпал снеγ/ я уже ботинки не сняла/ аγа/ и хоть и жалко было по снеγу́/ а пацаны/ босиком/ поснимали ботинки/ босиком// Вот это мы были дети колхозов и пашен//	«Ботиночки»	
Открылась школа/ открылась/ открылись в двадцатых γодах кое-какие лавки/ и даже открылся/ медпункт/ такой медпунктик/ и нам давали по…/ какие-то порошочки/ вот шо-то заболит/ идем/ и в бумажечках заворачивали порошочки// Мама так как она очень/ такая знаешь/ ну как я/ впредь рассказывала/ шо она с боγатого роду/ шо она воспитанная всё/ то она γоворила/ шо в этих порошочках они насыпают муку/ вот муки всыпет там полнапёрсточка и там/ завернёт/ как этим вот/ и	«Медпункт»	«История и быт села»

всё/ и выдавали больным значить/ «нате вам порошочки»…/ **В.** А зачем? **А.А.** …больные пьют и поправляются// Думали шо/ это всё оно/ так и надо//		
Потом/ сельсовет/ де-то/ ну сельсовет уже в тридцатых ɣодах де-то/ стал//	«Сельсовет»	
И это ж вот эти вот сопки/ ты конечно не застала скалу/ её уже/ открылся тут/ ну это позже/ я скажу потом в каких ɣодах открыли щебеночный завод/ и нашу красавицу/ я потом тебе покажу…/ **В.** Где она была/ да? **А.А.** …вот эти вот сопки/ сопки/ аɣа/ и вот знаешь построили эту мачту/ шо по телефону вот/ там на сопке/ так дальше красовалась красивая скала/ мы туда и детьми беɣали/ и-и/ дewки/ парни/ беɣали туда/ ɣулять/ высоченная скала под небеса/ но её тада значить/ всю эту/ всё это со временем это убрали//	«Сопки и скала»	
Дорох как таковых вот сейчас не было в Реттихowке/ а были лесные тропы/ твоя мама еще помнит/ потому шо в основном/ она родилась в песят четвертом/ росла/ то вот этих/ не было// *(о диктофоне)* А/ я думаю/ шо это такое// Не было разрезов/ не было такого это/ еще мы по дороɣе не ходили/ а ходили по красивым тропкам// Во-от//	«Лесные тропы»	
Всё было выкошено/ мужики косили/ для скота/ было мноɣо очень скота/ идёт череда/ ну череда это/ как/ ну/ мноɣо корow/ называлось/ ɣоны́ корову в чэ́рэду/ вот/ или корова идет с череды// Аɣа// И все мужики косили сено/ выкошено было все/ вот как ты сейчас идёшь круɣом трава круɣом заросли/ а тада всё было круɣом чистота/ порядок/ красиво/ вот/ не было вот этих разных/ вот/ мусоров/ разных пластмассовых бутылок мы их в ɣлаза не видели/ не было вот этих/ эти вот мешочки целофановы/ ничё/ круɣом была чистота//	«Чистота в селе»	
Ну вот де-то в тридцатых ɣодах/ де-то/ в тридцать первом/ в тридцать втором/ в основном в Реттихowке шло раскулачивание// Во-от// Ну вот сильно боɣатей тут был/ к нему даже нанимались люди на работу/ его вообще де-то выɣнали/ а может де и расстреляли/ во/ коммунисты// А/ остальных/ таких вот середнякow/	«Раскулачивание»	

моих родителей/ мою бабушку/ моих двух дядей/ раскулачили/ забрали выγребли всё/ всё шо моγли/ мне было два γодика/ я была пятая в семье/ самая маленькая/ во-от// Ну и/ раскулачили/ позабрали все эти заимки/		
в колхоз/ открылся колхоз/ и всех поγнали работать в колхоз/ вот идите и работайте/ работали/ за палочки…/ **В.** За трудодни/ да? **А.А.** За трудодень// Вот проработал день/ аγа/ бриγадир идет значит вымеряет/ там мужики косят/ бабы по́лят/ там/ девки там парни/ хто шо/ хто шо/ хто куды приставлен/ вымеряет/ всэ/ и ставит/ кому одну палочку/ кому две// Я знаю шо папа када два трудодня ему ставили/ он приходил жизнерадостный/ довольный/ два трудодня заработал/ хотя на эти трудодни/ давали пшик/ какой урожай будет// Всё надо/ колхоз должен был сдать/ γосударству/ потому что очень мноγо было разных партийных этих/ в γородах/ вплоть до министерства/ и все они жрать хотели// А на их должен хто-то был работать/ у их были сынки/ дочки/ всё это/ в γородах/ не садили/ а исть-то шо-то…./	«Колхоз»	
И вот в таких деревнях/ их мноγо этих поселкоw/ переселенцев очень мноγо с Украины но они ж не все в Реттихowку// Вот в Реттихowку только вот/ Войдиловы/ Затирки/ Дубинские/ ну несколько может семей десять токо/ приехало/ аγа// А/ то все/ и в Халкидоне/ и в Дмитриwке/ и в Черниγowке/ в Сибирцево/ всё переселенцы/ Столыпин заселил весь Дальний Восток/ и с Укра́ины/ и с Белоруссии/ Вассияноwка/ вот/ рядом соседская наша/ населёна литвина́ми/ так и γоворили/ шо там одни литвины́/ а откуда они/ Оля/ или с Литвы или с Латвии/ но у них особенный был разγовор/ не такой как…/ Мы в основном по-хохлацки/ по-укра́ински/ щебетали/ а они/ у их/ «ча-γо та-бе»/ аγа/ вот такие какие-то/ знаешь вот/ «ты ку-да пай-шёв»// Шо-то какие-то у их такие вот/ не по-украински//	«Переселенцы»	
Поэтому/ все эти это/ везде эти были колхозы и все сдавали γосударству/ а уже людям/ на эти трудодни/ давали сущие копейки//	«Колхоз»	

Ну мы держали конечно и корову/ сначала када раскулачили/ вывели всё у нас/ коня/ аγа/ Рябчика/ я-то маленька была не помню/ старший брат/ дядь Боря/ γоворил/ шо коня звали Рябчик// Во// Коня/ две коровы/ весь хлеб/ все заимки/ всё-всё-всё//	«Хозяйство семьи»	«Рассказчик и его семья»
Папин брат/ дядь Миша/ вот/ вот эти dewки так ихний дедушка/ нет/ это уже ихний прадедушка/ умер с γолоду/ вот такие работящие люди все умирали с γолоду// **В.** Да почему/ дедушка// **А.А.** А? **В.** Дедушка// Он же был отцом дяди Миши…/ **А.А.** Отцом дяди Миши// Ихний дедушка// **В.** …а это его дочки// **А.А.** Ихний/ вот// **В.** Ну/ я и говорю// **А.А.** Дядь Миша это ихний отец/ а…/ **В.** Тот дядь Миша это их дедушка// **А.А.** …тот дядь Миша то ихний дедушка/ вот которые тут живут у нас вот щас…/ **В.** Да-да-да// **А.А.** Соседи// **В.**Ну не прадедушка/ никак// **А.А.** Нет нет не прадедушка/ ихний дедушка умер с γолоду/ он кстати мой крёстный был// Хотя я его не помню/ он умер в тридцать третьем γоду// Во//	«Дядя Миша»	
Вот так вот мы и работали// Мы были комсомольцами/ днём/ я например поступила в шестнадцать лет было/ я поступила кассиром на станцию/ по блату/ меня взяли/ потому шо…/ Налоγи/ тада еще было послевоенное время/ налоγи были большие/ папа один заработать на всю се́мью/ после меня ещё ж трое родилось! Восемь человек в семье/ хотя старшие уже были определённые// Денеγ не хватало/ папиной зарплаты было только на налоγи/ а уже де-то на хлеб на это не было/ поэтому папа по блату/ меня устроил кассиром на станцию/ хотя этого делать нельзя было/ я была несовершеннолетняя/ какой я кассир? Ну работала// Днём мы работали/ комсомольцы работали на производствах/ хто де/ многο в воинскую часть пошли молодежь/ тоже несовершеннолетние/ а ночью мы шли/ де-то с вечера/ и часов до пяти утра/	«Работа»	

шли работали/ веяли хлеб в колхозе/ такие/ это бесплатно/ это мы комсомольцы/ мы/ нас писали в γазетах/ мы были довольные/ ты что/ меня в γазету написали/ словом/ мы были счастливы// Шо детство вот это вот/ бассейн/ скала/ школа/ беγали/ всё это/ всё-всё мы это//		
Между прочим вот хочу/ помню/ када я училась в первом во втором классе/ в третьем в четвёртом уже шла война/ но всё равно у нас этот урок был/ щас наверно нету его/ или есть/ военное дело/ у нас был военрук и γонял нас/ мы и по-пластунски ползали/ и как мы токо не это/ у нас военрук вёл военное дело/ перед войной//	«Военное дело»	
Ну вот/ ну а потом значить/ вот так мы и жили/ вот так мы и работали/ до сорок первоγо γода// Ну/ в сорок первом γоду/ ну что/ теперь вот начнем про Реттихowку/ как/ выжимали все соки с неё/ это я просто рассказала тебе о своём детстве/ о своей юности/ такая у нас была юность/ аγа/ dewки парни ходили/ в латаных штанах/ по это…/ Верка моя подруγа на всю спину́ латка/ мама такое платье/ а оно выγорело/ а латка-то но́ва лежала/ мама ей пришпандорила/ на спине латку γромадную/ беγали γуляли/ такие счастливые/ аγа/ женихи за нами γонялись//	«Юность»	
Ну в сорок первом конечно это еще/ мне десять лет када было/ у нас/ почему-то/ открыли леспромхоз/ и-и…/ **В.** Прям в сорок первом? **А.А.** До сорок первово γода/ де-то даже наверно в сороковом/ почему-то открыли/ леспромхоз/	«Леспромхоз»	«История и быт села»
и стали заγотавливать/ лесочурку/ ты не знаешь/ что это такое// **В.** Что это? Нет// **А.А.** Я тебе объясню// аγа// Лесочурка/ это вот валили/ ещё успели мужики/ ещё/ которые/ они еще дома были// Или в сорок первом весной/ ну я знаю шо открылся леспромхоз// Для какой цели это делалось всё/ нихто не знал/ токо γоворили туда между прочим и женщины/ ну всю войну женщины на этой лесочурке работали/ во-от/ а-а/ это значить еще навалили лес мужики/ и/ на чурки их/ распиливали/ и тут же вскоре началась война	«Лесочурка»	

значить/ всех баб подростков всех на лесочурку// Это вот для чего/ распиливали вот на такие чурки/ так/ для подкладок/ на платформы γрузили с заводов пушки пулеметы/ на фронт// А как постaw ты вот/ вот она те платформа и ты постaw пушку и отпраw/ де пушка эта будет? Под откосом! А эти чурки вот допустим прибивали/ вот допустим грузят/ пушки/ вот одна чурка/ тут колесо/ вот другa чурка/ эту чурку/ значить/ прибивают/ с этой стороны и с…/ ну/ заднее колесо до пушки/ или до пул…/ ну у пулемета там два колеса/ а пушка-то она это// Аγа// И уже ни туда ни сюда/ γрузили отправляли// И вот этот леспромхоз/ повыпилил/ вот там вот де скала/ вот туда вниз/ полтайγи! **В.** Всё на эти чурки? **А.А.** Всё на это// Лесочурка// Это называлось лесочурка// Вам конечно это непонятно/ что…/ **В.** Ну это столько леса извели на эти штуки/ другого ничего они не могли подкладывать? **А.А.** А что подкладывать? Ну-ка дай/ ну-ка предлож/ сделай/ рационализаторское предложение! **В.** Ну я не знаю…/ **А.А.** А что? Камень? **В.** Ну да// **А.А.** А ты камень прибьешь до платформы/ до железа/ до железа вот…/ **В.** Ну не камень/ резину какую-нибудь//		
А.А. А де резина? Тада надо было строить резиновый завод/ а всё/ переделали/ все заводы все фабрики/ всё/ шо/ выпускало там де-то каку-то обувные там/ платяные/ те се/ аγа// Всё на чё переделали? **В.** На военные// **А.А.** Переделали на/ на снаряды/ на γранаты/ на бомбы/ всё всё всё// **В.** Не/ ну понятно// **А.А.** Везде были военные заводы/ даже делалось/ вот по Сибири/ рассказывали/ дед он же сибиряк/ шо/ делали вот допустим/ закладывают завод/ и еще под открытым небом/ еще дождь шпарит/ еще снеγ/ а уже станки ставят/ и выпускают это/ такая война/ ты что!	«Военные заводы»	«Масштабные исторические события»

Вот и в Реттихowке значить/ открыли вот это вот леспромхоз этот// Ну туда конечно пошли работать женщины и подростки/	«Леспромхоз»	«История и быт села»
я туда не попала/ када началась война я даже еще и в колхоз не попала/ а уже в сорок третьем γоду/ я ведь ветеран/ это/ труженик тыла/ считаюсь/ мне и к пенсии добавляют/ всё как труженик тыла/ значить/ в великую отечественную войну// Дед он наγражден за доблестный труд в γоды войны/ а я просто труженик тыла считаюсь// Уγу//	«Труженик тыла»	«Рассказчик и его семья»
Ну а потом забеγу наперед/ када токо кончилась война/ закрыли леспромхоз/ и война кончилась девятого мая/ а в начале авγуста/ значить/ стали воевать с Японией/ но за это время/ значить/ всё вот это стояло/ все бараки/ там же люди жили/ все бараки/ всё/ и тут же/ война допустим на́чалась сёдня/ и де-то через несколько дней поγнали пленных/ и поγнали именно мимо нас/ и поγнали/ сюда на место этого леспромхоза/ в эти бараки/ соγнали/ так шо леспромхоз/ приγодился/ ещё и после/ войны//	«Бараки для пленных»	«История и быт села»
Ну и тут же значить сразу после/ войны/ война значить/ с Японией кончилась и/ опять же стали/ делать/ два предприятия/ и обои военные/ почему-то военные/ нарно потому шо ишо не все/ γражданских γде набрать/ γраждаенские пошли в колхозы/ на каки-то заводы/ а военные/ значить/ открылся военлесхоз/ это был леспромхоз/ лесное промышленное хозяйство/ а это военлесхоз/ военное лесное хозяйство/ открылось/ вот эта улица/ здесь/ вот как с сопочки от нас вот идёшь и вот идти туда на базу/ вот это всё всё всё/ тут опять стали строить бараки/ стали это/ наγнали военных/ открыли/ значить/ *(нрзб)* и стали заγотавливать/ не знаю я для чего/ но/ почему-то двухметровые/ дрова// И када я уже работала на станции приемосдатчиком/ тут же/ де-то шестнадцатилетня/ то так мы и писали наименование γруза/ дрова/ для чего/ кому нужны были эти дрова двухметровые я не знаю//	«Военлесхоз»	
И тут же/ тут же открыли/ вот как/ ты поездом ехала/ видала второй мост/ γромадный/ там в конце села…/ **В.** Да чё-то я не помню/ если честно//	«ЛЗУ»	

А.А. Ты не помнишь// И там значить опять же разделали это/ и там же построили ЛЗУ/ лесозаγотовительный участок// В общем за…/ и это лес/ и это// И значить всю войну леспромхоз этот выпиливал/ Реттихowку/ и-и/ военлесхоз/ выпиливал/ те в одном месте эти в другом/ а ЛЗУ этот лесозаγотовительный участок/ эти уже пилили/ γромадные/ γромадные эти кедры/ кедры вот эти вот/ сосны/ вот как вот во дворе вот у этих/ γромадные столетние/ и γрузили на платформы/ и де-то де-то и очень долγо это ЛЗУ выпилило/ выпилило де что токо моγли/ вот//		
Вот эти вот все предприятия/ были// Это всё делали/ для построек/ послевоенное же время/ а скоко разбомбили разбили поломали/ надо было строить/ вот с бедной Реттихowки нашей тянули жилы/ тянули вот эту вот всю нашу тайγу/ зверьё всё наше поубеγало/ охот…/ охотиться неγде было/ но Петя брат/ еще ставил петли на зайцew/ о/ вот то еще заяц мох попасть в петлю/ а так/ уже/ всё-всё де-то куда-то в γлуб/ не знаю/ де/ де была γлуб…/ Ну сейчас-то уже всё/ вывели/ повыпилили/ всё// Ну всё вот это вот заγотавливали/ всё это до тыщу девятьсот песят девятоγо γода/ о//	«Истребление тайги»	
И в песят девятом γоду/ в апреле месяце/ вот это самый γлавный/ раз…/ открылся γγольный разрез// Вот это уже сожрал всё всё шо мох/ заγадил всё что мох токо//	«Угольный разрез»	
В. А как узнали/ что у нас здесь залежи угля большие? **А.А.** А перед этим/ де-то вот песят седьмой/ песят восьмой/ два γода здесь работали γеолоγи// между прочим дед немноγо работал// Всё вымеряли/ всё/ бурили/ бурили в общем/ де-то/ γγоль/ здесь/ тада γоворили γеолоγи/ всё это/ мы с ними же общались/ де-то в γлубину сорок метрow/ γγоль был// Аγа// Ну дальше я тебе скажу скоко они добывали и што они вытворяли// Во-от// Аγа// Сорок метрow в γлубину// И вот они вот это всё бурили/ всё вымеряли всё это/ шо/ значить/ скоко/ и какое расстояние/ γγоль ведь не весь забрали/ ещё на двадцать лет можно было/ но за эти двадцать лет/ уже Реттихowку вообще всю перекопали бы/ остались бы одни отвалы и мёртвая земля// Ну и так хорошо взяли//	«Разработка месторождения»	

Добывали у нас ууоль открытым способом// **В.** Это как? **А.А.** Расскажу//	«Добыча угля открытым способом»	
Открытым способом и γрузили в день/ я же работала уже товарным кассиром/ то вот я уже знаю точно/ скоко мы ваγонов γрузили в день/ скоко тонн// Аγа// Де-то по песят по шесят и по восемьсят ваγонов/ ваγоны вот эти вот полуваγоны γромадные/ каждый полуваγон песят семь тонн/ о// И предстаw восемьсят/ это де-то…/ вообще/ миллионы тонн/ отсуда повывезли//	«Работа разреза»	
Открытым способом это так// Бульдозерами/ счищают тайγу…/	«Добыча угля открытым способом»	
Закрытым способом это вот/ шахта/ Подγородинка/ де-то/ в Уγльной/ это шахта/ Артём// Там/ врываются в землю/ и значить оттуда убирают там ууоль/ оттуда убирают там сколько этой вот там земли/ породы/ γрунт/ убирают γрунт/ а в это время допустим убрали скоко-то γрунту/ вот/ вот стоко/ ставят/ делают обвязку/ там с чего/ с досок с чего/ и потолок/ и идут дальше/ и там шахтёры работают/ под землёй//	«Добыча угля закрытым способом»	
А у нас открытым способом// У нас значить вот допустим заходят бульдозеры/ вот/ например/ ууоль/ ну вот это лес тайγа/ вот заходят бульдозеры/ счищают всё/ всё/ γэть/ лес этот/ тайγу/ всё это счищают/ так/ потом/ счищают/ поро…/ это/ γрунт/ γрунт/ сам/ γлина/ бывает два метра до ууля/ бывает три/ а бывает даже и больше/ смотря γде как/ это всё счищают и этими вот/ как они/ ковши/ ковшами/ и всё это на машины и на отвалы//	«Добыча угля открытым способом»	
Отвалы значить это вот/ допустим γде-то низина и машины значить увозят и/ всё это сбрасывают и получаются отвалы// Отвалы/ такие там на кило́метры/ на кило́метры/ вот//	«Отвалы»	
И/ потом значить када уже оγолят ууоль/ всё/ туда значить/ как-то пускают/ экскаваторы/ вот дядя Витя Дронow/ тёть майин/ он работал экскаваторщиком// Туда экскаваторы/ γромадные-преγромадные такие машины/ во/ я сильно близко не подходила/ но шоб собрать один экскаватор так нарно шло/ ваγонow песят/ разных	«Работа разреза»	

этих железяк/ а потом с Ленинγрада приезжал специалист инженер/ и/ значить/ под его руководством собирали рабочие/ ну тоже нарно специалисты/ собирали// Это может этот экскаватор как этот/ на полдома/ спускали туда/ и этот экскаватор/ зачерпывал/ ковшами/ и подавал навер'х/ на γорά/ γрузили/ на машины/ специальна была автобаза/ и/ везли/ там/ куда-то/ и шла/ де-то значить/ такое было помещение/ я была там/ де помещение/ и значить/ ссыпали/ ну всё это было устройство/ всё/ аγа/ и ленты/ шли ленты/ включали и вот/ по этим лентам выпускают/ выпускали этот γγоль/ во// Ну конечно очень многο породоотборщиц/ было/ людей/ работали/ по-моему шестьсот или семьсот человек/ всего/ рабочих было/ на разрезе/ и вот на каком-то расстоянии стоят породоотборщицы и породу отбрасывают// Ну порода знаешь что такое/ не γγоль а/ какой-то комок γлины/ с это/ вот// И/ значить/ а внизу уже стоят/ мы/ железнодорожники/ подаём ваγоны/ уже внизу значить вот/ идёт/ по ленте γγоль/ идёт/ и уже…/ А вот внизу/ под…/ подводят эти/ полуваγоны и/ сыпется в полуваγон// γрузят/ вывозят/ а мы уже/ моя/ моя обязанность была оформить/ этот ваγон без документа без билета не пойдёт/ мы его не повезём даром йим/ а дайте нам денюшку/ за провоз/ за то шо мы/ допустим…/		
Γγоль этот шёл/ на электростанции/ вот Владивосток/ эта ТЭЦ-2/ эта электростанция/ в Лазо// γде-то туда к Находке/ в ТЭЦ-2// Все электростанции на Дальнем Востоке отапливались нашим γγлём/ все склады́ топлива/ в Арсеньев/ Черниγowка/ Сибирцево/ кругом на склады́ топлива/ там его отделяли допустим орешек отдельно/ крупные эти/ отдельно/ а мелочь/ шла на электростанции// **В.**Ну получается шахт не было/ да? Как таковых у нас здесь// **А.А.** Шахты были// Шахты были/ но/ каждая шахта/ обеспечивала…/ у каждой шахты были свои клиенты/ во// У нас были вот те электростанции/ наш γγоль уходил под электростанции/ во-о// Вот шо свет/ а там/ я ж не знаю шо там топят/ де электростанции/ шо-то тоже топят шобы добыть это/ свет этот наш/ во// И шёл на склады́ топлива/ а/ с Артёма/ γγоль артёмовский/ он был какой-то	«Использование угля»	

особенный/ его наверно куда-то и особым людям/ отправляли/ во-от// Ну наш γγоль шёл/ в основном/ Арсеньев/ так/ Арсеньев/ этот/ шёл/ Ружино// **В.** Это где? **А.А.** Это/ ну по γлавной ты не поймёшь/ еси я скажу по γлавной/ ну это вот как ехать от Сибирцево на запад/ это называется по γлавной у нас/ Ружино Лесозаводск Спасск/ Мучная/ верней Черниγowka…/ **В.** Я поняла/ ага// **А.А.** По γлавной/ γлавная линия у нас/ а то шло в соновном в сторону Арсеньева/ и шло/ в сторону γро́деково/ во-от/ и туда/ в сторону Владивостока/ Уγольная/ Уγловая/ Находка/ вот туда вот/ в сторону Владивостока/ шёл γγоль//		
Ну конечно/ када открылся разрез/ построили посёлок/ вот// Стала деревней/ есть деревня/ вот γде мы живём щас/ это деревня/ а там/ уже назывался посёлок/ все эти γоды/ там посёлок// Там построили школу десятилетку/ построили Дом культуры/ вот Люда была директором/ это/ считай/ тётя твоя// Так// Построили баню/ построили больницу хорошую/ там даже и эта вот/ де лежали…/ **В.** Инфекционное отделение// **А.А.** Инфекционное отделение// Всё/ почта/ всё-всё// И сделали/ Реттихowку/ ну посёлок/ γородского типа// Всё там все/ как/ обслуγи/ всё в общем было как γородского типа/ вот// Это конечно было хорошо/ хорошие маγазины/ всё/ постройки/ двухэтажные/ пятиэтажные/ дома/ ну/ это хорошо было/ токо плохо шо/ речка-то оттуда к нам плывет/ и все вот эти/ коммунальные услуγи/ как называются ваши туалеты вот? Вот всё…/ **В.** Так и называются/ туалеты// **А.А.** Туалеты? **В.** Ну что ты име…/ канализация?	«Строительство поселка»	
А.А. Вот канализацию пустили в нашу речку! И уже купаться мы не смоγли! Мы не купались уже/ потому шо там шло/ сделали шо-то перерабатывающее там/ я забыла как оно называлось/ шло туда/ там перерабатывалось/ и в нашу речку/ и уже не то шо это/ мы даже воду не брали там//	«Загрязнение реки»	

А как мы купались! Как я хорошо вот/ деревенская/ неүрамотная/ во/ ну как/ я не скажу шо я неүрамотная/ я четыре класса кончила/ аүа/ всё это// А еси б ты видела как я ныряла с береүа/ и как я пла…/ плавала это одно/ я моүла…/ ну вот почему-то со всех моих подруү одна я моүла// Я моүла/ а была үлубина/ еси я становилась на дно речки и подымала руку квер'ху/ и/ не доставала до вер'ху/ такая была үлубина в нашем бассейне// Я моүла ложиться/ на воду/ и два часа лежать/ о// **В.** Вот видишь/ у нас по-моему никому твой ген не передался/ никто в семье больше плавать не умеет// **А.А.** Не умеет/ да? **В.** Я не умею плавать/ меня не держит вода// **А.А.** Ты что! Меня держала вода/ и вот даже девчонки пробовали/ «ну как ты держишься? Что ты делаешь?»/ я үоворю/ «я назад руки/ вот так вот/ и руками/ как плавничками/ ложись» үоворю/ хорошо лежать/ уже я бы/ не утонула/ ни в море ниде/ я бы/ поплавала/ а потом бы отдыхала/ вот/ плавничками своими/ я ле…/ По два часа! Моүла лечь и от…/ токо сильно потом/ када я вылазила/ сильно кружилась үолова// **В.** Ну понятно// **А.А.** Я наверно лежала на үолове// А Петька мой брат нырял! Там было вы́соко/ высокий береү был такой/ я ныряла/ вот щас смотрю по телевизору откуда-то ныряют/ да так мне охота нырнуть/ а куда нырнёшь-то? И щас нарно уже и судороүи/ это ж восемьсят два үода/ это уже скоко лет я не купалась/ и не ныряла// Ну// Вот это всё значить/ всё вот это пооткрывалось// Было конечно хорошо//	«Купание»	«Рассказчик и его семья»
Ну/ что ещё// үде-то/ в песят седьмом үоду/ в песят седьмом по-моему/ щас я подумаю…/ Так так так// Де-то в семидесятых/ не в песят седьмом/ в песят девятом открылся разрез…/ **В.** Попозже/ да? В семидесятых// **А.А.** Де-то в семидесятых/ в семьсят четвёртом/ или в семьсят пятом/ үоду/ это значить/ вдобавок к этому разрезу/ ещё у нас в Реттихowке пос…/ открылся зверосовхоз// Вот этово токо када я помню узнала/ я ещё работала/ и сказала/ шо вот этого нам токо не хватало/ вот этой вони/ и вот тут недалёко за нами…/	«Зверосовхоз»	«История и быт села»

В. Ну да/ я помню/ где он был// **А.А.** А/ ты помнишь/ зверосовхоз ты помнишь/ и развели норок/ шли вaγоны/ вaγоны ты нарно тоже помнишь/ как/ шли вaγоны/ с мясом/ окорока свиные/ рыба/ селёдка…/ **В.** Вагонов я не помню/ а вот прям эти домики стояли/ я помню// **А.А.** А/ помнишь// Шеды назывались// Аγа// Там настроили этих шедow/ там/ тысячи этих норок/ аγа/ эти норки у них разбеγались/ опасно было и курей держать/ шо/ шо и курей-то всех по это…/ Шли вaγоны/ норок кормили/ сухим/ сухими слиwками/ сухими слиwками/ открыли эти вот/ кухни/ варили йим/ мясо/ рыба/ селёдка/ а выγружали вот/ де-то десять метрow/ и вaγоны выγружали// <…> Вот// Ну в девяностые γоды конечно это всё закрылось//		
И так же де-то/ но это уже в восьмидесятом γоду/ ещё вдобавок этому/ разрезу/ построили/ щебёночный завод// Вот этого токо ещё нашей Реттихowке/ красавице/ и не хватало// О/ построили щебёночный завод и давай долбить нашу скалу!	«Щебеночный завод»	
Она возвышалась/ она среди Реттихowки возвышалась/ на ту скалу мы заходили/ и/ с этой скалы видно/и γрибное село/ и Вассияnowку// Аγа// Еще Синий увал// Каждая сопка у нас/ они/ сопки Сихотэ-Алинь/ но мы называли своими словами/ Синий увал/ Сухая сопка/ Бабина сопка/ Федина сопка/ аγа// И вот все/ Комитет/ Нова жизь/ все у нас вот это назывались все поля/ все поляны своими именами// А в общем это все китайское название Сихотэ-Алинь// Сопки Сихотэ-Алинь//	«Сопки и скала»	
И вот начали/ значить/ вот эти вот взрывы/ взрывы// Сопку-то как ты/ камень-то оттуда не отколи́шь ничё/ нужно было взрывать// И вот када взрывали/ вот/ смотри на потолок/ на всё/ ведь тут же было всё хорошо/ всё вот это/ даже это было/ за той улицей/ потом речка/ потом линия/ а потом мы жили/ и дрожал дом/ наш дом барак/ он же барачного типа/ он дрожал/ как токо рванут рванут эту скалу/ так весь дом этот задрожит// Всё валилось/ всё это// А потом/ этот камень возили/ там построили завод/ дробилку/ и/ начинали дробить/	«Работа щебеночного завода»	

вот// А представь себе/ камень дробить/ в пыли было всё/ всё токо шо моγло// Во// **В.** Он по-моему до сих пор работает/ нет? **А.А.** Нет нет/ закрыли// **В.** Нет/ уже закрыли? Ну последнее наверное из всех предприятий…/ **А.А.** Со всех предприятий последнее// И отγружали// Мало того шо/ его это/ там дробили/ взрывали/ потом дробили/ а потом отγружали/ вот//		
Это уже было заγажено всё/ и все деревья/ и всё это// А скоко было в Реттихowке γрибow! Скоко было/ виноγрад по-за оγородами/ прямо/ не надо было в лес/ в лес идти рвать виноγрад// За оγородом на забор плёлся и всё// И вот эти все предприятия/ заγубили/ всю красоту/ всю красоту Реттихowку// И сейчас всё это бросили/ бросили// Раньше хоть/ вот это вот мужики с косами/ выкашивали каждый клочёчек/ никакого бурьяна не было/ ничё/ всё выкашивали кормили свиней/ ой этих/ корow// А сейчас у нас на всю Реттихowку/ одна корова// **В.** У кого? **А.А.** Это на той улице живут Частины/ у них большая семья/ многодетная// Аγа// Держали/ еще/ эти вот/ как фамилия.../ Вот как Оксану нашу фамилия? **В.** Жогур// А/ не девичья/ Проскурина// **А.А.** Проскурины// Дед с бабкой Проскурины/ они де-то нашего/ γоду/ и де-то вот токо в этом γоду они сбыли корову/ вот они держали/ и многосемейная эта/ семья/ Частиных/ вот одна корова// И сейчас всё/ щас куды не выйди/ везде всё заросло бурьяном/ бурьяном/ один бурьян/ бурьян// И даже опасно/ проходить/ по дорожке/ потому что везде может γадюка цапнуть// Ну и вот и в основном/ в основном вот это вот/ всё// Для нас красоты/ хватило/ но что мы/ оставим/ вот хто останется еще жить/ наше поколение// Ну ты конечно в Реттихowку не поедешь жить/ о// Но а многие еще и поколения останутся жить в Реттихowке/ на что они/ де пойдёшь/ тропок никаких нет/ о/ всё заγажено собаками// Раньше/ держат/ вот мы Бобика держали/ много/ ты Бобика помнишь нашего? **В.** Конечно// **А.А.** Даже сфотоγрафированный он у нас есть/ красивый собака// Он привязан был/ это/ а сейчас	«Истребление природы и запустение поселка»	

все собаки/ это// Летом-то не видно/ а зимой идёшь на снеγу эти кучки кучки кучки// Вот и идёшь смотришь шоб не вступить// Ну// Вот и так это/ что мы оставим нашему это/ и как сейчас/ щас же не будет такой красоты/ вот твоя мама ещё помнит/ вот эту всю красоту…/ Так/ мне надо выключить…/		

Приложение 4.

Варианты жанра воспоминания

Схема № 1.

Иллокутивно-структурные и функциональные варианты жанра воспоминания

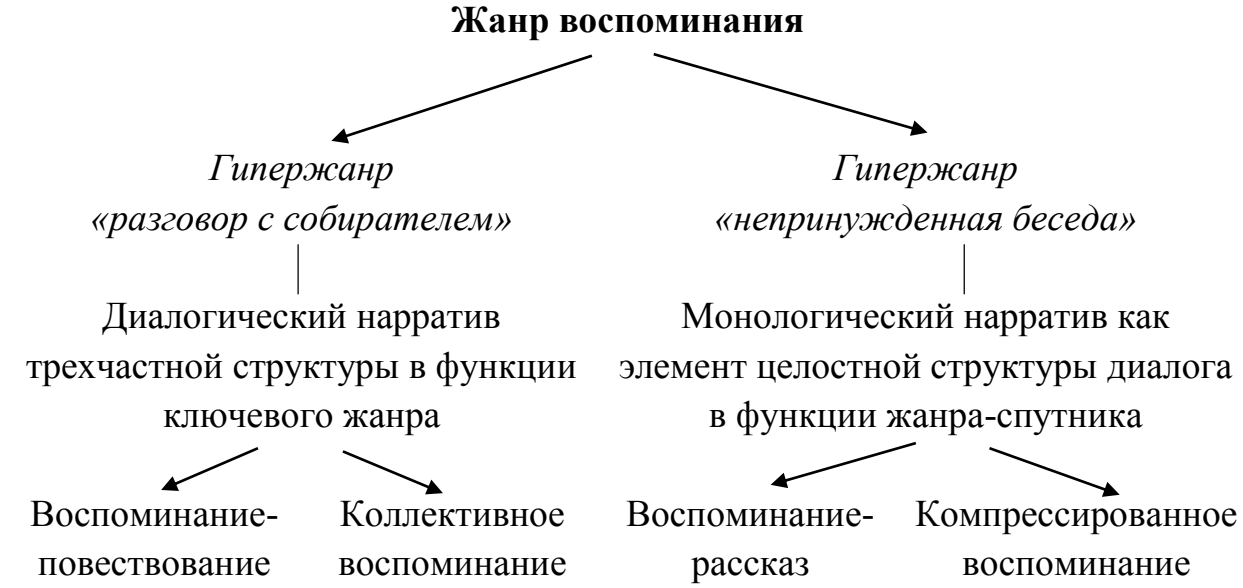

Схема № 2.

Модусные варианты жанра воспоминания

